

ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

Научный журнал

Выпуск 3 (70)

Рязань 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ ПИ № ФС77-72456

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е. Г. Логинова, главный редактор, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Ярославль),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Каунас, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград; Российско-Армянский университет, Ереван, Армения),

И. В. Зыкова, д-р филол. наук, доц., ведущий науч. сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший науч. сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

А. В. Туарменская, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

В. В. Феценко, д-р филол. наук, старший науч. сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2024

© «Иностранные языки в высшей школе», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Проблемы грамматической семантики

Беляев А. Н. Особенности префиксации в современном немецком языке	5
Клочко К. А. Структура «топик — комментарий» как основа для актуализации в речи двухкомпонентного высказывания	12
Ли Юйхань Сопоставительный анализ конструкций с удвоением глаголов в русском и китайском языках	22

Раздел II

Анализ дискурса в лингвокультурном и кросс-семиотическом аспектах

Вековищева С. Н., Демин М. С. Лексико-семантические особенности репрезентации лингвокультуры орфизма (на материале сопоставления отрывка текста пьесы У. Шекспира <i>The Tempest</i> / «Буря» и его русскоязычных переводов)	30
Колядин А. В. Проксемная сравнительно-сопоставительная модель арабского мира в публицистических текстах (на материале статей об архитектуре в журналах «Вокруг света» и <i>National Geographic</i>)	39
Силкина О. М., Гудкова Д. С. Поликодовость образовательного интернет-дискурса (на материале переписки преподавателей и студентов в социальных сетях)	46
Тисленкова И. А. Функционирование демонстративной тональности в медицинском дискурсе	54
Шептун Н. Н. Пространственно-темпоральное моделирование дискурса рубрики «Арт» в изданиях <i>Le monde</i> и «Российская газета»	62

Раздел III

Проблемы художественного перевода

Неваленая Е. В. Полиализ перевода адвербиалий (на материале романа Э. Уортон «Эпоха невинности» на английском и русском языках)	70
Стрельцов А. А. Вариативная передача контаминированной речи персонажей-немцев (на материале рассказов О. Генри <i>The purple dress</i> и <i>The last leaf</i>)	76

Раздел IV

Хеджирование в письменной профессиональной коммуникации

Богинская О. А. Междисциплинарный анализ маркеров хеджирования в исследовательских проектах аспирантов [На англ. яз.]	88
Хань Хао Английские глаголы хеджирования, употребляемые в письменных лингвистических текстах [На англ. яз.]	94
Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами	99

TABLE OF CONTENTS

Part I

Issues of grammatical semantics

<i>Belyaev, Andrej</i> Features of prefixation in modern German	5
<i>Klochko, Konstantin</i> The “topic-comment” structure as a basis for the actualization of bi-component utterances in speech	12
<i>Li Yuhan</i> A comparative analysis of Russian and Chinese verb reduplication constructions	22

Part II

Discourse analysis from the linguocultural and cross-semiotic perspectives

<i>Vekovishcheva, Svetlana; Demin, Mikhail</i> Lexical and semantic peculiarities of representation of the linguoculture of Orphism (based on the juxtaposition of the text excerpt of W. Shakespeare’s play ‘The Tempest’ and its Russian-language translations)	30
<i>Koliadin Anton</i> Proxemian comparative model of the Arab world in journalistic texts (a case-study about architecture in the magazines <i>Around the World</i> and <i>National Geographic</i>)	39
<i>Silkina, Olga; Gudkova Daria</i> Multimodal nature of educational Internet discourse (based on correspondence between teachers and students on social networks)	46
<i>Tislenkova, Irina</i> The functioning of demonstrative tonality in medical discourse	54
<i>Sheptun, Natalya</i> Spatial-temporal modeling of the discourse in the rubric “Art” in the editions <i>Le monde</i> and <i>Rossiyskaya Gazeta</i>	62

Part III

Literary translation studies

<i>Nevalenaya, Ekaterina</i> Polyanalysis of the translation of English adverbials (based on the novel by E. Wharton <i>The Age of Innocence</i> in English and Russian)	70
<i>Streltsov, Alexey</i> Variable transference of German characters’ contaminated English speech (based on O. Henry’s short stories <i>The purple dress</i> and <i>The last leaf</i>)	76

Part IV

Hedging in written professional communication

<i>Boginskaya Olga</i> A cross-disciplinary analysis of hedging in postgraduate students’ research proposals	88
<i>Han Hao</i> Lexical verbs hedging in Chinese linguistic academic writing	94
Requirements to the papers submitted (in Russian) *	99

* Available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements>

РАЗДЕЛ I

ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 5–11.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):5–11.

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.001

Особенности префиксации в современном немецком языке

Андрей Николаевич Беляев

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
anbelajew@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье затрагивается комплекс весьма различных проблем, которые связаны с особенностями префиксации в современном немецком языке. Разграничиваются семантические и прагматические аспекты словообразования производных слов. Показана роль свободных и связанных морфем в аффиксальном словообразовании. Ставится вопрос об интуитивном распознавании говорящими аффиксов и словоформ. Анализируется семантическая структура глаголов движения. Выявлено, что немецкие отделяемые приставки представлены в языке не только аффиксами, но и знаменательными словами. Делается вывод о том, что префиксация должна рассматриваться не только со структурной, семантической, но и с фонологической точек зрения.

Ключевые слова: немецкий язык, префиксация, словосложение, словоформа, полупрефикс, лексическая фонология.

Для цитирования: Беляев А. Н. Особенности префиксации в современном немецком языке // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 5–11. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.001.

Original article

Features of prefixation in modern German

Andrej N. Belyaev

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
anbelajew@mail.ru

Abstract. This article touches on a complex of very different problems that are associated with the peculiarities of prefixation in the modern German language. The author distinguishes between semantic and pragmatic aspects of word formation of derivative words. The role of free and bound morphemes in affix word formation is shown. The article raises the question of speakers' intuitive recognition of affixes and word forms, and analyzes the semantic structure of verbs of motion. It was revealed that German separable prefixes are represented in the language not only by affixes, but also by significant words. It is concluded that prefixation should be considered not only from a structural, semantic, but also from a phonological point of view.

Keywords: German, prefixation, composition, word form, half-prefix, lexical phonology.

For citation: Belyaev A. N. Features of prefixation in modern German. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 5–11. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.001.

Введение

Обычно под префиксацией понимается присоединение приставок к корням и основам как способ слово- и формообразования, а под префиксом выделяющаяся в составе словоформы докорневая (то есть предшествующая корню) аффиксальная морфема, имеющая (в индоевропейских языках) преимущественно словообразовательный характер (см.: [Ахманова, 1966, с. 351–352]). При рассмотрении этого

процесса применительно к немецкому языку возникает целый ряд вопросов, которые до настоящего времени еще не разрешены лингвистической наукой. Во-первых, до сих пор еще нет достаточной ясности в вопросе о взаимоотношении префиксации и суффиксации, во-вторых, в германистике еще окончательно не преодолена точка зрения о причастности префиксации к словосложению, в-третьих, не до конца ясно, что считать подлинным префиксом, и в-четвертых, не разрешена проблема семантической классификации префиксов.

Разумеется, сказанное не означает отсутствие у языковедов стремления обойти эту проблему стороной, ссылаясь на сложность ее решения, что неизбежно влечет за собой применительно к префиксации множественность подходов и дает основание пересмотреть полученные ранее результаты. В задачи настоящей статьи не входит подвергнуть тот или иной взгляд на префиксацию сомнению. Мы сочтем свою задачу выполненной, если настоящая статья привлечет внимание специалистов и даст определенный импульс к продолжению дискуссии относительно сущности префиксации в современном немецком языке.

Основная часть

Соотношение префиксации и словосложения

Основной отличительной чертой префиксации от суффиксации является, как известно, отсутствие у префиксов в целом ряде случаев классифицирующего значения. В целом, будучи проявлением словообразовательной необходимости, префиксы не оказывают существенного влияния на транспонирование одной части речи в другую. На это обстоятельство обычно и указывается как на специфическую особенность префиксации, приближающую ее к словосложению. Такая постановка вопроса была характерна для младограмматиков, считавших именные префиксы *ur-*, *erz-* и *un-* первыми компонентами сложных слов. Так, Г. Пауль относил предложные наречия *ab-*, *an-*, *auf-*, *aus-*, *bei-*, *durch-*, *gegen-*, *hinter-*, *mit-*, *nach-*, *neben-*, *über-*, *unter-*, *um-*, *für-*, *vor-*, *wieder-*, *zu-*, *zwischen-*, а также наречия места, такие как *her-*, *hin-*, *fort-*, *weg-*, *heran-*, *herauf-* и т. п., к нефлексивным словам. Истоком возникновения словообразовательных префиксов постулировался распад сложного слова, при котором один компонент сложного слова утрачивал связь с первоначально тождественным ему простым словом. Для того чтобы компонент сложного слова стал словообразовательным элементом, необходимы, по мнению Г. Пауля, три дополнительных условия: 1) наличие у другого компонента прозрачной этимологической связи с родственным ему словом (ср. *Adler* ‘орел’ < ср.-в.-нем. *adelar* ‘благородный орел’); 2) серийность словообразовательной деривации (ср. *Bräutigam* ‘жених’ < др.-в.-нем. *brütigomo* ‘Mann der Braut’); 3) соответствующий компонент сложного слова должен иметь абстрактное, обобщенное значение (типа ‘существо’, ‘качество’, ‘действие’) [Пауль, 1960, с. 410–411]. Представители младограмматического направления оставляли без внимания вопрос о том, что в разных языках существуют префиксы, транспонирующие сочетающиеся с ними основы в другую часть речи. Эти утверждения представляются самоочевидными, однако далеко не всегда они принимаются во внимание в работах по словообразованию. «Переход слов, — пишет Р. З. Мурясов, — одной части речи в другую часть речи представляет собой сложный процесс, затрагивающий всю смысловую структуру слова — как структуру его лексической семантики, так и лексико-грамматические, структурно-семантические и грамматические категории частей речи» [Мурясов, 1979, с. 60].

Между тем наблюдения над засвидетельствованной историей немецкого языка показывают, что такие изначальные первые компоненты сложных слов, как *be-*, *ent-*, *er-*, *ver-* и *zer-*, являются связанными языковыми элементами, которые могут выражать классифицирующее значение, так как с их помощью образуются новые производные глаголы от существительных, прилагательных и глаголов: *be-seel(en)* ‘одушевлять’, *ent-ziffer(n)* ‘расшифровывать’, *er-möglich(en)* ‘делать возможным’, *verabschied(en)* ‘проводить’, *zer-bomb(en)* ‘разбомбить’ (см.: [Henzen, 1965, S. 98]). О специфических трудностях разграничения словосложения от деривации писали К. А. Левковская, Р. З. Мурясов, У. Энгель, Т. Хеле, М. Райс и др. Одна из принципиальных трудностей заключается в том, что ударные префиксы в немецком языке в финитных формах отделяются от основы глагола, образуя в предложении так называемую рамочную конструкцию (см. примеры ниже). Отсюда та странная расплывчатость во взглядах по поводу их языкового статуса. Неотделяемые же, или подлинные, префиксы, функционирующие в роли связанных морфем, могут быть выбраны в качестве разграничительного критерия между словосложением и деривацией. По мнению Т. Хеле, в сложном слове имеются как минимум две свободные морфемы (*Esstisch* ‘обеденный стол’, *Haltestelle* ‘остановка’, *Sofortbildkamera* ‘моментальная камера (полароид)'). Если же в слове

только одна свободная морфема, а остальные связанные, то в таком случае мы имеем дело с деривацией (см.: [Höhle, 1982, S. 81]). Таким образом, согласно Т. Хеле, в аффиксальном словообразовании участвуют как минимум одна свободная и одна связанная морфемы. М. Райс считает, что точка зрения Хеле относительно изменения категориального значения слова, скорее, верна для суффиксации, чем для префиксации (см.: [Reis, 1983, S. 113]).

У. Энгель различает приставки, имеющие постоянное место („feste“) в структуре слова и не имеющие такового („trennbare“) (см.: [Engel, 1988, S. 439]). Элементы *durch-*, *um-*, *über-*, *unter-*, *wider-* и *wieder-* выступают в роли как отделяемых, так и неотделяемых морфем. У. Энгель классифицирует немецкие префиксы на: а) подлинные: *be-*, *ge-*, *ent-*, *er-*, *miss-*, *ver-*, *zer-*; б) заимствованные: *de-*, *dis-*, *in-*, *re-* и др.; в) отделяемые/неотделяемые глагольные приставки: *durch-*, *hinter-*, *über-*, *um-*, *unter-*, *wider-*, *wieder-*; г) глагольные отделяемые приставки: *ab-*, *an-*, *auf-*, *aus-*, *bei-*, *ein-*, *fehl-*, *los-*, *mit-*, *nach-*, *vor-*, *weiter-*, *zu-*, *zurecht-*, *zusammen* (см.: [Ibid.]).

Глагольные приставки во всех спрягаемых формах отделяются от основы глагола. Структурно немецкие префиксальные глаголы подразделяются на следующие виды: собственно префиксальные (*begrüßen*), отсубстантивные (*beanspruchen*), отадективных (*erheitern*) и изолированные (*beginnen*) (см.: [Grundzüge, 1981 S. 496]). Х. Бусман определяет приставки как предшествующие основе связанные серийные словообразовательные элементы (см.: [Bußmann, 2008, S. 598]), составляющие один из способов деривации наряду с суффиксацией.

В отличие от суффиксов, префиксы в немецком языке выполняют почти исключительно словообразовательную функцию, ср.: *Un-recht* ‘несправедливость’, *ur-alt* ‘древний’, *er-schließen* ‘открывать’ и т. п. Их прямое предназначение — глагольное словообразование. В классе существительных и прилагательных префиксация уступает словосложению и суффиксации. Префиксы, как и суффиксы, располагают ограниченным набором. Аналогичным образом ограничивается их дистрибуция, хотя и встречаются некоторые отличия. Удвоение префиксов в одном слове (*Urugroßvater* ‘прапрадед’) невозможно при суффиксации. При суффиксации отсутствует также обычная множественность глагольных префиксов, например: *ab-ver-langen* ‘потребовать’, *an-er-kennen* ‘признавать’, *ein-be-zie-hen* ‘включать’.

В отечественной германистике префиксальные образования, как правило, включаются в раздел словопроизводства (а не словосложения) и рассматриваются как словообразовательные форманты, существенно отличающиеся по своему характеру от такого рода морфем, как корень или основа слова (см. работы В. М. Жирмунского, Л. З. Зиндера, К. А. Левковской, М. Д. Степановой, Р. З. Мурясова и др.).

Коснемся концепции И. А. Мельчука, изложенной в «Курсе общей морфологии», относительно отделяемых приставок в ряде европейских языков (см.: [Мельчук, 1999]). По наблюдениям исследователя, некоторый знак, представляющий собой лишь часть словоформы, — аффикс — может выступать в речи в качестве словоформы — словоформы, так сказать, второго порядка. Следует отметить, что такой подход асимметричен: аффикс потенциально может выступать в качестве словоформы, а словоформа аналогичную возможность не имеет. Словоформа может вести себя одинаково с аффиксом, но при этом аффиксом она все же не становится; в таком случае словоформа называется клиткой (см.: [Там же, с. 189]). Представляет интерес попытка того, как посредством такой асимметричной трактовки можно отобразить интуитивное распознавание говорящими аффиксов и словоформ. Аффиксы образуют жесткую и закрытую систему, единицы которой выделяются в составе словоформы и видоизменяют значение остальной части слова. С синхронной точки зрения эта система «непроницаема» для других элементов. Рассматривая отделяемые префиксы у немецких глаголов, И. А. Мельчук приводит такие примеры:

(1) – „Ich will meinen Freund anrufen“ — ‘Я хочу позвонить своему другу’;

– „Der Zug ist abgefahren“ — ‘Поезд тронулся’;

– „...mit dem Priester, der von seinem Brevier aufsaß und es dann zuklappte“ — ‘...со священником, который поднял глаза от своего требника и затем захлопнул его’.

(2) – „...um meinen Freund anzurufen“ — ‘...чтобы [= um... (zu)] позвонить моему другу’;

– „Es ist schon Zeit, abzufahren“ — ‘Пора уже трогаться’;

– „Der Priester entschloss sich, von seinem Brevier aufzusehen und es zuzuklappen“ — ‘Священник решил поднять глаза от своего требника и захлопнуть его’.

(3) – „Ich rufe meinen Freund, der gestern in Montreal angekommen ist, an“ — ‘Я звоню своему другу, который вчера приехал в Монреаль’;

– „Der Zug fuhr nach einigen Minuten langen Wartens, die ich nie vergessen werde, endlich, ab“ — ‘Наконец, после нескольких минут напряженного ожидания, которые я никогда не забуду, поезд тронулся’;

– „Er sah von seinem Brevier auf, klappte es zu und fixierte den Frager“ — ‘Он поднял глаза от своего требника, захлопнул его и уставился на спрашивающего’.

Несмотря на удаленность от глагола, немецкие морфемы *an-*, *ab-*, *auf-*, *zu-* в глагольных формах представляют из себя префиксы, «поскольку их автономность в немецком языке в целом не может быть сочтена достаточной для признания за ними статуса словоформы» [Мельчук, 1999, с. 190]. Немецкие префиксы образуют одно целое с глагольными формами. В примерах (2) те же самые префиксы отделены от основы глагола частицей *zu*, управляющей инфинитивом. Положение частицы *zu* между префиксом и основой не является достаточным условием, чтобы считать *an-*, *ab-*, *auf-*, *zu-* отдельными словоформами. В примерах (3) контекст позволяет считать эти элементы, тождественные префиксам, как и оставшуюся часть глагола, словоформами. Поэтому в этих примерах *rufe ... an* ‘звоню [по телефону]’, *fuhr ... ab* ‘тронулся’ и т. п. должны быть признаны, по мнению И. А. Мельчука, фраземами — идиоматическими выражениями, составленными каждое из двух словоформ, одна из которых — обязательно речевая (в узком смысле слова, то есть не языковая).

Затронем здесь также вопрос, касающийся дополнительного значения, которое придают приставки немецким глаголам. Рассмотрим этот вопрос на примерах глаголов движения. Каноническую схему немецких глаголов движения предложил О. Бегагель, подразделяя их на: а) глаголы свободного движения (*Verba der freien Bewegung*), б) глаголы прегражденного движения (*Verba der gehemmten Bewegung*) и в) глаголы полусвободного движения (*Verba der halbfreien Bewegung*). Глаголы свободного движения обозначают перемещение в каком-либо направлении всего предмета в целом, например: *gehen* ‘идти’, *laufen* ‘бежать’, *fahren* ‘ехать’, *schwimmen* ‘плыть’, *fliegen* ‘лететь’, *wandern* ‘гулять, странствовать’ и т. д. Если местонахождение в пространстве самого предмета не меняется, а изменяется положение только его части или частей, то такие действия обозначают глаголы неполного или частичного движения, например: *aufstehen* ‘встать’, *biegen* ‘гнуть’, *sich setzen* ‘сесть’, *wackeln* ‘качаться’ и т. п. Отдавая дань вкладу Бегагеля в разработку этого вопроса, важно в то же время помнить о работах отечественных германистов С. Д. Кацнельсона и А. И. Смирницкого, которые основываются на тонком анализе выражения направления движения в разных языках. В большинстве случаев отделяемые приставки придают немецким глаголам движения дополнительное значение, которое уточняет направленность движения:

(4) „Erinnerst du dich noch, wie rasch wir im Anfang hier *vorgegangen* sind?“ — ‘Помнишь, как прытко мы здесь поначалу *шли вперед*?’ [Remarque, 1954, S. 30 ; Ремарк].

(5) „Vogelschwärme *flogen* aus dem Dickicht *auf*, und aus den Schreien unter dem Baum wurden Schreckensschreie, als der Riese sich aus dem Unterholz schob“. — ‘Стаи птиц *взвились* над лесом, а шум битвы превратился в крики ужаса, когда из зарослей вышел великан’ [Funke ; Функе].

В определенных глаголах движения они выступают как маркеры предельности.

(6) „Und was machen wir im Drachensaal? Ich warf das Etui wieder in meine Schultasche und *stand auf*“. — И что мы будем делать в Зале Дракона? Я бросила футляр обратно в сумку и *встала*’ [Gier ; Гир].

Функционирование в системе словообразования полупрефиксов

Выше мы уже отмечали, что отечественные германисты рассматривают префиксацию как разновидность аффиксации. М. Д. Степанова при этом, однако, слишком суживает пределы словосложения; наряду с аффиксацией и словосложением выделяет еще и «полуаффиксацию» (см.: [Степанова, 1953]), то есть такой способ словообразования, который, согласно трактовке автора, ближе к аффиксации, чем к словосложению. Под полупрефиксами понимаются такие первые компоненты сложных слов, которые употребляются в «целых группах слов», выступая всегда с одним и тем же обобщенным значением. Полупрефиксами в именном словообразовании М. Д. Степанова считает такие, например, компоненты сложных слов, как **Affen-**, сущ. *Affe* ‘обезьяна’ (*Affenliebe* ‘безрассудная, слепая любовь’), **Bären-**, сущ. *Bär* ‘медведь’ (*Bärenappetit* ‘волчий аппетит’), **Bier-**, сущ. *Bier* ‘пиво’ (*Bierruhe* ‘непоколебимое спокойствие’) и т. д. Такие корневые морфемы, выступающие в функции приставки, именуется также префиксоидами. Свободная морфема, становясь связанной морфемой, теряет свое лексическое значение. В словах *Kunstleder* ‘искусственная кожа’, *Kunststoff* ‘пластмасса’ свободная морфема *Kunst* выступает в функции префиксоида, так как она является связанным вариантом морфемы в слове *künstlich* ‘искусственный’. Аналогичным образом выступает в функции префиксоида, или полупрефикса, корневая морфема *Mord* ‘убийство’, которая придает существительным экспрессивно-усилительное значение; ср.: *Mordsarbeit* ‘адская (каторжная) работа’, *Mordshunger* ‘зверский голод’, *Mordswut* ‘безумная ярость’. Первые члены в приведенных примерах обычно выступают как свободные морфемы и служат в качестве уточняющих компонентов в сложных словах (*Affenkäfig* ‘обезьянья клетка’, *Bärenhöhle* ‘берлога’). С утратой основного лексического значения эти компоненты становятся связанными морфемами и выступают в роли префиксоидов, придавая основе различные сопутствующие значения. При прилагательных продуктивны полупрефиксы *hoch-*, *sau-*, *stink-*, *stock-*, *super-*, *tod-* и др. с усиительным,

экспрессивно-уничижительным значением, например: *hochmodern* ‘ультрасовременный’, *saudumm* ‘очень глупый’, *stinkelegant* ‘расфранченный’, *todunglücklich* ‘глубоко несчастный’.

Не вдаваясь в теоретические рассуждения относительно полуаффиксации, отметим лишь, что термины с *полу-* несут в себе нечто недоразвитое, указывающее на несформировавшееся языковое явление. В этой связи не ясна их дальнейшая судьба: либо они отомрут, либо превратятся в автономную единицу. Существенным является то, что немецкие отделяемые приставки представлены в языке не только аффиксами, но и знаменательными словами — существительными, прилагательными, наречиями. Например, существительное *die Acht* ‘внимание, осторожность’ в роли префикса образует глагол *achtgeben* ‘обращать внимание’: „Gib acht, dass du nicht fällst!“ — ‘Осторожно, смотри не упади!’ Немецкие глаголы с отделяемыми приставками коррелятивны предлогам. Это обстоятельство, видимо, позволило И.-В. Паусу различать (по немецкой модели) в русском языке отделяемые и неотделяемые предлоги — *separabiles* и *inseparabiles* в его терминологии (см.: [Живов, Кайперт, 1996, с. 13]). Прослеживается определенное сходство этих глаголов с фразовыми глаголами в скандинавских языках. Отделяемых приставок как особого класса морфем в скандинавских языках нет. Во всех трех языках есть неотделяемые приставки. Постверб в позиции перед глагольной основой используется для образования производных слов, например, в датском языке *lyse problemene op* ‘освещать проблемы’ → *oplysning* ‘освещение, информация’. Наряду с фразовыми глаголами дат. *lyse op*, норв. *lyse opp*, швед. *lysa upp* имеются префиксальные глаголы дат. *oplyse*, норв. *opplyse*, швед. *upplysa*, где приставка *op/opp/upp* сохраняется во всей парадигме глагола и во всех позициях предложения (см.: [Циммерлинг, 2002, с. 242]).

Префиксация в теории лексической фонологии

Лексическая фонология, или морфонология, определяется как лингвистический ярус, который: а) не является специфицированной единицей, б) включает только единичные сегменты, подчиняется фонологическим условиям, в) вступает в силу после всех правил реализации алломорфов, г) обусловлен морфологически и фонологически (см.: [Потапова, Потапов, 2000, с. 4]). Описание префиксации с позиций лексической фонологии должно удовлетворять всем тем требованиям, которые можно ему предъявить, — непротиворечивости, исчерпываемости и простоты. Развитие лексической фонологии связано с идеей представления лексикона языка, состоящего из определенных ярусов, которые дают основание различать первичную и вторичную аффиксацию. Морфологические процессы обусловлены фонологическими правилами и процессами. «Морфонология освещается лингвистами с различных позиций: исследуется в терминах лексической фонологии (например, Кипарский, Моанан); естественной фонологии или морфологии (Дресслер); объединенных в единое целое морфологии и фонологии (Сингх, Форд)» [Там же, с. 5].

Рамки статьи не позволяют изложить весь спектр фонологических явлений, возникающих при префиксации. Ограничимся рассмотрением сочетаемости префикса *miss-* с корневыми морфемами. Непродуктивный нечастотный префикс глаголов *miss-*, придающий значение неправильного или неудачного действия (*missbrauchen* ‘злоупотреблять’, *missklingen* ‘диссонировать’), может сочетаться со связанными корнями, например *misslingen* ‘не удаваться’; связанный корень *-ling* присутствует в глаголе *geling(en)* в сочетании с приставкой *ge-*. В процессе прибавления префикса *miss-* глагол теряет префикс *ge-*. Однако в других производных словах можно наблюдать его сохранение, например в существительном *Missgeschick* ‘несчастье, неудача’. Такие факты свидетельствуют о том, что анализ исконно немецких префиксов и корней может привести к разным результатам. Особенно это касается тех случаев, когда морфема была устранена в процессе диахронического развития слова. Этот префикс может составлять структуру производных слов с двойственной префиксацией, сочетаясь с префиксальными основами по моделям:

а) *miss* + подлинный префикс + глагольная основа: *miss* + *be* + *find(en)*, *miss* + *be* + *hag(en)*, *miss* + *be* + *schaff(en)*, *miss* + *ver* + *steh(en)*;

б) *miss* + подлинный префикс + основа + суффикс: *miss* + *ver* + *ständ* + *lich*;

в) *miss* + подлинный префикс + именная основа: *Míss* + *be* + *hagen*, *Míss* + *er* + *folg*, *Míss* + *ge* + *burt*, *Míss* + *ge* + *schick*, *Míss* + *ge* + *stalt*, *Míss* + *ver* + *gnügen*, *Míss* + *ver* + *ständnis*.

Префиксально-производные слова *Er-folg* ‘успех’, *Ge-burt* ‘роды’, *Ge-schick* ‘судьба’, *Ge-stalt* ‘фигура’ и *Vergnügen* ‘удовольствие’ вступают в сочетание с префиксом *miss-* как лексически неразложимые единицы. Префиксы *be-*, *ge-*, *er-* и *ver-* стоят на шаг деривации ближе к основе, чем префикс *miss-*. Несмотря на второй шаг деривации, ударение приходится не на производную основу, а на префикс *miss-*, ср.: *Erfolg* и *Misserfolg*, *Geburt* и *Missgeburt*. При сочетании префикса *miss-* со свободными отглагольными именными основами (*Missernte* ‘неурожай’, *Missgunst* ‘недоброжелательство’, *Missheirat*

‘неудачный брак’) ударным оказывается первый слог. Это касается того же сочетания префикса *miss-* с именными основами суффиксально-производных существительных, например *Missbildung* ‘уродство, безобразия’, *Missdeutung* ‘ложное толкование’ и т. п.

Таким образом, можно полагать, что префиксация в теории лексической фонологии может являться методологической доминантой при изучении всех сочетаний префиксов с различного рода корневыми морфемами. Ударность безударного префикса *miss-* можно рассматривать как маркированность, которая зависит, в рамках фонологической теории, от его позиции.

Заключение

Итак, префиксами, или приставками, в немецком языке часто именуется не только подлинны префиксы (такие как глагольные префиксы *be-*, *ge-*, *er-*, *ver-*, *ent-*, *zer-*), но и приглагольные наречия, такие как *an-*, *aus-*, и даже такие как *heran*, *herauf*. Относительно независимый характер словообразования ставит перед филологом задачу избрать адекватную методологию исследования и выработать соответствующий понятийный аппарат. До сих пор некоторые аспекты этой проблематики и связанная с ней терминология остаются недостаточно ясными, получают различное истолкование. Окончательное разграничение между видами глагольных префиксов в научной литературе отсутствует. Сложно выделить основание для различия между префиксацией и словосложением. Критерий изменения частеречной принадлежности, хотя и имеет веские основания, не является неоспоримым. Все сказанное подводит нас к тому, что проблема префиксации в немецком языке должна решаться не только со структурной, семантической, но и с фонологической точки зрения.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. : Сов. энцикл., 1966. — 606 с.
2. Гир К. Изумрудная книга. — Гл. 3. — URL : <https://www.rulit.me/books/tajmless-izumrudnaya-kniga-read-288402-25.html> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Живов В., Кайперт Г. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. — 1996. — № 6. — С. 3–30.
4. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл — текст»: семантика, синтаксис. — М. : Языки рус. культуры, 1999. — 345 с.
5. Мурясов Р. З. Словопроизводство и грамматические категории // Вопросы языкознания. — 1979. — № 3. — С. 60–69.
6. Пауль Г. Принципы истории языка. — М. : Изд-во иностр. лит., 1960. — 499 с.
7. Потапова Р. К., Потапов В. В. Фонетика и фонология на стыке веков: идеи, проблемы, решения // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 3–25.
8. Ремарк Э. М. Время жить и время умирать. — URL : <https://libcat.ru/knigi/proza/397303-8-erih-remark-vremya-zhit-i-vremya-umirat-litres.html#read> (дата обращения: 15.04.2024).
9. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. — М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1953. — 374 с.
10. Функе К. Чернильная смерть. — URL : <https://leksii.org/6-64652.html> (дата обращения: 15.04.2024).
11. Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. — М. : Языки слав. культуры, 2002. — 896 с.
12. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. 4., durchges. Auflage. — Stuttgart : Alfred Kröner, 2008. — 819 S.
13. Engel U. Deutsche Grammatik. — Heidelberg : Groos, 1988. — 888 S.
14. Funke C. Tintentod. — URL : <https://clck.ru/3C8itc> (дата обращения: 15.04.2024).
15. Gier K. Smaragdgrün. — URL : <https://clck.ru/3C8jRa> (дата обращения: 15.04.2024).
16. Grundzüge einer deutschen Grammatik / Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Karl Erich Heidolph, Walter Flämig und Wolfgang Motsch. — Berlin : Akademie-Verlag, 1981. — 1028 S.
17. Henzen W. Deutsche Wortbildung. 3., durchges. u. erg. Aufl. — Tübingen : Niemeyer, 1965. — 314 S.
18. Höhle T. Über Komposition und Derivation: Zur Konstituentenstruktur von Wortbildungsprodukten im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 1982. — № 1. — S. 76–112.
19. Reis M. Gegen die Kompositionstheorie der Affigierung // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. — 1983. — № 2. — S. 110–129.
20. Remarque E. M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. — Köln ; Berlin : Kiepenheuer & Witsch, 1954. — 397 S. — URL : https://deutschzusammen.usite.pro/Remarque-Zeit_zu_Leben_und_Zeit_zu_Sterben.pdf (дата обращения: 15.04.2024).

References

1. Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sov. encycl. Publ., 1966, 606 p. (In Russian).
2. Gir C. *Izumrudnaya kniga* [The Emerald Book]. Ch. 3. Available at: <https://www.rulit.me/books/tajmless-izumrudnaya-kniga-read-288402-25.html> (accessed 15.04.2024). (In Russian).
3. Zhivov V., Kajpert G. On the place of I.-V. Paus' grammar in the development of the Russian grammatical tradition: interpretation of the relationship between Russian and Church Slavonic. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1996, no 6, pp. 3–30. (In Russian).
4. Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej "smysl — tekst": semantika, sintaksis* [Experience in the theory of linguistic models "meaning — text": semantics, syntax]. Moscow, Yazyki rus. kul'tury Publ., 1999, 345 p. (In Russian).
5. Muryasov R. Z. Word production and grammatical categories. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1979, no. 3, pp. 60–69. (In Russian).
6. Paul' G. *Principy istorii yazyka* [Principles of language history]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. Publ., 1960, 499 p. (In Russian).
7. Potapova R. K., Potapov V. V. Phonetics and Phonology at the Turn of the Century: Ideas, Problems, Solutions. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 2000, no. 4, pp. 3–25. (In Russian).
8. Remark E. M. *Vremya zhit' i vremya umirat'* [A Time to Live and a Time to Die]. Available at: <https://libcat.ru/knigi/proza/397303-8-erih-remark-vremya-zhit-i-vremya-umirat-litres.html#read> (accessed 15.04.2024). (In Russian).
9. Stepanova M. D. *Slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo yazyka* [Word formation of modern German language]. Moscow, Izd-vo literatury na inostr. yazykah Publ., 1953, 374 p. (In Russian).
10. Funke C. *Chernil'naya smert'* [Ink Death]. Available at: <https://leksii.org/6-64652.html> (accessed 15.04.2024). (In Russian).
11. Cimmerling A. V. *Tipologicheskij sintaksis skandinavskih yazykov* [Typological syntax of Scandinavian languages]. Moscow, Yazyki slav. kul'tury Publ., 2002, 896 p. (In Russian).
12. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart, Alfred Kröner, 2008, 819 S. (In German).
13. Engel U. *Deutsche Grammatik*. Heidelberg, Groos, 1988, 888 S. (In German).
14. Funke C. *Tintentod*. Available at: <https://clck.ru/3C8itc> (accessed 15.04.2024). (In German).
15. Gier K. *Smaragdgrün*. Available at: <https://clck.ru/3C8jRa> (accessed 15.04.2024). (In German).
16. *Grundzüge einer deutschen Grammatik*. Berlin, Akademie-Verlag, 1981, 1028 S. (In German).
17. Henzen W. *Deutsche Wortbildung*. Tübingen, Niemeyer, 1965, 314 S. (In German).
18. Höhle T. Über Komposition und Derivation: Zur Konstituentenstruktur von Wortbildungsprodukten im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1982, no. 1, S. 76–112. (In German).
19. Reis M. Gegen die Kompositionstheorie der Affigierung. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1983, no. 2, S. 110–129. (In German).
20. Remarque E. M. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben*. Köln, Berlin, Kiepenheuer & Witsch, 1954, 397 S. Available at: https://deutschzusammen.usite.pro/Remarque-Zeit_zu_Leben_und_Zeit_zu_Sterben.pdf (accessed 15.04.2024). (In German).

Информация об авторе

Беляев Андрей Николаевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Башкирского государственного аграрного университета.

Information about the author

Belyaev, Andrej — doctor of philology (habil.), associate professor, professor at the Department of Foreign Languages, Bashkir State Agrarian University.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
одобрена после рецензирования 25.05.2024;
принята к публикации 25.05.2024.*

*Submitted 06.03.2024;
approved after reviewing 25.05.2024;
accepted for publication 25.05.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 12–21.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):12–21.

Научная статья
УДК 81'367.7
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.002

Структура «топик — комментарий» как основа для актуализации в речи двухкомпонентного высказывания

Константин Александрович Ключко

Пермский государственный национальный исследовательский университет;
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия
konstklochko@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье двухкомпонентное высказывание рассматривается как форма реализации в речи структуры «топик — комментарий», где два элемента представляют собой выражение предмета и его предикативного признака. Структура «топик — комментарий» представляет собой схему позиций и является наиболее архаичной формой выражения предикативности. Дальнейшее исследование необходимо проводить с учетом особенностей структуры «топик — комментарий», что позволит изучить некоторые аспекты текстообразования и обучения иностранному языку.

Ключевые слова: грамматика, альтернативные грамматики, однокомпонентное высказывание, двухкомпонентное высказывание, топик, комментарий, тема, рема, структура, конструкция.

Для цитирования: Ключко К. А. Структура «топик — комментарий» как основа для актуализации в речи двухкомпонентного высказывания // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 12–21. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.002.

Original article

The “topic-comment” structure as a basis for the actualization of bi-component utterances in speech

Konstantin A. Klochko

Perm State University; Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia
konstklochko@gmail.com

Abstract. In the given article bi-component utterances are tackled as a special form of realization of a “topic-comment” structure in speech. The notions of “topic” and “comment” are not equal to “theme” and “rheme”. They are a scheme of positions where the former is the reference area. The structure is the most archaic form of predication. Further research in this field can be performed only taking into account the peculiarities of this structure to study some aspects of text-production and teaching foreign languages.

Keywords: grammar, alternative grammars, one-component utterance, bi-component utterance, topic, comment, theme, rheme, structure, construction.

For citation: Klochko K. A. The “topic-comment” structure as a basis for the actualization of bi-component utterances in speech. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 12–21. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.002.

Введение

В настоящий момент, в связи с растущим интересом к восточным языкам (в частности, к китайскому), вопросам обучения иностранному языку, а также вопросам, связанным с методами обработки естественного языка для обучения нейросетей (см.: [Ломов, Малоземова, 2020]), представляется актуальным пересмотреть некоторые аспекты описания синтаксиса естественного языка.

Одним из примеров конструкций, нуждающихся в более четком определении и описании, исходя из нового, непредвзятого взгляда на язык и речь, является двухкомпонентное высказывание. В своем классическом виде оно описано у Ш. Балли под названием дирема. Он приводит пример из «детского» языка, где “Cousou — frpt!” означает, что птица взлетает (см.: [Балли, 2001, с. 63]). При достаточно широком распространении данного типа высказывания в речи (см.: [Ключко, Яшманова, 2013 ; Ключко,

Крузе, 2018]) оно не было подробно описано и системно определено в существующей парадигме лингвистики. Таким образом, цель настоящей статьи заключается в первичном описании феномена двухкомпонентного высказывания, когнитивную основу которого составляет структура «топик — комментарий», а также установлении базовых характеристик указанной структуры. Данная статья является первым опытом осмысления двухкомпонентного высказывания в рамках более масштабного исследования автором форм реализации протограмматических конструкций в речи, дальнейшее изучение которых невозможно без начального определения особенностей структуры «топик — комментарий» на примере двухкомпонентного высказывания. Для достижения указанной цели в статье проводится изучение опыта исследования структуры «топик — комментарий», а также обобщение и синтез полученных данных.

Основная часть

Альтернативные подходы к синтаксической системе языка

На текущий момент двумя яркими примерами, иллюстрирующими неудовлетворенность устоявшимся структуралистским подходом к языку в целом и синтаксису в частности, являются теории В. А. Курдюмова и Ю. А. Левицкого. Последний предложил и подробно описал систему так называемых альтернативных грамматик, противопоставляемых номинативной, где подлежащее — это местоимение или существительное в именительном падеже, а сказуемое — глагол в личной форме. «Иные» грамматики, помимо номинативной, согласно Ю. А. Левицкому, представляют собой протограмматику, реализующуюся в речи в виде однокомпонентных (однословных) высказываний, коммуникативную грамматику, реализующуюся в речи в виде двухкомпонентных высказываний, а также актантно-ролевою грамматику, которая в речи представлена высказываниями с подлежащим в форме любого падежа, кроме именительного. Все грамматики равноправны и используются в речи современного человека; это явление называется «грамматическим плюрализмом» (см.: [Левицкий, 2010]).

Нами проводилось исследование семантики и функций однокомпонентных высказываний и частично — двухкомпонентных в аспекте их потенциала текстопорождения (см.: [Клочко, 2015]). В процессе исследования, однако, не учитывалась принципиальная характеристика двухкомпонентных высказываний, которую Ю. А. Левицкий изначально обозначил как структуру «топик — комментарий», где первый компонент представляет собой область референции, а второй компонент — его предикативный признак (см.: [Левицкий, 2010, с. 153]). При этом исследователь рассматривает двухкомпонентные высказывания типа «Вино — стол» как сокращенные варианты от более полных, иначе говоря, конструкций с двумя подлежащими («Вино, его нужно поставить на стол») (см.: [Там же, с. 154]).

Изучение феномена двухкомпонентных высказываний в свете «грамматического плюрализма» находится фактически на начальной стадии, однако является перспективной областью, которая позволит раскрыть и формально-структурные особенности данной единицы, и семантику, и потенциал текстопорождения. Ключом же к исследованию данного типа высказываний служит достаточно абстрактная на первый взгляд структура «топик — комментарий», которая при ближайшем рассмотрении оказывается выходящей далеко за рамки «двойного подлежащего». Подробно о ней пишет В. А. Курдюмов, отмечая ее широту и универсальность.

В. А. Курдюмов считает, что язык традиционно воспринимается с точки зрения младограмматизма и структурализма «как некий набор средств, подлежащих использованию», но «понимание языка как процесса, движения, гумбольдтовской “энергеи” исключается вообще» [Курдюмов, 2005, с. 8]. Взамен уровневой модели языка, пригодной только для дидактических целей, он предлагает пользоваться понятием предикационной концепции языка, согласно которой наиболее ярко проявляющаяся в китайском языке «структура “топик — комментарий” есть универсальная структура применительно к любому лингвистическому или психолингвистическому аспекту описания языка» [Курдюмов, Коцик, 2020, с. 89]. По В. А. Курдюмову, высказывание разворачивается через ряд предикаций, то есть происходит «перманентный взаимный переход бинарных структур» [Курдюмов, 2014] от неких досинтаксических, к которым, предположительно, относится «топик — комментарий», к поверхностным.

Заметим, что поверхностные и глубинные структуры В. А. Курдюмов понимает не так, как принято в грамматике Н. Хомского. У В. А. Курдюмова «...под “поверхностной” понимается синтаксическая структура, которая на самом деле таковой является лишь условно». Структура всегда глубинна и представляет собой «сначала “пред-синтаксические” топик и комментарий, которые при дальнейшем “осмыслении” последовательно переходят в “семантические” пары», затем в теньеровскую схему с участием актантов, а затем в «визуальную», «где актантам соответствуют образы предметов, а предикату — осознаваемые связи между ними» [Курдюмов, 2014].

И В. А. Курдюмов, и Ю.А. Левицкий основывают свои исследования не только и не столько на материале индоевропейских языков. В. А. Курдюмов опирается главным образом на систему китайского языка, а Ю. А. Левицкий привлекает целый ряд языков, в том числе инкорпорирующих, тем самым как бы подтверждая слова И. И. Мещанинова, который писал, что «особенно остро встал вопрос о преодолении традиционных схем грамматического описания, созданных преимущественно на материале индоевропейских языков и обусловленных спецификой строя этой языковой группы» (цит. по: [Гухман, 1985, с. 4]).

Основные характеристики структуры «топик — комментарий»

Таким образом, центральным понятием, более актуальным для китайского языка, чем, например, для русского и английского, является структура «топик — комментарий», которая при более подробном рассмотрении оказывается ключевой для понимания некоторых синтаксических конструкций и переосмысления некоторых сложившихся в языкознании представлений. Обратимся к данной структуре подробнее, выделив ряд важных для ее понимания моментов.

Во-первых, структура «топик — комментарий» не тождественна понятиям «тема» и «рема».

В одной из недавних работ, посвященной коммуникативному динамизму, отмечается, что Ф. Данеш и Я. Фирбас рассматривали предложение как «поле значимых синтаксических отношений, которое актуализируется в момент реализации в высказывание (a contextualized utterance)» (здесь и далее пер. наш. — К. К.) [Davidse, Praet Van, Njende, 2019, p. 109].

Коммуникативный динамизм, как известно, во многом опирается на идею актуального членения предложения (АЧП), и Я. Фирбас описывает развертывание высказывания в рамках понятий «тема — рема», которые характеризует как Данное и Новое, на форму и полноту реализации которых влияют коммуникативный контекст и семантическая функция. Фирбас отмечает, что чем больше информации о Данном, или теме, в контексте, тем менее она может быть эксплицирована в высказывании (см.: [Firbas, 1992, p. 40]). При этом на первое место при эксплицировании рематических элементов могут выходить такие средства, как порядок слов, интонация, иные просодические средства языка (см.: [Ibid., p. 160]).

Схожую проблему описывает и Н. В. Иванов, отмечая, что «узость современного лингвистического описания АЧП можно видеть в том, что оно связывается, главным образом, с функцией синтаксического словоупорядка, где критерием анализа является противопоставление позиций темы и ремы позициям главных членов предложения (подлежащего и сказуемого)» [Иванов, 2011, с. 428], в то время как *линейной схемой предложения данный подход не должен ограничиваться*, поскольку применим только к «неэкспрессивным высказываниям и требует существенного расширения там, где речь идет о языковых способах выражения АЧП в экспрессивных высказываниях, в которых функция порядка слов, как рематического маркера, нейтрализуется за счет более сильных средств выражения ремы» [Там же, с. 430]. «Тема» и «рема» Я. Фирбаса ближе всего к понятиям Данное — Новое (см.: [Davidse, Praet Van, Njende, 2019, p. 109]), которые, согласно Ф. Данешу, эквивалентны терминам «топик» и «комментарий» у Н. Хомского (см.: [Ibid., p. 110]).

Между тем К. Э. Коцик упоминает выводы представителей «психологического» направления в синтаксисе Г. Штейнталя, Г. Пауля, а также работы Ч. Хоккета, которые отмечали, что наряду с формально выделяемыми структурами «подлежащее — сказуемое» в предложении можно выделить пару альтернативных структур. В первом случае исследователи назвали их «психологическими» подлежащим и сказуемым, а в терминологии Ч. Хоккета — топиком и комментарием, которые также предикативны, но, в отличие от подлежащего и сказуемого, не характеризуются отношением «действие — действие» (см.: [Коцик, 2016, с. 126]).

Иными словами, мы наблюдаем явное несовпадение формальной и содержательной структуры высказывания, которые можно условно обозначить как «подлежащее — сказуемое» и «топик — комментарий» (часто ошибочно отождествляемые с парой «тема — рема»). Более того, как отмечают Ч. Ли и С. Томпсон, «языки могут различаться своими стратегиями построения предложения в зависимости от того, что выдвигается на первый план — топик или подлежащее» [Li, Thompson, 1976, p. 463].

Возвращаясь к теории АЧП, следует снова процитировать Н. В. Иванова, который ставит вопрос об исследовании интерпретации АЧП (а, иными словами, *о корреляции между предложением и высказыванием*) следующим образом: «Задача исследователя сводится к ответу на вопрос: какие перемены или сдвиги в аспекте АЧП допустимы при общей неизменности принципиальных синтаксических показателей, включая позицию главных и второстепенных членов» [Иванов, 2011, с. 135].

К. Э. Коцик пишет, что «лингвисты, воспитанные в русле “европейской традиции”, как правило, отождествляли топик и комментарий с темой и ремой (во всем разнообразии вариантов)» [Коцик, 2016, с. 128] без учета структурных особенностей разных языков. В. А. Курдюмов высказывается категорич-

нее: «тема и рема... это результат поиска топика и комментария там, где они не выражены на поверхности, там, где поверхностный синтаксис не совпадает с реальным положением синтаксических строений (т. е. в нормативных европейских языках, где соблюдается стандарт “подлежащее — сказуемое”» [Курдюмов, Коцик, 2020, с. 90].

Таким образом, структура «топик — комментарий» не сводима к понятиям темы и ремы, поскольку является более абстрактной и универсальной, а также не привязанной к какому-то одному языку или группе языков. При ее определении важно делать различие между типологически несхожими европейскими и восточными языками, в которых описываемый В. А. Курдюмовым «переход бинарных структур» будет происходить по-разному.

Во-вторых, структура «топик — комментарий» относится не к языковой, а к речемыслительной категории.

Согласно С. Д. Кацнельсону, «анализ универсальных категорий должен показать, в какой мере они могут быть охарактеризованы как речемыслительные категории и нет ли среди них таких категорий, которые вытекают не из природы речевого мышления, а из некоторых универсальных свойств языка как специфической знаковой системы» [Кацнельсон, 1972, с. 15]. Следует уточнить, что язык как систему не следует рассматривать отдельно от речемыслительной деятельности, поскольку, как отметит К. Бюлер, язык есть «исторически сложившийся и естественный механизм человеческого мышления» [Бюлер, 2000, с. 109]. С. К. Шаумян пишет: «Следует строго различать и не смешивать два уровня значения: коммуникативный и логический», поскольку «то, что различается в мысли, может не различаться в языке; наоборот, то, что различается в языке, может не различаться в мысли» [Шаумян, 1999].

Иными словами, структуру «топик — комментарий» необходимо рассматривать на двух уровнях. Можно условно выделить психолингвистический и грамматический аспекты описываемой проблемы.

Говоря о психолингвистическом аспекте, следует отметить работу А. А. Леонтьева «Исследование грамматики», где он утверждает, что «грамматический аспект порождения (и, видимо, восприятия) высказывания обеспечивается целым рядом более или менее автономных психофизиологических механизмов» [Леонтьев, 1974а, с. 161].

При анализе мимической речи глухонемых А. А. Леонтьев также замечает, что в подобных высказываниях преобладает структура, где «для понятности сообщения необходимо, чтобы два предмета, между которыми происходит действие, были сообщены в первую очередь: “Мальчик яблоко красное кушать”» [Леонтьев, 1974а, с. 165]. Т. В. Ахутина обращается к речи пациентов с тяжелой формой афазии: «отличительной чертой синтаксиса при наиболее грубом аграмматизме является соположение связанных по смыслу единиц при широком разнообразии возможных смысловых связей. Все слова являются сказуемыми к подразумеваемому подлежащему или к предыдущему слову» [Ахутина, 2022, с. 9].

Схожее явление наблюдается и в детской речи на этапе овладения протограмматикой с переходом к коммуникативной грамматике (см.: [Левицкий, 2010]), а также на предшествующих этому этапам (см.: [Bates, Camaioni, Volterra [et al.], 1979]). Подобный порядок слов ярко проявляется в так называемых «папуасских» языках, где «субъект почти всегда стоит на первом месте, объект — между субъектом и предикатом, предикат — на последнем: S — O — P» [Леонтьев, 1974б]. Любопытен и факт, что ряд современных языков, например фарси и японский, имеют подобную синтаксическую структуру как основную.

Что касается случаев афазий, а также «детской» речи, с психолингвистической точки зрения «процесс программирования [на этапе семантического распределения ролей при порождении высказывания] доминирует над другими факторами синтаксического построения высказывания» (см.: [Леонтьев, 1974а, с. 165]). Т. В. Ахутина применительно к описываемым примерам аграмматизма относит следующие типы синтаксиса: «смысловой (pragmatic) — чисто предикативный, топик-коммент; семантический — порядок слов с учетом семантических ролей; поверхностный — использование синтаксических структур языка» [Ахутина, 1989, с. 92]. Она пишет, что «в структурах “топик — коммент” оба компонента могут быть представлены во внешней речи, но топик может и подразумеваться» [Ахутина, 2022, с. 10], что соответствует принципам функционирования протограмматки (см.: [Клочко, 2015]) и коммуникативной грамматики (см.: [Левицкий, 2010]), выражаемой в речи одно- и двухкомпонентными высказываниями соответственно.

Далее модель построения высказывания кратко усложняется за счет разделения лексических и синтаксических операций, объединяемых в итоге посредством механизма «фрейм + слот», где слоты фрейма «заполняются с помощью операций выбора элементов из семантико-лексических парадигм» (см.: [Ахутина, 1989, с. 191]).

Говоря о грамматическом аспекте, важно сказать, что в языке одной грамматической функции может соответствовать несколько форм и что одной форме может соответствовать несколько функций (см.: [Кацнельсон, 1972, с. 82]). При этом средства языка могут выражать подразумеваемую

грамматическую категорию неполно или неявно, в то время как общепринятым считается одно-однозначное совпадение формы и значения (см.: [One-to-many relations ... , 2021, p. 1]), что далеко не всегда соответствует действительности. В частности, в источниках приводятся примеры двойного толкования высказываний типа “Different people like different things” или случаев эллипсиса, наблюдаемого во многих языках, где часть высказывания «мыслится, но не выражается» (см.: [Ibid., p. 11]). В монографии под редакцией Б. Крисманна и М. Сейлера 2021 года *One-to-many relations in morphology, syntax, and semantics* приводятся многочисленные примеры подобных «несовпадений» на примере чешского, фарси и французского языков (см.: [Ibid.]), что еще раз демонстрирует факт наличия несовпадений по форме, содержанию и функции при реализации языка в речи.

На уровне синтаксиса к обозначенной проблеме можно подходить по-разному. АЧП является одним из подходов к объяснению проблемы со стороны грамматики, к прогнозированию текстопорождения, но не единственным. Теория деривации, или дериватологии, Л. Н. Мурзина полагает, что роль ядерных предложений «в динамических процессах не сводится к роли базы “распространения” отдельных предложений» [Мурзин, 1974, с. 11], а процессы деривации связывают практически все компоненты синтаксической системы языка. При этом деривация «протекает в сознании говорящих, и о том... можно судить лишь по некоторым ее результатам, по косвенным данным, по каким-то внешним следам, оставленным в тексте, структуре предложения или слова» [Мурзин, 1984, с. 11].

Согласно теории В. А. Курдюмова о предикационной концепции языка, которая по содержанию схожа с идеей Л. Н. Мурзина, текстопорождение в грамматическом плане воплощается следующим образом: «Идея реализует предикативное отношение и в виде элементарного предложения “движется” на поверхность, т. е. каждое предложение текста так или иначе изоморфно изначальной идее порождения; предикативная цепь выстраивается из непрерывных свертываний и развертываний изначальной идеи» [Курдюмов, 2023, с. 318].

Выше были затронуты некоторые психолингвистические аспекты процесса порождения и развертывания высказывания, которые условно противопоставлены грамматическим. На наш взгляд, важно не противопоставлять аспекты и подходы, но обратиться к поиску единого принципа, позволяющего максимально непротиворечиво описать и объяснить процесс расхождения предписываемых и реальных правил формирования высказывания. Эти процессы можно проиллюстрировать следующим примером. Исследование порядка слов во французском языке С. Позняк, А. Абелле и Б. Хемфорт рассматривает инверсию в придаточных предложениях (см.: [One-to-many relations in morphology ..., 2021, pp. 151–173]). Авторы утверждают, что использование инверсии зависит от широкого ряда факторов, включая просодию. Исследование показывает, что оба варианта, как и в случае с фарси (см.: [Ibid., pp. 117–151]), одинаково принимаются как адекватные и приемлемые для использования в речи. Иными словами, на структуру высказывания часто влияют некие прагматические факторы, кажущиеся с точки зрения формальной грамматики иррациональными. Носителями же языка данные «несовпадения» принимаются как адекватные в функциональном плане, и изоморфия отдельных форм не ведет к непониманию, поскольку, очевидно, базируется на неких принципах, выходящих за рамки конкретных грамматических форм. А. А. Леонтьев и ряд других исследователей, как отмечалось выше, выделяют схему «топик — комментарий» в качестве такого принципа. А. А. Леонтьев резюмирует: «Независимо от грамматических особенностей конкретного языка существуют некоторые более или менее универсальные особенности организации высказывания, проявляющиеся в построении мимической речи глухонемых и в некоторых других аналогичных случаях» [Леонтьев, 1974а, с. 165].

Таким образом, структура «топик — комментарий» является по своей природе универсальной для вербального (и, вероятно, не только) мышления и в речи взрослого здорового человека проявляется чаще всего имплицитно; в детской речи и случаях расстройства речи — в более явных формах.

Структура «топик — комментарий» в речи

Единственной формой синтаксической конструкции современного человека, где данная структура представлена в наиболее «чистом» виде, выступает двухкомпонентное высказывание. В русском языке подобные высказывания чаще всего используются в устной бытовой речи и являются собой, как в диреме Балли, два элемента: первый, топиковый, обозначающий область референции, и второй, уточняющий его комментарий, выражающий предикативный признак области референции. Чаще всего второй элемент представлен местоимением, как в пушкинском «Татьяна ах!», и в большинстве случаев маркирован тире. В качестве иных примеров из художественной литературы приведем такие высказывания, как «Билет — щелк! Щека — чмок!» [Маяковский, 1957]; «Ноги-то — ах!» [Булгаков, 1998, с. 86]. Корпус двухкомпонентных высказываний для их дальнейшего исследования в настоящий момент находится

в процессе формирования автором статьи, однако уже сейчас становится ясно, что частотность подобных высказываний выше в поэтической речи, а также в детских произведениях, разговорной речи и текстах, имитирующих повседневную бытовую речь: «Что ему? Поел — на ветку!»; «Десять раз сапожник — стук! Двадцать раз сапожник — бряк! Сорок раз сапожник — кряк!» [Горбовский, 1972, с. 31]. Из примеров устной речи можно вспомнить юмористический монолог в исполнении А. Райкина «Сижу-куру»: «Кирпич — бар, раствор — ек! Раствор — бар, кирпич — ек!» [Беленький, 2006].

Типологически двухкомпонентные высказывания в русском языке отличаются от иных маркированных типа высказываний с «нулевой» глагольной связкой типа «Мой брат — учитель», поскольку не имеют в своем составе третьего компонента, даже формально невыраженного в настоящем времени. Для сравнения, в будущем и прошедшем времени глагол-связка «быть» эксплицируется в подобных высказываниях. Также следует отличать двухкомпонентные высказывания от синтаксически неоднозначных конструкций типа «На море шторм» или «Яблоки в саду», которые, как отмечает Г. А. Золотова, могут рассматриваться в разном ключе («На море — шторм»), в зависимости от условий коммуникации (см.: [Золотова, 1973, с. 136–137]).

Заметим, что в найденных нами примерах, схожих с указанными Г. А. Золотовой, авторы могут членить текст интонационно, следуя логике устной разговорной речи, как, например, в детском стихотворении «Оркестр» Ю. Владимировна: «Папа и мама ушли к дяде Косте. / У Саши и Вали — гости. <...> Валя — на рояли, / Юля — на кастрюле, / Лешка — на ложках, / Саша — на трубе... <...> Схватили саквояж, лампу, сервиз, / И — вниз! <...> Захватили сундуки, / И — на чердаки!» [Владимиров, 2017]. Легко представить себе жестовое сопровождение подобной речи, компенсирующее недостаточную грамматическую оформленность подобных высказываний.

На начальном этапе исследования двухкомпонентных высказываний мы вправе предположить, что в русском языке их может оказаться гораздо больше, чем, например, в английском, где примеры приводятся в основном из «детского» языка по типу “Dada wide” (Daddy [is] reading) (см.: [Bloom, 1973]). Логично допустить, что подобная ситуация обусловлена разным грамматическим строем этих языков, влияющим на предрасположенность языка к частотности употребления двухкомпонентных высказываний. Однако в художественной литературе иногда встречаются интересные примеры, такие как “The prayer of Moses” — ah!” из романа «Желтый Кром» О. Хаксли [Huxley], где структура высказывания идентична русскоязычным примерам как по форме, так и по семантике. В качестве ярких и наглядных примеров типовых двухкомпонентных высказываний можно привести «слова кота из мультфильма о блудном попугае: “Отдохнул — во!”, “Рыбы — о!”, “Сметаны — ууу!”, где второй компонент выражает эмоциональное отношение к предмету речи» [Клочко, 2017, с. 70].

Более того, аналогичная двухкомпонентная схема применима к описанию ряда поликодовых текстов типа «мем» и «демотиватор», что как явление было кратко описано нами в статье 2017 года: «Простейшие поликодовые тексты подобны двухкомпонентным высказываниям, поскольку часто состоят из одного графического и одного вербального элементов. <...> При этом стоит учитывать, что, в отличие от однокомпонентных и двухкомпонентных высказываний, в поликодовом тексте под компонентами мы понимаем не слова, а целые высказывания, особенно если они являются афоризмами, устойчивыми оборотами, цитатами... То же относится и к невербальному компоненту, который часто представляет собой известный образ (мем)» [Клочко, 2017, с. 69–70].

Между тем замеченный нами феномен равноправного соотношения вербального и невербального компонента по схеме «топик — комментарий» коррелирует с утверждением В. А. Курдюмова о том, что «топик — комментарий» есть «составляющие естественной и первичной глубинной (ментальной, психолингвистической) структуры» [Курдюмов, 2005, с. 125]. Если категории «топик» и «комментарий» относятся к ментальным конструктам, то получается, что они шире и неопределенней лексем и языковых единиц вообще. Они не одно-однозначно соответствуют единицам языка. Они как категории невербальны (паравербальны), морфологически не оформлены и аморфны. Они «подбирают» из исторически сложившегося «арсенала» языка себе средства для выражения, и, как видно из структуры мема, средства выражения не только из вербальной сферы. В структуре двухкомпонентного высказывания эта схема просто наиболее ярко выделяется. Пример из Хаксли наглядно демонстрирует, что на место топика может быть помещен уже готовый речевой фрагмент, в данном случае название произведения.

Заключение

Таким образом, проведенный обзор научной литературы, теоретического материала, а также некоторых примеров описанных в источниках и подобранных нами двухкомпонентных высказываний, позволяет сделать следующие выводы. Двухкомпонентное высказывание наиболее интенсивно

демонстрирует функционирование структуры «топик — комментарий», которая, как мы установили, является не языковой, а речемыслительной, некой универсальной структурой, способной проявляться как досинтаксическая и синтаксическими структура. Данный аспект иллюстрируется примерами из «детской» речи, а также образцами высказываний, содержащими в себе грамматически неоформленные элементы в виде междометий, звукоподражательных слов и т. д. Структура «топик — комментарий» также может объединять в себе вербальные и невербальные элементы поликодовых текстов, что демонстрирует ее двойственную природу — и вербальную, и невербальную. Безусловно, последний пункт требует более детального исследования когнитивных аспектов структуры «топик — комментарий» в будущем, однако уже в настоящий момент можно утверждать, что данная структура не сводится к ограниченному ряду типовых речевых моделей, а представляет собой сложный и неоднозначный когнитивный и лингвистический феномен.

Как следует из обзора научной литературы, структура «топик — комментарий» является некой базовой схемой, по которой осуществляется выстраивание предикативного отношения между элементами. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что случаи афазий, мимической речи глухонемых, а также «детской речи» демонстрируют использование слабо оформленной грамматически структуры «топик — комментарий» как первичной, наиболее архаичной формы выражения предикативности. Иными словами, в данном случае происходит недостаточно грамматически выраженное приписывание признака предмету, которые оба эксплицированы в речи, в отличие от однокомпонентного высказывания, где вербально выражен только один компонент из двух. На данный момент мы можем предположить, что структура «топик — комментарий» является основой для исследования широкого спектра протограмматических конструкций, в том числе конструкций с поликодовыми элементами.

Как в случае с однокомпонентными высказываниями, так и с синтаксически и морфологически более сложными конструкциями, выделить и исследовать структуру «топик — комментарий» представляется сложной задачей. Однако в случае двухкомпонентных высказываний мы можем наглядно наблюдать экспликацию структуры «топик — комментарий» в речи в первую очередь за счет формального совпадения ментальной и речевой структур, а также исследовать ее семантику, функции и формы в иных типах синтаксических конструкций.

Потенциал исследования двухкомпонентных высказываний весьма обширен: это в первую очередь грамматические и психолингвистические аспекты текстопорождения. Также с помощью исследования двухкомпонентных высказываний можно будет более эффективно рассмотреть вопросы преподавания иностранного языка, особенно для студентов из Китая, для которых структура «топик — комментарий» является первичной и основной, в отличие от русского и английского языков, в которых эта структура в чистом виде проявляется только в двухкомпонентных высказываниях.

Список источников

1. Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. — 218 с.
2. Ахутина Т. В. Модель порождения речи школы Л. С. Выготского: основы и верификация // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2022. — № 1-2 (164) — С. 7–27.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 416 с.
4. Беленький М. Марк Азов: «я исчерпал весь лимит везения, отпущенный человеку...» // Лехаим. — 2006. — № 1 (165). — URL : <https://lechaim.ru/ARHIV/165/lkl.htm> (дата обращения: 03.05.2024).
5. Булгаков М. А. Белая гвардия — М. : Синергия, 1998. — 432 с.
6. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка / пер. с нем. — 2-е изд. — М. : Прогресс, 2000. — 501 с.
7. Владимиров Ю. Давайте устроим оркестр! Стихи и рассказы. — М. : ДЕТГИЗ, 2017. — URL : <http://www.labyrinth.ru/books/593324/?p=11352> (дата обращения: 03.05.2024).
8. Горбовский Г. Разные истории. Стихи. — Л. : Детск. лит., 1972. — 52 с.
9. Гухман М. М. Понятийные категории, языковые универсалии и типология // Вопросы языкознания — 1985. — С. 3–13.
10. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М. : Наука, 1973. — 352 с.
11. Иванов Н. В. Актуальное членение предложения: аспекты логической и структурной интерпретации // Язык, коммуникация, перевод: контрасты и параллели : материалы V междунар. науч. конф. — М. : Кн. и бизнес, 2011. — С. 427–437. — URL : <https://mgimo.ru/upload/iblock/5a6/5a6e00f1d73fe51233104064533d1c64.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).

12. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л. : Наука, 1972. — 215 с.
13. Ключко К. А. Протограмматика как компонент грамматической системы современного человека. — Пермь : Перм. ин-т экон. и фин., 2015. — 184 с.
14. Ключко К. А. О реализации структуры «топик — комментарий» в поликодовом тексте // Евразийский гуманитарный журнал. — 2017. — № 2 — С. 67–74.
15. Ключко К. А., Крузе Б. А. Исследование текстообразующего потенциала одно- и двухкомпонентных высказываний // Язык и культура. — 2018. — № 42. — С. 60–80.
16. Ключко К. А., Яшманова Л. Ю. О некоторых аспектах исследования двухкомпонентных высказываний // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». — 2013. — № 6 (81). — С. 89–91.
17. Коцик К. Э. Концепции топиковых структур в языкознании Новейшего времени // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2016. — № 2 (22). — С. 125–129.
18. Курдюмов В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. — М. : Цитадель-Трейд : Лада, 2005. — 576 с.
19. Курдюмов В. А. Китайский язык как идеальный/экзистенциальный объект лингвистики // Проблемы рациональной философии : 108-е заседание регуляр. теорет. семинара. — 2014. — URL : https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (дата обращения: 03.05.2024).
20. Курдюмов В. А. Еще раз к вопросу об уровнях языка в русском и китайском языках // VI Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. — С. 312–322.
21. Курдюмов В. А., Коцик К. Э. К вопросу о дифференциации понятий «топик — комментарий» и «тема — рема» // Вестник Российского нового университета. Сер. «Человек в современном мире». — 2020. — № 1. — URL : <http://vestnik-rosnou.ru/человек-в-современном-мире-human-modern-world/2020/1/86> (дата обращения: 03.05.2024).
22. Левицкий Ю. А. Альтернативные грамматики: стадии развития человеческого языка. — М. : Изд-во ЛКИ, 2010. — 176 с.
23. Леонтьев А. А. Исследование грамматики // Основы теории речевой деятельности. — М. : Наука, 1974а. — С. 161–187. — URL : <https://iling-ran.ru/library/psylingva/OTRD.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).
24. Леонтьев А. А. Папуасские языки. — М. : Наука, 1974б. — 114 с. — URL : <http://www.philology.ru/linguistics4/leontyev-74.htm> (дата обращения: 03.05.2024).
25. Ломов П. А., Малоземова М. Л. Обучение и применение нейросетевой языковой модели для пополнения онтологии // Труды Кольского научного центра РАН. — 2020. — № 8-11. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-i-primenenie-neurosetevoy-yazykovoy-modeli-dlya-popolneniya-ontologii> (дата обращения: 03.05.2024).
26. Маяковский В. В. Еду («Билет — шелк. Щека — чмок...») // Полное собрание сочинений : в 13 т. — М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. — Т. 6. — 1957. — С. 197–199. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms6/ms6-197-.htm> (дата обращения: 03.05.2024).
27. Мурзин Л. Н. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка : пособие по спецкурсу. — Пермь : Перм. ун-т, 1974. — 128 с.
28. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. — Пермь : Перм. ун-т, 1984. — 56 с.
29. Шаумян С. Абстракция в современной лингвистике // Логос. — 1999. — Т. 11, № 1. — С. 186–213. — URL : https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_10.htm (дата обращения: 03.05.2024).
30. Bates E., Camaioni L., Volterra V. [et al.]. The acquisition of performatives prior to speech // Developmental pragmatics. — 1979. — № 21. — Pp. 111–129. — URL : https://www.researchgate.net/publication/309547044_The_acquisition_of_performatives_prior_to_speech (дата обращения: 03.05.2024).
31. Bloom L. One word at a time. — The Hague : Mouton, 1973. — 261 p.
32. Davidse K., Praet Van W., Njende N. M. Introduction: communicative dynamism // Acta Linguistica Hafniensia. — 2019. — № 51-2. — Pp. 107–123.
33. Firbas J. Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication. — Cambridge : Cambridge University Press, 1992. — 256 p.
34. Huxley A. Crome Yellow. — URL : <https://www.gutenberg.org/files/1999/1999-h/1999-h.htm> (дата обращения: 03.05.2024).
35. Li Ch. N., Thompson S. Subject and Topic: A New Typology of Language // Subject and Topic. — NY : Academic Press, 1976. — Pp. 457–489. — URL : https://www.researchgate.net/publication/244443556_Subject_and_Topic_A_New_Typology_of_Language (дата обращения: 03.05.2024).
36. One-to-many relations in morphology, syntax, and semantics (Empirically Oriented Theoretical Morphology and Syntax 7) / B. Crysmann, M. Sailer (eds.). — Berlin : Language Science Press, 2021. — 294 p.

References

1. Ahutina T. V. *Porozhdenie rechi. Nejrolingvisticheskij analiz sintaksisa* [Text-production. Neurolinguistic analysis of syntax]. Moscow, Moscow University Publ., 1989, 218 p. (In Russian).
2. Akhutina T. V. A model of speech production ascending to L. S. Vygotsky's School: Principles and verification. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"* [Kazan University Review. Ser. "Humanities"]. 2022, vol. 164, no. 1-2, pp. 7–27. (In Russian).
3. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General Linguistics and issues of the French language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 416 p. (In Russian).
4. Belen'kij M. Mark Azov: Mark Azov: "I have run out of luck given to a man...". *Lekhaim* [Lekhaim]. 2006, no. 1 (165). Available at: <https://lechaim.ru/ARHIV/165/lkl.htm> (accessed 03.05.2024). (In Russian).
5. Bulgakov M. A. *Belaya gvardiya* [The White Guard]. Moscow, Sinergiya Publ., 1998, 432 p. (In Russian).
6. Byuler K. *Teoriya yazyka: reprezentativnaya funkciya yazyka* [The theory of language: representative function of the language]. Moscow, Progress Publ., 2000, 501 p. (In Russian).
7. Vladimirov Yu. *Davajte ustroit' orkestr! Stihi i rasskazy* [Let's organize an Orchestra. Rhymes and stories]. Moscow, DETGIZ Publ., 2017. Available at: <http://www.labirint.ru/books/593324/?p=11352> (accessed 03.05.2024). (In Russian).
8. Gorbovskij G. *Raznye istorii. Stihi* [Different stories. Rhymes]. Leningrad, Detsk. lit. Publ., 1972, 52 p. (In Russian).
9. Guhman M. M. Conceptual categories, language universal notions and taxonomy. *Voprosy yazykoznanija* [Linguistics issues]. 1985, pp. 3–13. (In Russian).
10. Zolotova G. A. *Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An overview of the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 352 p. (In Russian).
11. Ivanov N. V. Sentence functional cleaving: aspects of logical and structural interpretation. *Yazyk, kommunikaciya, perevod: kontrasty i paralleli: materialy V mezhdunar. nauch. konf.* [Language, communication, translation: contrasts and parallels: papers of the International scholarly conference]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 2011, pp. 427–437. (In Russian). Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/5a6/5a6e00f1d73fe51233104064533d1c64.pdf> (accessed 03.05.2024).
12. Kacnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Language typology and verbal thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, 215 p. (In Russian).
13. Klochko K. A. *Protogrammatika kak komponent grammaticheskoy sistemy sovremennogo cheloveka* [Protogrammar as a component of a grammar system of a modern speaker]. Perm, Perm. in-t ekon. i fin. Publ., 2015, 184 p. (In Russian).
14. Klochko K. A. On the realization of the "topic-comment" structure in a polycode text. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal* [Euro-Asian Humanities Journal]. Perm, Perm University Publ., 2017, no. 2, pp. 67–74. (In Russian).
15. Klochko K. A., Kruze B. A. Analyses of the text-forming potential of uni- and bi-component utterances. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. 2018, no. 42, pp. 60–80. (In Russian). (In Russian).
16. Klochko K. A., Yashmanova L. Yu. About some aspects of investigation of two-component expressions. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Filologicheskie nauki"* [Volgograd State University Review. Ser. "Humanities"]. 2013, no. 6 (81), pp. 89–91. (In Russian).
17. Kotcik K. E The concepts of topical structures in the linguistics of the modern times. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie"* [Moscow State Pedagogical University Review. Ser. "Philology. Theory of Language. Linguistic education"]. 2016, no. 2 (22), pp. 125–129. (In Russian).
18. Kurdyumov V. A. *Kurs kitajskogo yazyka: teoreticheskaya grammatika* [Chinese language course: theory of grammar]. Moscow, Citadel'-Trejd Publ., Lada Publ., 2005, 576 p. (In Russian).
19. Kurdyumov V. A. The Chinese language as an ideal/existential object of linguistics. *Problemy racional'noj filosofii: 108-e zasedanie reguljar. teoret. seminar* [The problems of rational philosophy: 108th meeting of a theoretical seminar]. 2014. Available at: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2014/18_03_2013_kurdumov.pdf (accessed 03.05.2024). (In Russian).
20. Kurdyumov V. A. Once More On The Language Levels In Russian And Chinese. *Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [East and region studies of the Asian-Pacific area: papers of the International scholarly conference]. E. F. Serebrennikova (ed.). Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2023, pp. 312–322. (In Russian).
21. Kurdyumov V. A., Kotcik K. E. On Differentiation of Notions "Topic — Comment" and "Theme — Rheme". *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Ser. "Chelovek v sovremenno mire"* [Russian New University Review. Ser. "Human in the modern world"]. 2020, no. 1. Available at: <http://vestnik-rosnou.ru/человек-в-современном-мире-human-modern-world/2020/1/86> (accessed 03.05.2024). (In Russian).

22. Levickij Yu. A. *Al'ternativnye grammatiki: stadii razvitiya chelovecheskogo yazyka* [Alternative grammars: stages of human language evolution]. Moscow, LKI Publ., 2010, 176 p. (In Russian).
23. Leont'ev A. A. The study of grammar. *Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti* [The basics of theory of speech]. Moscow, Nauka Publ., 1974a, pp. 161–187. Available at: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/OTRD.pdf> (accessed 03.05.2024). (In Russian).
24. Leont'ev A. A. *Papuasskie yazyki* [Papuan languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974b, 114 p. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics4/leontyev-74.htm> (accessed 03.05.2024). (In Russian).
25. Lomov P. A., Malozemova M. L. Training and application of neural network language model for ontology population. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of Kolsky scientific centre of Russian Academy of Science]. 2020, vol. 11, no. 8-11, pp. 38–45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-i-primenenie-neyrosetevoy-yazykovoy-modeli-dlya-popolneniya-ontologii> (accessed 03.05.2024). (In Russian).
26. Mayakovskij V. V. On the way (“Ticket — punched, cheek — smacked...”). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Fiction Publ., 1955–1961, vol. 6, 1957, pp. 197–199. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms6/ms6-197-.htm> (accessed 03.05.2024). (In Russian).
27. Murzin L. N. *Sintaksicheskaya derivaciya. Analiz proizvodnyh predlozhenij russkogo yazyka* [Syntactic derivation. The analysis of sentence derivatives in the Russian language]. Perm, Perm. University Publ., 1974, 128 p. (In Russian).
28. Murzin L. N. *Osnovy derivatologii* [Basics of derivatology]. Perm, Perm. University Publ., 1984, 56 p. (In Russian).
29. Shaumyan S. Abstraction in modern linguistics. *Logos* [Logos]. 1999, vol. 11, no. 1, pp. 186–213. Available at: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_10.htm (accessed 03.05.2024). (In Russian).
30. Bates E., Camaioni L., Volterra V. [et al.]. The acquisition of performatives prior to speech. *Developmental pragmatics*. 1979, no. 21, pp. 111–129. Available at: https://www.researchgate.net/publication/309547044_The_acquisition_of_performatives_prior_to_speech (accessed 03.05.2024).
31. Bloom L. *One word at a time*. The Hague, Mouton, 1973, 261 p.
32. Davidse K., Praet Van W., Njende N. M. Introduction: communicative dynamism. *Acta Linguistica Hafniensia*. 2019, no. 51-2, pp. 107–123.
33. Firbas J. *Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992, 256 p.
34. Huxley A. *Crome Yellow*. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/1999/1999-h/1999-h.htm> (accessed 03.05.2024).
35. Li Ch. N., Thompson S. Subject and Topic: A New Typology of Language. *Subject and Topic*. NY, Academic Press, 1976, pp. 457–489. Available at: https://www.researchgate.net/publication/244443556_Subject_and_Topic_A_New_Typology_of_Language (accessed 03.05.2024).
36. *One-to-many relations in morphology, syntax, and semantics (Empirically Oriented Theoretical Morphology and Syntax 7)*. B. Crysmann, M. Sailer (eds.). Berlin, Language Science Press, 2021, 294 p.

Информация об авторе

Клочко Константин Александрович — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета; доцент кафедры английского языка, филологии и перевода Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Information about the author

Klochko, Konstantin — candidate of philology, head of the English Language and intercultural communications department, Perm State University; associate professor, Department of English, Philology and Translation, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

*Статья поступила в редакцию 08.05.2024;
одобрена после рецензирования 22.06.2024;
принята к публикации 27.06.2024.*

*Submitted 08.05.2024;
approved after reviewing 22.06.2024;
accepted for publication 27.06.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 22–29.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):22–29.

Научная статья
УДК 811.581
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.003

Сопоставительный анализ конструкций с удвоением глаголов в русском и китайском языках

Ли Юйхань

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань, Китай
liyuhan1995@mail.ru

Аннотация. Конструкция с удвоением глаголов — чрезвычайно распространенная межъязыковая фиксированная структура, и присущая ей когнитивная мотивированность используется как способ обогащения языкового выражения. Из-за общности стилей мышления разных народов существуют определенные сходства в конструкциях с удвоением глаголов в русском и китайском языках. Формы двух языков в основном отражаются в устойчивом фрейме, частичной продуктивности и правиле произношения, а что касается значения, оба выражают «количество» действия и имеют основное и вариантное значение. Однако существуют различия в субъективном познании, переносимом разными языками, а русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям, что делает формальные характеристики и значения выражения конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках не совсем одинаковыми. В аспекте формы, с одной стороны, у русских глаголов нет деления на слоги, поэтому не существует двусложной конструкции «V1V2V1V2»; с другой стороны, русский глагол сам по себе несет соответствующее грамматическое значение и в нем отсутствуют производные конструкции, подобные добавлениям «—» и «了». В аспекте значения русская конструкция с удвоением глаголов выражает увеличение количества действия, а китайская — уменьшение. Таким образом, данное исследование имеет лингвистическую типологическую ценность, так как не только показывает языковую картину мира, где различия между русскими и китайскими конструкциями с удвоением глаголов обусловлены особенностями самого языка и субъективными когнитивными операциями, но и выявляет общие характеристики разных языков, где объективная основа конструкции с удвоением глаголов фактически вытекает из изоморфизма между языковым миром и объективным миром — репрезентации объективного количества языковым количеством.

Ключевые слова: русский и китайский языки, конструкция с удвоением глаголов, грамматика конструкций, форма, значение, анализ сходств и различий.

Для цитирования: Ли Юйхань. Сопоставительный анализ конструкций с удвоением глаголов в русском и китайском языках // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 22–29. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.003.

Original article

A comparative analysis of Russian and Chinese verb reduplication constructions

Li Yuhan

Central China Normal University, Wuhan, China
liyuhan1995@mail.ru

Abstract. The verb reduplication construction is an extremely common cross-linguistic fixed structure, and its inherent cognitive motivation is an extension of language expression means. Due to the commonness of the thinking modes of different nationalities, there are certain similarities between Russian and Chinese verb reduplication constructions, which are mainly reflected in fixed framing, partial productivity, and pronunciation rules. As to the meaning of the Russian and Chinese verb reduplication constructions, both of them express the “quantity” of the action, and have the basic and variant meanings. However, the subjective cognition carried by different languages is different, as well as the fact that Russian and Chinese languages belong to different linguistic families, have led to significant differences in the form and meaning of Russian and Chinese verb reduplication constructions. From the view of form, on the one hand, there is no “V1V2V1V2” construction in Russian because Russian verbs are not divided into syllables; on the other hand, there is no derivative construction, such as embedding “—” and “了” because Russian verbs convey the corresponding grammatical meanings. In terms of meaning, the Russian verb reduplication constructions indicate an increase in quantity, while the Chinese verb reduplication constructions mean a decrease in quantity. Therefore, the present study has the value of language typology, which can show the language world vision in different speech communities. The differences between Russian and Chinese verb reduplication constructions are due to the characteristics of the language and

subjective cognitive operations. And the study can also reveal the common characteristics of different languages, where the objective basis of verb reduplication constructions actually comes from the isomorphism between the linguistic world and the objective world — using linguistic quantity to represent objective quantity.

Keywords: Russian and Chinese, verb reduplication constructions, construction grammar, form, meaning, analysis of similarities and differences.

For citation: Li Yuhan. A comparative analysis of Russian and Chinese verb reduplication constructions. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 22–29. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.003.

Введение

Конструкция с удвоением глаголов — чрезвычайно распространенная межъязыковая фиксированная структура, призванная выразить возрастание количества смысловых уровней с помощью увеличения количества формальных уровней, которое часто проявляется в виде многочисленности, повторяемости, привычности, интенсивности и т. д. Производство подобных конструкций имеет внутреннюю когнитивную мотивированность, которая является способом расширения языковых средств выражения. Это связано с тем, что объективная реальность вне конструирования языка бесконечна, а функция памяти когнитивного субъекта определяет, что лингвистические средства репрезентации картины мира ограничены. Чтобы использовать ограниченные средства для выражения бесконечного смысла, когнитивный субъект неизбежно будет предпринимать различные меры для максимального расширения и обогащения средств языкового выражения, не увеличивая чрезмерную нагрузку на память, что и составляет основу конструкции с удвоением глаголов. Однако существуют различия в субъективном познании, переносимом разными языками, что делает формальные характеристики и значения выражения конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках не совсем одинаковыми.

В последние годы интерес языковедов к явлению удвоения не только не спадает, но и даже усиливается, особенно в центре внимания ученых оказывается конструкция с удвоением глаголов в русском и китайском языках. Появляется как начальная работа по разнообразию конструкций с удвоением глаголов и их высокому удельному весу в устной речи (см.: [Шведова, 1960]), так и углубленное исследование об их использовании в современной разговорной речи (см.: [Шестопалова, 1991]); предлагаются новые теоретические подходы к формальным и смысловым особенностям конструкций с удвоением глаголов (см.: [Рахилина, 2010]); вышла в свет и первая типологическая монография на русском языке, посвященная данному явлению (см.: [Рожанский, 2011]). Китайские ученые (см.: [吕叔湘 [Люй Шусян], 1956 ; 朱德熙 [Чжу Дэси], 1982 ; 朱景松 [Чжу Цзинсун], 1998 ; 陈前瑞 [Чэнь Цяньжуй], 2008) также в основном делают акцент на изучении китайских конструкций с удвоением глаголов, а результатов по сопоставлению таких конструкций в русском и китайском языках очень мало, и только Ван Хунмин и Гуань Юэюэ, рассматривая русские и китайские фразовые конструкции, затрагивают некоторые особенности конструкции с удвоением глаголов (см.: [王洪明, 关月月 [Ван Хунмин, Гуань Юэюэ], 2020]).

Из вышесказанного видно, что некоторые недостатки и споры имеются в исследованиях как русского, так и китайского языков: во-первых, большая часть исследований сосредоточена на конструкции с удвоением глаголов в родном языке; во-вторых, сопоставительных исследований двух конструкций с удвоением глаголов было проведено немного; в-третьих, исследование данной конструкции в основном основано на традиционной лингвистике и реже — на когнитивной лингвистике, особенно теории грамматики конструкций. Таким образом, с точки зрения когнитивной лингвистики в данной статье используется теория грамматики конструкций (CxG) для проведения сопоставительного исследования конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках в аспекте формы и значения, что играет важную роль в выявлении природы конструкции с удвоением глаголов, а также когнитивных стилей русского и китайского народов.

Основная часть

Объект исследования

В рамках грамматики конструкций под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (цит. по: [Goldberg, 1995, p. 4]), или, «будучи регулярной единицей, характеризуемый высокой частотностью» (здесь и далее пер. наш. — Л. Ю.) [Goldberg, 2006, p. 5]. Таким образом, структура с удвоением глаголов может также рассматриваться как конструкция — двусторонняя языковая

единица (“form-meaning pairing”, в терминологии Голдберг), значение которой не может быть получено непосредственно из составляющих ее единиц (глагола и глагола) с помощью аддитивных правил.

Для того чтобы сравнить конструкцию с удвоением глаголов в русском и китайском языках, необходимо сначала определить, какие формы входят в сферу исследования данной статьи. Поскольку китайские лингвисты до сих пор не пришли к единому мнению по поводу классификации таких конструкций, существует несколько точек зрения, согласно которым:

1) только формы «VV» и «V₁V₂V₁V₂» относятся к конструкции с удвоением глаголов, а формы, встроенные в структуру с 了 или 一, не входят в конструкцию;

2) такие формы, как «VV», «V了V», «V—V», «V₁V₁V₂», «V₁V₂V₁V₂», «V₁V₁V₂V₂» и т. д., содержащие пару или более повторяющихся глаголов, являются конструкциями с удвоением глаголов;

3) неправомерно признавать только две формы «VV» и «V₁V₂V₁V₂» в качестве конструкции с удвоением глаголов, поскольку структуры вида «V了V», «V—V» и др. также должны быть включены в данную конструкцию; в то же время понятие «конструкция с удвоением глагола» не может быть слишком широким, например, «V着V着», «V啊V啊» и т. д. не принадлежат к конструкциям с удвоением глаголов.

Условия для образования конструкции с удвоением глаголов, предложенные Хэ Жуном, следующие: 1) часть речи и синтаксические составляющие удвоенного слова остаются неизменными; 2) нельзя вставлять другие компоненты, за исключением флексии; 3) образованные слова имеют новые дополнительные значения (см.: [何融 [Хэ Жун], 1962]). Основываясь на собранных языковых материалах, данная статья в основном выражает согласие с мнением Хэ Жуна в том, что конструкция с удвоением глаголов должна поддерживать базовую согласованность с исходным глаголом по функции синтаксиса и семантики и одновременно быть способна производить определенное новое значение. В соответствии с перечисленными выше критериями объектом исследования в данной статье мы определили конструкцию «V-V» (смотрел-смотрел) в русском языке и основные формы «VV» (看看), «V₁V₂V₁V₂» (研究研究) и производные формы «V了V» (看了看), «V—V» (看一看) в китайском языке.

Сравнение формы конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках

1. Устойчивый фрейм

Типичный устойчивый фрейм относится к двум взаимозависимым словам, образуя фреймовую структуру с особым грамматическим значением и специфической прагматической функцией. Если одно из этих двух слов исключено, то структура будет рассыпаться, и при использовании нужно только заполнить пропуски подходящими словами. Такая структура имеет более высокую типичность и конвенциональность.

Конструкция с удвоением глаголов в русском языке состоит из двух частей, которыми являются «одинаковые личные глагольные словоформы, и характерным формальным признаком данной конструкции является также ее особое просодическое оформление (в орфографии обычно передаваемое дефисом между удвоенными глагольными словоформами)» (цит. по: [Рахилина, 2010, с. 85]), например: «Я смотрел уже не на червяка, смотрел-смотрел и изо всех сил поцеловал плечо Катеньки» [Толстой]. Стоит особо отметить, что данная конструкция имеет особую ритмическую настройку — «удвоенные словоформы, также составляющие одно фонетическое слово — однако с главным ударением не на первом, а на втором компоненте» (цит. по: [Рахилина, 2010, с. 86]). В приведенном примере ударение падает на форму первого глагола, а именно на «смотрел-смотрел».

Конструкции с удвоением глаголов в китайском языке делятся на два типа: основные («VV», «V₁V₂V₁V₂») и производные («V了V», «V—V»). Среди них очевидны формальные характеристики основных конструкций, отличающихся удвоением двух глаголов, которые являются гомоморфными и не имеют между собой каких-либо встроенных компонентов. Единственное различие заключается в том, что конструкция «VV» состоит из односложного глагола, например: 他每日除了研究文学, 便安下心去作小说, 腾出余暇也能出去看看戏、访访朋友¹ ‘Помимо изучения литературы, каждый день он начал сосредоточенно работать над своим романом, а в свободное время мог ходить в театр и навещать друзей’. Что касается конструкции «V₁V₂V₁V₂», то она состоит из двусложного глагола, например: 要想不失败, 就要研究研究过去失败的原因 ‘Чтобы не потерпеть неудачу, вам нужно изучить причины прошлых неудач’.

¹ Все примеры из китайского языка цит. по: [北京大学CCL语料库 [Корпус современного китайского языка ...]].

Более сложны формальные характеристики производных конструкций: кроме вышеупомянутых особенностей основных конструкций «VV», «V—V» и «V了V», добавляются служебные слова 一 и 了 между двумя глагольными словоформами. При добавлении компонента «—», «V—V» и «VV» поддерживают синонимичную связь, например: 我请求看一看故人, 他们却竭力拦阻, 说是“不敢当”的 ‘Я попросил о встрече со старым другом, но они изо всех сил пытались меня остановить, говоря, что он «недостоин»’. В этом примере 看一看 можно заменить на 看看, но краткосрочная характеристика конструкции лучше подчеркивается добавлением 一. При добавлении 了, из-за влияния грамматического значения модальной частицы 了, «V了V» указывает на конкретное действие, которое было достигнуто. Например: 他抬头看了看天色, 又低头看了看手上的表, 回身往街上缓缓的走 ‘Он посмотрел на небо, затем на часы, повернулся и медленно пошел по улице’. В этом примере ни одно из двух 看了看 не может быть заменено на 看看, потому что 了 превращает действие 看 из беспредложного глагола в предложный глагол, то есть два действия, «смотреть вверх на небо» и «смотреть вниз на часы», завершаются одно за другим, прежде чем начинается следующее действие, «повернуться и идти».

Что касается произношения, то и основная, и производная конструкция сохраняют ритм с главным ударением на первом компоненте, интонационный центр всегда находится на первой словоформе, и для записи звуков китайского языка используется фонетический алфавит пиньинь (拼音): “kàn kan”, “kàn yī kan”, “kàn le kan”.

2. Частичная производительность

В своем исследовании дитранзитивной конструкции Голдберг аргументировала, что использование конструкции в некоторой степени продуктивно, но не обладает полной продуктивностью (см.: [Goldberg, 1995, p. 81]); Саттл и Голдберг далее подчеркивали влияние коэрции на частичную продуктивность конструкции (см.: [Suttle, Goldberg, 2011]); Трауготт и Трусдейл также использовали продуктивность как один из критериев для конструктивизации лексических единиц (см.: [Traugott, Trousdale, 2014]).

Следовательно, конструкция с удвоением глаголов в русском языке имеет частичную производительность, и большинство глаголов, представляющих конкретные действия, могут войти в категорию этой конструкции. Отметим, что в русском языке существуют другие структуры с удвоением глаголов, такие как «V, V» (смотрим, смотрим), которые не относятся к категории конструкций, изучаемых в данной статье. Например, в предложении «А мы смотрим, смотрим, смотрим на знакомое лицо, а признать не можем» [Соловьев] «смотрим, смотрим» является риторическим повтором. Хотя такая форма имеет то же значение, что и конструкция «смотрим-смотрим», которая означает повторение и непрерывность, форма «V, V» слишком расплывчата и свободна, и глаголы в структуре не ограничены двумя. Поэтому структура «V, V» не может быть включена в сферу конструкции с удвоением глаголов.

Аналогичным образом конструкция с удвоением глаголов в китайском языке обладает частичной производительностью. Основываясь на статистике «Словаря употребления китайских глаголов» (см.: [孟琮, 郑怀德, 孟庆海, 蔡文兰 [Мэн Цун, Чжэн Хуайдэ, Мэн Цинхай, Цай Вэньлань], 1999)), Шао Минмин и У Инь пришли к выводу, что в китайском языке существует 1 140 глаголов, которые могут образовывать конструкцию с удвоением; такие глаголы составляют 53,8 % от общего числа 2 117 глаголов, включенных в словарь (см.: [邵敬敏, 吴吟 [Шао Минмин, У Инь], 2009]). Значительное количество языковых материалов показывает, что большинство глаголов, обозначающих контролируемое конкретное действие, может входить в категорию этой конструкции.

В целом формальный состав конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках имеет высокую степень сходства, в основном отражается в устойчивом фрейме, частичной продуктивности и правиле произношения. Но, конечно, между ними есть некоторые различия. С одной стороны, у русских глаголов нет разделения на слоги, поэтому не существует двусложная конструкция «V₁V₂V₁V₂». С другой стороны, поскольку русский глагол сам по себе несет соответствующее грамматическое значение, отсутствуют производные конструкции, подобные добавлениям 一 и 了.

Сравнение значения конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках

Конструкция имеет значение, отличное от суммы ее составных компонентов. Конструкция неоднозначна, и одна и та же структурная форма соответствует набору различных, но и взаимосвязанных значений, в которых обычно существует центральное значение, представляющее основное значение данной конструкции. В то же время другие значения, которые являются вариантами значения данной конструкции (см.: [Goldberg, 1995, p. 33]), выводимы из основного. Итак, конструкция с удвоением

глаголов в русском и китайском языках, в зависимости от контекстов, в которых они используются, и структур, с которыми они сопряжены, создает различные варианты значения на основе основного значения. В данной статье будут проанализированы смысловые характеристики конструкции с удвоением глаголов с точки зрения как основного, так и вариантного значения.

1. Основное значение

Основным значением конструкции с удвоением глаголов в русском языке является объективно-описательное, которое подразумевает объективное описание говорящим повторяющейся или непрерывной сцены или действия, произошедшего в прошлом. Например: «Столяр смотрел-смотрел на своего квартиранта и начал его кормить бесплатно со своего стола» [Платонов]. В этом предложении «смотрел-смотрел» объективно описывает длительность действия в прошлом без придания каких-либо других субъективных эмоциональных оттенков.

Основным значением конструкции с удвоением глаголов в китайском языке является уменьшение количества действия (см.: [朱德熙 [Чжу Дэси], 1982; 朱景松 [Чжу Цзинсун], 1998]). Однако следует обратить внимание на то, что в китайском языке «количество» обладает широкими значениями, включая количество времени, количество частоты, количество силы, количество ценности и т. д. И данное количество может быть определено либо по продолжительности действия, либо по количеству его повторений (см.: [朱德熙 [Чжу Дэси], 1982, 66页]). Например, 看看 в предложении 他必须左看看, 右看看 'Он должен посмотреть налево и направо' указывает на небольшое количество времени, и продолжительность этого действия очень короткая; в предложении 有些东西他只是看看就知道是不是真的 'Он просто взглянул на некоторые вещи, чтобы убедиться, реальны ли они' означает, что частота малая, и 看看 можно заменить на 看一眼.

2. Вариантное значение

В конкретном случае применения конструкция с удвоением глаголов в русском языке на основе объективно-описательного значения будет создавать новое вариантное значение — субъективно-модальное, которое в основном отражается в предложениях, выражающих значение результата действия. Семантические варианты данной конструкции делятся на два типа: значение «волнение» при положительном результате и значение «разочарование и удивление» при отрицательном результате.

В универсальной когнитивной психологии человека повторение или продолжение какого-либо действия должно иметь свои особые причины. Эта когнитивная основа стимулирует ожидание когнитивным субъектом результата. Так, если конечный результат оказывается положительным, то у сторон общения возникает приятное и волнующее настроение. Например, в предложении «Что-то я смотрел-смотрел в словарь, да и нашел!» используется «смотрел-смотрел» для обозначения продолжения и громкости процесса поиска, который подразумевает ожидание субъектом результата. Поэтому после того, как появился положительный результат «нашел», субъект испытывает приятные и возбужденные эмоции. Если же конечный результат не достигнет ожидаемого, говорящий и слушающий переживают настроение разочарования и удивления. В частности, в примере «Читаем-читаем, но все равно не понимаем» после приложенных усилий («читаем-читаем») можно ожидать хорошего результата (понимаем содержание книги), но на самом деле результат отрицателен («не понимаем»), и такой психологический разрыв заставит субъекта почувствовать разочарование.

Аналогичным образом в китайском языке конструкция с удвоением глаголов, обусловленная ролью других лексических компонентов или же контекстом и правилами грамматики, имеет вариантное значение умеренного тона с учетом основного значения. Это вариантное значение связано с тем, что конструкция с удвоением глаголов часто используется в сочетании с компонентами, выражающими побуждения, пожелания и предложения, и подвержено влиянию несостоявшегося действия. Вариантное значение заключается в «смягчении тона и очень слабом краткосрочном значении» (см.: [张家骅 [Чжан Цзяхуа], 2011, 316页]). Например: 最后, 能不能请你帮忙看看这个文件? 'Наконец, не могли бы вы помочь мне с этим файлом?' Это предложение выражает желание говорящего, который надеется, что слушатель сможет помочь, поэтому тон, естественно, должен быть эвфемистичным. 看看文件 подчеркивает «небольшую нагрузку работы» по сравнению с 看文件, которая не требует слишком много времени и усилий, делая работу для других более приемлемой. Кроме того, «V了V» — это описание состоявшегося события, поэтому она обычно указывает только на уменьшение количества действия и не имеет эффекта смягчения тона; по сравнению с семантикой «VV», «V—V» является более формальной и предназначена для намеренного подчеркивания кратковременного действия.

Заключение

Русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям, и их морфологические категории сильно отличаются: китайский язык относится к классу изолирующих языков, и сам глагол не содержит признаков времени и вида, в то время как русский язык, как типичный флективный язык, чрезвычайно богат морфологическими формами, и его глаголы включают в себя широкий спектр времен, чисел, родов, лиц и грамматических правил. Поэтому между русскими и китайскими конструкциями с удвоением глаголов существуют большие различия в форме и значении, но, несомненно, в силу общности стилей мышления разных народов наблюдаются также определенные сходства в структуре конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках. В аспекте формы обе глагольные формы конструкций-заполнителей идентичны, и ударение падает на первый глагол. В аспекте значения, с одной стороны, и русские, и китайские конструкции с удвоением глаголов выражают «количество» действия. Разница заключается в том, что русская конструкция выражает увеличение количества действия, а китайская — уменьшение. С другой стороны, конструкции с удвоением глаголов в русском и китайском языках имеют основное и вариантное значение, причем вариантное значение вытекает из основного грамматического значения «повторения или непрерывности», но в двух языках оно интерпретируется несогласованно.

В общем и целом конструкция с удвоением глаголов представляет собой межъязыковое явление, которое в основном отражает когнитивные операции пользователей языка над языком. Таким образом, данное исследование имеет лингвистическую типологическую ценность, так как не только показывает языковую картину мира, где различия между русскими и китайскими конструкциями с удвоением глаголов обусловлены особенностями самого языка и субъективными когнитивными операциями, но и выявляет общие характеристики разных языков, где объективная основа конструкции с удвоением глаголов фактически вытекает из изоморфизма между языковым миром и объективным миром — презентации объективного количества языковым количеством.

Список источников

1. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. — М. : Азбуковник, 2010. — 583 с.
2. Рожанский Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования. — М. : Знак, 2011. — 256 с.
3. Платонов А. П. Чевенгур. — URL : <https://mybook.ru/author/andrej-platonov/chevengur/read/?page=2> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Соловьев В. С. Вольтерьянец. — URL : <https://litmir.club/br/?b=661694&p=11> (дата обращения: 19.02.2024).
5. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность. — URL : <https://ilibrary.ru/text/1179/p.9/index.html> (дата обращения: 19.02.2024).
6. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М. : Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.
7. Шестопалова В. И. Конструкции с удвоением в современной русской разговорной речи. Глагол. Удвоение. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. — 117 с.
8. Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. — Chicago : Chicago University Press, 1995. — 271 p.
9. Goldberg A. E. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 280 p.
10. Suttle L., Goldberg A. E. The partial productivity of constructions as induction // *Linguistics*. — 2011. — № 6 (49). — Pp. 1237–1269.
11. Traugott E. C., Trousdale G. G. *Constructionalization and Constructional Changes*. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — 352 p.
12. 北京大学CCL语料库. [Корпус современного китайского языка Исследовательского центра китайской лингвистики Пекинского университета]. — URL : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp (дата обращения: 19.02.2024).
13. 陈前瑞. 汉语体貌研究的类型学视野. — 北京 : 商务印书馆, 2008. — 344 页. [Чэнь Цяньжуй. Типологическая исследование по виду китайского языка. — Пекин : Шанью иньшугуань, 2008. — 344 с.].
14. 何融. 略论汉语动词的重迭法 // 中山大学学报. 社会科学. — 1962(1). — 44–51 页. [Хэ Жун. Краткое обсуждение метода наложения китайских глаголов // Журнал Чжуншаньского университета. Социальные науки. — 1962. — № 1 (22). — С. 44–51].

15. 吕叔湘. 中国语法要略. — 北京: 商务印书馆, 1956. — 469 页. [Люй Шусян. Основы китайской грамматики. — Пекин: Шаньфу иньшугуань, 1956. — 469 с.].
16. 孟琮, 郑怀德, 孟庆海, 蔡文兰. 动词用法词典. — 北京: 商务印书馆, 1999. — 497 页. [Мэн Цун, Чжэн Хуайдэ, Мэн Цинхай, Цай Вэньлань. Словарь употребления китайских глаголов. — Пекин: Шаньфу иньшугуань, 1999. — 497 с.].
17. 邵敬敏, 吴吟. 动词重叠的核心意义、派生意义和格式意义 // 汪国胜, 谢晓明主编 / 汉语重叠问题. — 武汉: 华中师范大学出版社, 2009. — 176–192 页. [Шао Минмин, У Инь. Основные, производные и формальные значения удвоения глаголов // Сборник статей по китайской лингвистике (Вторая серия) / под ред. Ван Гошэн, Се Сяомин. — Ухань: Изд-во Пед. ун-та Центр. Китая, 2009. — С. 176–192].
18. 王洪明, 关月月. 俄汉构式对比研究. — 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2020. — 262 页. [Ван Хунмин, Гуань Юэюэ. Сравнительное исследование конструкции в русском и китайском языках. — Харбин: Изд-во Хэйлуцзянского ун-та, 2020. — 262 с.].
19. 张家骅. 俄罗斯语义学. — 北京: 中国社会科学出版社, 2011. — 354 页. [Чжан Цзяхуа. Русская семантика. — Пекин: Изд-во обществ. наук Китая, 2011. — 354 с.].
20. 朱德熙. 语法讲义. — 北京: 商务印书馆, 1982. — 237 页. [Чжу Дэси. Раздаточные материалы по грамматике. — Пекин: Шаньфу иньшугуань, 1982. — 237 с.].
21. 朱景松. 动词重叠式的语法意义 // 中国语文. — 1998(5). — 378–386 页. [Чжу Цзиньсун. Грамматическое значение удвоения глаголов // Китайский язык. — 1998. — № 5 (266). — С. 378–386].

References

1. Rakhilina E. V. *Lingvistika konstruktivnyy* [Linguistics of constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, 583 p. (In Russian).
2. Rozhansky F. I. *Reduplikatsiya: opyt tipologicheskogo issledovaniya* [Reduplication: the experience of typological research]. Moscow, Znak Publ., 2011, 256 p. (In Russian).
3. Platonov A. P. *Chevengur* [Chevengur]. Available at: <https://mybook.ru/author/andrej-platonov/chevengur/read/?page=2> (accessed 19.02.2024). (In Russian).
4. Solov'yev V. S. *Vol'ter'yanets* [Voltarian]. Available at: <https://litmir.club/br/?b=661694&p=11> (accessed 19.02.2024). (In Russian).
5. Tolstoy L. N. *Detstvo. Otrochestvo. Yunost'* [Childhood]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1179/p.9/index.html> (accessed 19.02.2024). (In Russian).
6. Shvedova N. Y. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of Russian colloquial speech]. Moscow, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960, 377 p. (In Russian).
7. Shestopalova V. I. *Konstruktivnyy s udvoeniem v sovremennoy russkoy razgovornoj rechi. Glagol. Udvoenie* [Constructions with doubling in modern Russian colloquial speech. Verb. Doubling]. Vladivostok, Publ. House of the Far East University, 1991, 117 p. (In Russian).
8. Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, Chicago University Press, 1995, 271 p.
9. Goldberg A. E. *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. Oxford, Oxford University Press, 2006, 280 p.
10. Suttle L., Goldberg A. E. The partial productivity of constructions as induction. *Linguistics*. 2011, no. 6 (49), pp. 1237–1269.
11. Traugott E. C., Trousdale G. G. *Constructionalization and Constructional Changes*. Oxford, Oxford University Press, 2014, 352 p.
12. 北京大学CCL语料库. [Modern Chinese Language Corpus of the Research Centre for Chinese Linguistics, Peking University]. Available at: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp (accessed 19.02.2024).
13. 陈前瑞. 汉语体貌研究的类型学视野. 北京: 商务印书馆, 2008, 344 页. [Chen Qianrui. *The typological perspective of Chinese physiognomy Research*. Beijing, The Commercial Press, 2008, 344 p.]. (In Chinese).
14. 何融. 略论汉语动词的重迭法. 中山大学学报. 社会科学. 1962(1), 44–51 页. [He Rong. A Brief Discussion on the Overlapping Method of Chinese Verbs. *Journal of Sun Yat-sen University. Social Science*. 1962, no. 1 (22), pp. 44–51]. (In Chinese).
15. 吕叔湘. 中国语法要略. 北京: 商务印书馆, 1956, 469 页. [Lv Shuxiang. *Essentials of Chinese Grammar*. Beijing, The Commercial Press, 1944, 469 p.]. (In Chinese).
16. 孟琮, 郑怀德, 孟庆海, 蔡文兰. 动词用法词典. 北京: 商务印书馆, 1999, 497 页. [Meng Cong, Zheng Huade, Meng Qinghai, Cai Wenlan. *Dictionary of Verb Usage*. Beijing, The Commercial Press, 1999, 497 p.]. (In Chinese).
17. 邵敬敏, 吴吟. 动词重叠的核心意义、派生意义和格式意义. 汪国胜, 谢晓明主编. 汉语重叠问题. 武汉: 华中师范大学出版社, 2009, 176–192 页. [Shao Jingmin, Wu Yin. The core meaning, derived meaning and format

meaning of verb overlap. *The problem of Chinese overlap*. Wang Guosheng, Xie Xiaoming (ed.). Wuhan, Central China Normal University Press, 2009, pp. 176–192]. (In Chinese).

18. 王洪明, 关月月。俄汉构式对比研究。哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2020, 262 页。[Wang Hongming, Guan Yueyue. *A Comparative Study of Russian and Chinese Constructions*. Harbin, Heilongjiang University Press, 2020, 262 p.]. (In Chinese).

19. 张家骅。俄罗斯语义学。北京: 中国社会科学出版社, 2011, 354 页。[Zhang Jiahua. *Russian Semantics*. Beijing, China Social Sciences Press, 2011, 354 p.]. (In Chinese).

20. 朱德熙。语法讲义。北京: 商务印书馆, 1982, 237 页。[Zhu Dexi. *Grammar Notes*. Beijing, The Commercial Press, 1982, 237 p.]. (In Chinese).

21. 朱景松。动词重叠式的语法意义。中国语文。1998(5), 378–386 页。[Zhu Jingsong. The Grammatical meaning of verb reduplication. *Chinese Language*. 1998, no. 5 (266), pp. 378–386]. (In Chinese).

Информация об авторе

Ли Юйхань — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета русского языка института иностранных языков Педагогического университета Центрального Китая.

Information about the author

Li Yuhan — candidate of philology, senior lecturer of Faculty, department of Russian Language and Literature, Institute of foreign languages, Central China Normal University.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2024;
одобрена после рецензирования 11.07.2024;
принята к публикации 12.07.2024.*

*Submitted 20.05.2024;
approved after reviewing 11.07.2024;
accepted for publication 12.07.2024.*

РАЗДЕЛ II

АНАЛИЗ ДИСКУРСА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И КРОСС-СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 30–39.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):30–39.

Научная статья
УДК 81'371
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.004

Лексико-семантические особенности репрезентации лингвокультуры орфизма (на материале сопоставления отрывка текста пьесы У. Шекспира *The Tempest* / «Буря» и его русскоязычных переводов)

Светлана Николаевна Вековищева

Государственный университет просвещения, Москва, Россия
vekovichcheva_sn@mail.ru

Демин Михаил Сергеевич

Государственный университет просвещения, Москва, Россия
mikhail.de@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируется лексико-семантическая репрезентация лингвокультуры орфизма в тексте пьесы У. Шекспира *The Tempest* / «Буря» и ее русскоязычных переводов. В статье на основе исследований, посвященных орфизму, дается определение данному понятию с позиции лингвистики. Для исследования данного полисемантического лингвокультурного комплекса рассматриваются лексические единицы, содержащие в себе контекстуальные семы. При помощи совокупности методов (направленной выборки, стилистической интерпретации текста, сравнительно-сопоставительного анализа, индуктивного и дедуктивного, интерпретации результатов) разработан алгоритм анализа лексических единиц с множественными семами. Исследуются их возможности непрямого номинации, системные отношения единиц при семантическом сдвиге в двуязычной языковой ситуации, что позволяет проанализировать модальность и хронотоп орфических текстов, а также связанные с ними переводческие трансформации. Полученные результаты позволяют интерпретировать орфические сюжеты в литературе с позиции семантики, лексикологии, лингвистики текста и переводоведения.

Ключевые слова: лингвокультура, орфизм, хронотоп, семантика, полисемантический комплекс, семантическое поле.

Для цитирования: Вековищева С. Н., Демин М. С. Лексико-семантические особенности репрезентации лингвокультуры орфизма (на материале сопоставления отрывка текста пьесы У. Шекспира *The Tempest* / «Буря» и его русскоязычных переводов) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 30–39. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.004.

Original article

Lexical and semantic peculiarities of representation of the linguoculture of Orphism (based on the juxtaposition of the text excerpt of W. Shakespeare's play *The Tempest* and its Russian-language translations)

Svetlana N. Vekovichcheva

State University of Education, Moscow, Russia
vekovichcheva_sn@mail.ru

Mikhail S. Demin

State University of Education, Moscow, Russia
mikhail.de@yandex.ru

© Вековищева С. Н., Демин М. С., 2024

Abstract. The present work studies the lexical and semantic representation of the linguoculture of orphism in the text of Shakespeare's play *The Tempest* and its Russian-language translations. The paper, based on research on orphism, defines this concept from the perspective of linguistics. The study of this polysemantic linguistic and cultural phenomenon involves lexical units containing contextual semes. An algorithm for analyzing lexical units with multiple semes has been developed via using a set of methods (directional sampling, stylistic interpretation of the text, comparative analysis, inductive and deductive methods, interpretation of the results). Such aspects as the possibilities of indirect nomination, the systemic relations of the units with a semantic shift in a bilingual language situation allow us to analyze the modality and chronotope of orphic texts and the translation transformations associated with them. The obtained results make it possible to interpret orphic plots in literature from the perspective of semantics, lexicology, text linguistics and translation studies.

Keywords: linguoculture, orphism, chronotope, semantics, polysemantic complex, semantic field.

For citation: Vekovishcheva S. N., Demin M. S. Lexical and semantic peculiarities of representation of the linguoculture of Orphism (based on the juxtaposition of the text excerpt of W. Shakespeare's play *The Tempest* and its Russian-language translations). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 30–39. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.004.

Введение

Темы жизни и смерти, любви, поиска себя в этом мире — неиссякаемый источник вдохновения для тех, кто не просто хочет обрести себя и смысл своего существования, но и помочь другим на этом нелегком пути при помощи творческого начала, заложенного при создании культурных образов, воплощаемых в шедеврах литературы благодаря богатству языка. В центре внимания данного исследования — лингвокультура орфизма и ее межъязыковая лексико-семантическая репрезентация, рассматриваемая в сопоставлении оригинального английского текста и его русскоязычных переводов.

Объект исследования — лингвокультура орфизма, предмет исследования — способы лексико-семантической репрезентации лексических единиц в художественном тексте и его переводов. Методологической базой исследования являются труды в области лингвистики текста (см.: [Аюпова, 2012 ; Гальперин, 2020 ; Широкова, 2016]), литературоведения (см.: [Асоян, 2004 ; Акимов, 2018 ; Болнова, 2016 ; Суханова, 2019]) и семантики (см.: [Вековищева, Святова, 2014 ; Вековищева, Кожевников, 2022 ; Филиппова, 2020]). Материалом исследования послужил отрывок из текста пьесы У. Шекспира *The Tempest* и его русскоязычные переводы, выполненные Т. Л. Щепкиной-Куперник в 1949 году и Г. Кружковым в 2013 году (см.: [Shakespeare, 2004 ; Шекспир, 1949, 2013]).

Цель исследования — рассмотреть особенности лексико-семантической репрезентации лингвокультуры орфизма. В соответствии с целью исследования представляется возможным поставить ряд задач: определить категориальный аппарат исследования; составить алгоритм лексико-семантического анализа; выявить лексико-семантические зависимости в тексте пьесы; идентифицировать стилистические особенности вербализации данной лингвокультуры и сопоставить национально-культурные особенности текста оригинала и вариантов перевода; выявить семантические и композиционные особенности построения сюжета пьесы в двуязычной языковой ситуации.

Для выполнения цели и задач настоящей работы обратимся к следующим методам: направленной выборки, стилистической интерпретации текста, сравнительно-сопоставительного анализа, индуктивного и дедуктивного, интерпретации результатов. Научная новизна исследования состоит в выделении лексико-семантического аспекта такого феномена культуры, как орфизм. Лингвофилософская интерпретация данного понятия не получила должного освещения в языкознании, что представляет собой несомненный научный интерес в изучении вышеуказанной узконаправленной тематики в английском и русском языках и составлении лингвокультурологической характеристики данного феномена культуры через призму стилистики, семантики, лингвистики текста, теории перевода.

Основная часть

Лексико-семантическое поле орфизма

В данной статье, опираясь на исследования в области семантики образов, рецепции и интерпретации орфического сюжета и его семасиологии (см.: [Асоян, 2004 ; Болнова, 2016 ; Суханова, 2019]), мы определяем **орфизм** как *лингвокультуру и полисемантический комплекс языковой репрезентации антропологического, онтологического и сотериологического сюжетов художественной литературы, вербализующихся в тексте художественного произведения посредством лексических единиц, знаков и маркеров, имеющих свои структурные, стилистические, композиционные и системные особенности*. Мы разделяем точку зрения, что сотериологический сюжет представляет собой вербализацию в тексте художествен-

ного произведения тем, связанных со спасением человека и (или) спасением мира (см.: [Сотериология, 2022]). Орфическая тема в данном контексте рассматривается не только как рецепция мифа об Орфее, но и как трактовка смыслов и семантических полей, кодируемых в мифе, что способствует более глубокому рассмотрению данной проблематики как в ретроспективе, так и «в созвучии» с днем сегодняшним.

С. Ю. Суханова, исследуя интерпретацию орфического сюжета в творчестве Е. Шварц, классифицирует сюжеты художественных текстов по аспектам бытия, составляя типологию семантики и семиотики образов, а также образности орфических текстов (табл. 1):

Таблица 1

Сюжетно-семантические поля орфических текстов
и текстов орфической тематики (сост. по: [Суханова, 2019])

Сюжетное поле	Семантическое поле
Антропологическое	смертность, жертва и самопожертвование
Сотериологическое	переход, трансформация, спасение
Онтологическое	жизнь — смерть — возрождение/перерождение, множественность — неделимость, проглатывание — поглощение

Полагаем, что со сменой исторических эпох происходит обогащение языковой картины мира за счет лингвистических единиц, которые отражают реальную картину мира и принимают многообразные формы, варьируемые от нейтральных и смягченных единиц до нарочито вульгарных (см.: [Вековищева, Кожевников, 2022, с. 19]). Это способствует изменению восприятия и трактовок таких аспектов бытия, как «жизнь — смерть — возрождение», «спасение», «жертва и самопожертвование», «поглощение и отторжение» и т. д. (см.: [Суханова, 2019, с. 142–143]). Использование автором художественного текста слов с соответствующими контекстами влияет на мотивированность всех лексических единиц, связанных единым информационным, сюжетным и семантическим полями произведения. Справедливо утверждение, что «информация, которую мы выводим из внутренней формы слова, важна не только для понимания мотивационного значения, но и для понимания принципов номинации в том или ином языке» [Вековищева, Святова, 2014, с. 2]. Таким образом, в центре внимания исследования находятся лексические единицы, которые в контексте расширяют свое семантическое поле. По определению Л. А. Новикова, *сема* — это «операциональная единица компонентного анализа при исследовании семантического поля слов и лексико-семантических вариантов слов и установлении их сходства и различия» [Новиков, 2017]. Следовательно, мы анализируем контекстуальные семы, возникающие в определенных словоупотребительных ситуациях и вызывающие различного рода ассоциации, которые составляют коннотативное значение лексических единиц в тексте (см.: [Там же]).

Для вербализации орфического лейтмотива авторы используют различные виды номинации, выражающиеся в том числе в комбинировании нескольких видов эвфемизации. По утверждению И. Н. Филипповой и С. Н. Вековищевой, ее языковое воплощение осуществимо при наличии в тексте семантических сдвигов по принципу метонимизации и (или) метафоризации, совмещении морфологических и комплексных семантических приемов, перефразировании, эврисемизации, экзотизации, антонимизации, гипо-гиперонимизации (см.: [Филиппова, 2020, с. 185–197 ; Вековищева, Кожевников, 2022, с. 19–20]). Сочетание данных приемов вербализирует комплексные философские сюжетно-семантические поля лингвокультуры орфизма в художественном тексте.

Хронотоп и модальность как объекты интерпретации орфических текстов

Рассмотрению лексико-семантических особенностей языка текста произведения *The Tempest* / «Буря» посвящено исследование Э. Б. Акимова, который утверждает, что «в фокусе [произведения] оказывается не конфликт отцов и детей, мужского и женского начал, антагонистов, сословий и фамилий, а их гармония, пусть возможная лишь в пространстве условного хронотопа и финальной ситуации условного же прощения и примирения», что свидетельствует об антиномии сюжета произведения [Акимов, 2018, с. 16]. В связи с этим представляется возможным определить пьесу *The Tempest* / «Буря» У. Шекспира как один из вариантов текста орфической тематики.

На текстовом уровне языковое выражение вышеупомянутых лингвокультурных единиц исследуется сквозь призму *хронотопов* произведения. М. М. Бахтин считает, что они представляют собой

«существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин, 2000, с. 9]. Е. Н. Широкова рассматривает хронотоп с другой позиции, как «координирующую категорию, определяющую пространственно-временную соотнесенность в тексте событий, явлений, концепций, императивов и т. п.» [Широкова, 2016, с. 179]. В статье мы придерживаемся данной трактовки термина, поскольку считаем, что такой подход полностью отражает анализируемый нами орфический лейтмотив и лингвокультуру.

На вербальном уровне к лексическим единицам с семами пространства и времени применимы такие термины, как *локонимы* и *хрононимы* соответственно (см.: [Аюпова, 2012, с. 17]). Поскольку они являются лексическими единицами с множественными контекстуальными семами, то в условиях художественного текста они связаны с выражением реальности/ирреальности описываемых событий, явлений и признаков, что в лингвистике текста трактуется как текстовая категория *модальности* (см.: [Гальперин, 2020, с. 114–121]). Языковое выражение объективного и субъективного отношения к действительности в данной статье рассматривается не в парадигме «автор — текст» / «автор — текст — переводчик — текст», а как лексико-семантическая интерпретация парадигмы «автор высказывания» — «перевод высказывания автора» в условиях двуязычной языковой ситуации.

На основании вышеизложенного приведем следующий алгоритм интерпретации лингвокультуры орфизма:

1. Отбор из текста лексических единиц, несущих в себе множественные семы в рамках контекста заявленной тематики.
2. Определение этимологических и лексических значений при помощи авторитетных лексикографических источников.
3. Морфологические и синтаксические характеристики лексемы.
4. Определение лексико-семантической модели сюжета текста орфической тематики (модальность, хронотоп, образность) и его межязыковой передачи при помощи возможностей непрямого номинации:
 - 1) антропологический аспект;
 - 2) сотериологический аспект;
 - 3) онтологический аспект.

Интерпретация лексико-семантической репрезентации орфизма

Рассмотрим фрагмент пьесы, в котором раскрывается орфическая тема, и проанализируем ее языковую репрезентацию с точки зрения лексико-семантических и стилистических особенностей языковых единиц, формирующих образность и композиционную наполненность произведения в тексте оригинала и вариантов его перевода (табл. 2).

Таблица 2

Отрывок из текста пьесы

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник (1949)	William Shakespeare (1610)	Перевод Г. Кружкова (2013)
АЛОНЗО Ах, лучше б этой <i>свадьбы</i> <i>злополучной</i> Не затевать! <i>Я сына потерял</i> <i>Из-за нее, да, в сущности,</i> <i>и дочь.</i> Так далеко она, что, верно, больше <i>Мне не видать ее.</i> А мой наследник, <i>Мой сын,</i> — какому же морскому чуду <i>Ты на обед пошел?</i> [Шекспир, 1949, с. 350]	ALONSO <i>Would I had never</i> <i>Married my daughter there, for coming thence</i> <i>My son is lost, and, in my rate, she too,</i> Who is so far from Italy removed <i>I ne'er again shall see her. —</i> <i>O, thou mine heir</i> Of Naples and of Milan, what strange fish <i>Hath made his meal on thee?</i> [Shakespeare, 2004, pp. 60–61].	АЛОНЗО <i>О, если б никогда мне</i> <i>не видать</i> <i>Земли Тунисской!</i> На пути оттуда <i>Погиб мой сын; и дочь</i> моя, вдали От дома, для меня почти погибла — <i>Нам больше не увидеться.</i> <i>О сын мой,</i> <i>Принц Неаполитанский</i> и <i>Миланский!</i> Какой неведомой холодной рыбе <i>Попался ты на ужин?</i> [Шекспир, 2013, с. 35]

Семантическое поле лингвокультуры орфизма, образующееся вокруг таких ядерных лексем, как *mortality, sacrifice and self-sacrifice, transition, transformation, salvation, life — death — rebirth/resurrection, multiplicity-indivisibility, ingestion — absorption*, представлено его различными иерархическими структурными единицами лексико-семантического уровня. В тексте мы выделяем следующие лексемы действия и состояния в дискурсивном контексте: *married, lost, meal*. Отметим, что они образуют и объясняют причинно-следственную связь развития сюжета. Говоря о количественном показателе выборки исследуемых единиц, добавим, что для выполнения качественного анализа нами были отобраны 3 лексемы (5,77 % от общего числа слов/лексем; объем анализируемого фрагмента текста — 52 единицы), которые соответствуют характеристикам рассматриваемой лингвокультуры. Так как орфизм с точки зрения лингвистики определен нами дедуктивно (от семантических полей к лексическим единицам; см. выше), то его вербализацию следует рассматривать «от обратного», то есть индуктивно (от лексических единиц к семантическим полям). Совокупность семантических полей в дискурсивном контексте образует семантическое поле орфизма.

Рассмотрим отобранные нами лексические единицы по отдельности с точки зрения вербализации сюжетно-семантических полей.

1. 1. Лексема *married* (Past participle).

2. Образована от глагола *marry* (V.). Согласно определению из этимологического словаря *Online Etymology Dictionary*, лексема *marry* (v.) имеет переносное значение ‘объединяться интимно или какими-то тесными узами связи’ [Harper, married].

3. Лексема представляет собой форму причастия прошедшего времени, образующегося при помощи добавления к словоформе *marry* суффикса *-ed*. Деривационная модель — аффиксация. Является частью составного глагольного сказуемого, которое выражено в форме сослагательного наклонения Conditional Mood, выражающего желаемое, но нереальное действие, относящееся к прошлому (корреляция сем «обретение» и «единство» с семами «потеря» и «смерть»).

4. Лексико-семантическая модель сюжета:

1) Антропологический аспект. Сближение семантики тем «объединения» и «потери», выражаемой лексемой *married* ‘свадьба’ в контексте хронотопа «потери», представляет собой интерпретацию проблематики «жертвы и самопожертвования» через использование У. Шекспиром условного наклонения и односоставного безличного предложения в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник (изменение предикативной модели; прием членения), то есть имеет место утверждение о «принесении Кларибель в жертву» ради благополучия Неаполя (семы «свадьба» и «бракосочетание» сопряжены с семами «родина» и «жертва» при помощи метафорического переноса значения). Также наблюдается использование приема смыслового развития за счет введения эпитета ‘злополучной’ и конкретизации места бракосочетания *there* — ‘Земли Тунисской’, то есть представляется возможным отследить коннотативный и семантический сдвиг от «скорби» и «печали» к «ненависти», выражаемой не только конкретно к прошедшему событию, но и к месту его совершения. Следовательно, данный локоним на уровне фразовой модальности вербализует посредством эпитета субъективно-негативное отношение (модальное значение) к прошедшему событию, которое изначально предполагалось как благоприятное политическое событие для двух государств и семей.

2) Сотериологический аспект. Данное сочетание локонима *there* и хрононима *married* является образной и описательной характеристикой не только причины перемещения персонажей по морю, но и портретным описанием персонажа дочери Алонзо Кларибель, которое выражается лексическими единицами с семами «семья», «переход», «путь», «социальный статус». Семантика «перехода» и «движения», связанная с изменением социального статуса Кларибель, выражена эксплицитно в оригинале и в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник и имплицитно в переводе Г. Кружкова (прием опущения, полная эвфемизация понятия «свадьба»). Перенос семы «переход» на лексемы *married — lost* по принципу метафоризации (корреляция с семой «изменение социального статуса») и расширения структуры значения лексической единицы, репрезентирующей коннотацию смерти, объясняется общей скорбной тональностью реплики героя, несущей риторический характер за счет использования условного наклонения.

3) Онтологический аспект. Поскольку метафорическое отношение между лексемами *married — lost* есть гипонимизация дихотомии «жизнь — смерть», то допустима следующая интерпретация данного семантического комплекса: король Неаполя Алонзо теряет свою дочь, выдавая ее замуж за короля Туниса, то есть королевская семья теряет свою подданную, а Тунис обретает новую королеву. Для отца и жителей Неаполя это несет в себе коннотацию смерти, скорби и прощания, заложенную во фразе *I ne'er again shall see her* — ‘Мне не видать ее’ — ‘Нам больше не увидиться’ (переводческий прием:

замена простого двусоставного предложения простым односоставным безличным). В переводе Г. Кружкова передача лексемы *married* не представлена буквально, а подразумевается имплицитно при помощи обозначения места и детальной локализации действий персонажей, то есть семантический комплекс «объединение/потеря» номинирован при помощи приема опущения и модуляции.

Отметим, что внутренние структуры значения лексем *married* — *lost* вне контекста произведения находятся в антонимических отношениях друг к другу, так как их семантические компоненты представляют собой дихотомию “unite — to be deprived of”. Однако в рамках художественного текста данная дихотомия может представлять собой ряд соположенных контекстуальных синонимов.

Рассмотрим лексему *lost* и ее лексико-семантические контекстуальные особенности.

II. 1. Лексема *lost* (Past Participle).

2. Согласно словарю *Online Etymology Dictionary*, глагол *lose* означает ‘быть лишенным, терять’ [Harper, lost].

3. Лексема в форме причастия прошедшего времени несет в себе семантику «зависимости от обстоятельств» и «состояния невозвратности».

4. Отметим, что в анализируемых текстовых фрагментах модальность на уровнях фразы и высказывания выражается вводной конструкцией *in my rate*, которая содержит в себе сему «мышление», что показывает обращение лирического героя в свой внутренний мир для понимания сложившейся ситуации с неопределенным местонахождением детей. Следовательно, в разверстке сюжетной линии произведения наблюдается дисконтинуум в форме интроспекции. В русскоязычных вариантах модальность передана при помощи частицы и производного предлога ‘да, в сущности’ в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник (описательный перевод и модуляция) и при помощи наречия ‘почти’ в варианте Г. Кружкова (модуляция). Сема «потеря» сопряжена здесь с семой «мышление», что объясняется обеспокоенностью Алонзо (реальность). Ирреальность реплики заключается в констатации того факта, что дети потеряны для него, возможно, навсегда (по ходу чтения читатель понимает, что дети живы).

1) Антропологический аспект. Наблюдается семантический сдвиг в сторону сближения значений между семами «потеря» и «объединение», то есть сын Алонзо, Фердинанд, пропадает после крушения корабля, одновременно становясь добычей для морского чудовища (семантический сдвиг от сем «потеря» и «смерть» к семам «пища» и «жизнь» при помощи введения автором контекстуального синонима *died* — *lost*). Следовательно, лексема *lost* ‘потерял’ / ‘погиб/погибла’ в контексте описания цели поездки королевской семьи представляет собой вербальное выражение темы «жертвы и самопожертвования», так как Фердинанд, по предположению короля, становится пищей для морских обитателей (анализ данной лексемы и семантического поля в контексте см. ниже).

2) Сотериологический аспект. Представлен как вербализация сем «неопределенность», «скорбь» и связанного с ними «перехода» в новое бытие (Фердинанд погиб и пропал, став добычей для морских обитателей, а Кларибель, будучи неаполитанской принцессой, стала женой тунисского короля), что выражается на уровне контекстуальных и синтагматических отношений между лексемами *married* ‘свадьба’ и *lost* ‘потерял’ / ‘погиб/погибла’. Наблюдаются случаи дисфемии в переводе Г. Кружкова: *My son is lost* — ‘Погиб мой сын’. Данные фразы точно иллюстрируют страхи короля Алонзо при помощи приема модуляции в русскоязычном варианте. Таким образом, переведенный текст содержит более «резкую» образность за счет исключения семы «неопределенность» из русскоязычного варианта текста. В переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник концентрация внимания за счет описательного перевода и модуляции (уход от пассивных конструкций) усиливает семантическое поле «чувство вины».

3) Онтологический аспект. Данный аспект, вербализующийся при помощи лексических единиц с семами «поглощение — отторжение», «множественность — неделимость», разбирается на примере анализа контекста и семантического поля лексемы *meal*.

III. 1. Лексема *meal* (n.).

2. Согласно этимологическому словарю *Online Etymology Dictionary*, лексема *meal* (существительное) наделена следующими компонентами в структуре значения: «повод для принятия пищи, пир, запас продуктов, употребляемых за один раз для утоления голода»; «назначенное время для приема пищи»; «определенное время, повод; трапеза» и др. [Harper, meal].

3. Существительное содержит как семы «зависимость», «несамостоятельность», так и семы «намерение», «голод» и «время насыщения».

Рассмотрим проявления модальности и хронотопа.

– План пространства. В рамках текстовой действительности обозначение мест, где развивается сюжет, в данном случае — приема пищи, представлено такими локонимами и топонимами, как остров,

sea ('more'), Naples ('Неаполь') и Milan ('Милан'). Они выражены существительными в оригинальном тексте и прилагательными в русскоязычных переводах (опущены географические и титулярные сведения в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник) и выступают в качестве пространства интроспекции.

– План времени. *Hath made his meal* в рамках текстовой действительности представляет собой сопряжение определенности и неопределенности.

4. Лексико-семантическая модель сюжета:

1) Антропологический аспект. Наблюдается семантический сдвиг от семы "prey" к семе "meal", что объясняется дискурсивностью титулярных речевых традиций между королем и принцем, отцом и сыном. Для Алонзо неприемлем тот факт, что его сын Фердинанд стал простой добычей (подобно загнанному животному) для морских обитателей, следовательно, в речи используется слово "meal", которое не содержит в себе контекстуальные семы «охота» и «добыча», а несет в себе сему «королевская трапеза», что отражает стилистический аспект модальности. Также лексема *meal* несет в себе сему «жертва», так как, по мнению Алонзо, Фердинанд стал источником жизни для морского существа.

2) Сотериологический аспект. Сема «пища» связана с семой «жизнь», а, следовательно, и с семой «спасение».

3) Онтологический аспект. Данный аспект связан с лексемой *lost*. Эвфемия комплекса понятий смерти/потери/пропажи по метафорическому принципу представлена на уровне лексики как одновременно и семантическая замена, и сближение по семам «смерть» и (или) «потеря/пропажа» на лексических единицах с семой «еда/пища» — «жизнь» при помощи актуализации значения по гипонимическому принципу при сопоставлении с русскоязычным вариантом (прием конкретизации в обоих вариантах перевода).

Заключение

На основании проведенного комплексного анализа лексико-семантической репрезентации лингвокультуры орфизма представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Орфизм с точки зрения лингвистики представляет собой не только лингвокультуру, но и полисемантический комплекс, лексические единицы которого в контексте расширяют структуру своих значений, приобретая новые значения.

2. Механизмами данного семантического расширения являются внутриязыковые и межъязыковые семантические сдвиги по метафорическому и метонимическому признакам.

3. Стилизация лексических единиц в орфическом тексте сопряжена с непрямой номинацией описываемых явлений, событий, императивов и категорий. Такими вариантами способа создания образа за счет стилистических приемов являются случаи использования переводчиками эвфемии и дисфемии (полной и (или) частичной). Это свидетельствует о том, что они становятся неотъемлемой частью лексического каркаса текстов орфической тематики.

4. Межъязыковые семантические расхождения демонстрируют расширения исходных авторских коннотаций и семантики текста.

5. Рассматривая орфические тексты как лингвостилистическую интерпретацию таких тем, как «жизнь — смерть — возрождение», «жертва и самопожертвование», «поглощение и отторжение», стоит отметить взаимосвязь таких аспектов, как модальность и хронотоп, связывающих интенциональные доминанты в единую сюжетную линию: модальность орфических текстов сопряжена с вербализацией реальности и ирреальности текстовой действительности в различных формах континуума.

6. Анализируемые лексические единицы (*married, lost, meal*), помимо содержащихся в них сем «смертность», «жертва и самопожертвование», «переход», «трансформация», «спасение», «жизнь — смерть — возрождение/перерождение», «множественность — неделимость», «проглатывание — поглощение», из-за лексической и грамматической межъязыковой асимметрии приобретают дополнительные значения «зависимость» и «неопределенность».

7. Выявлено, что полисемантический характер вышеперечисленных сем связан не только с внутренним лексическим значением слова, но и с семами пространства и времени, пищевым лингвокультурным кодом, семами «путь», «перемещение», «родина», «социальный статус» и «мышление», что в совокупности с вышеперечисленным составляет лингвостилистическую интерпретацию антропологического, сотериологического и онтологического сюжетов текстов с орфической тематикой.

Таким образом, можно сказать, что цель исследования была достигнута, а решение поставленных задач позволило не только охарактеризовать орфизм с точки зрения лингвистики в английском

и русском языках, рассмотреть случаи частичного совпадения / частичного расхождения тематических сем, но и представить дальнейший вектор исследований, посвященных данной тематике, на основании выведенного алгоритма анализа лексико-семантического поля орфических текстов.

Список источников

1. Акимов Э. Б. «Буря» и «Капитанская дочка»: опыт сравнительной интерпретации // Крымский Академический вестник. — 2018. — № 5. — С. 167–176.
2. Асоян А. А. Семиотика мифа об Орфее и Эвридике // Сибирский филологический журнал. — 2004. — № 1. — С. 4–25.
3. Аюпова С. Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И. С. Тургенева) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — Уфа, 2012. — 49 с.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Эпос и роман. — СПб. : Азбука, 2000. — С. 9–193.
5. Болнова Е. В. Семантика мифа об Орфее и Эвридике в творчестве В. И. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2016. — № 4. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-mifa-ob-orfee-i-evridike-v-tvorchestve-v-i-ivanova> (дата обращения: 27.03.2024).
6. Вековищева С. Н., Кожевников Г. Образная эвфемия в текстах с религиозной семантикой и ее межъязыковая передача // Иностранные языки в высшей школе. — 2022. — № 3 (62). — С. 18–25.
7. Вековищева С. Н., Святова М. И. Мотивационные отношения единиц субстандарта в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. — 2014. — № 3. — 12 с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г. В. Степанов. — Изд. стер. — М. : ЛЕНАНД, 2020. — 144 с.
9. Новиков Л. А. Сема // Большая российская энциклопедия. — 2017. — URL : <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3546926> (дата обращения: 13.04.2024).
10. Сотериология // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. — URL : <https://bigenc.ru/c/soteriologiia-0079a1/?v=3419971> (дата обращения: 06.06.2024).
11. Суханова С. Ю. Интерпретация орфического сюжета в творчестве Елены Шварц // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2019. — № 35. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-orficheskogo-syuzheta-v-tvorchestve-eleny-shvarts> (дата обращения: 27.03.2024).
12. Филиппова И. Н. Эвфемизмы-заимствования в русском и немецком языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 3 (38). — С. 185–197. — URL : https://apimag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3760/ (дата обращения: 17.03.2024).
13. Шекспир В. Буря // Полное собрание сочинений : в 8 т. / под ред. А. А. Смирнова. — М. ; Л. : Гослитиздат, 1949. — Т. 8. — С. 311–417.
14. Шекспир У. Буря / пер. с англ. Г. Кружкова. — М. : ФТМ, 2013. — 88 с.
15. Широкова Е. Н. Хронотоп текста, хронотоп дискурса (к вопросу разграничения текстовых и дискурсивных категорий) // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. — Н. Новгород : Деком, 2016. — С. 179–184.
16. Shakespeare W. *The Tempest*. — 1st ed. — NY, 2004. — 416 p. — URL : <https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/the-tempest/read/> (accessed 01.12.2023).
17. Harper Douglas. Online Etymology Dictionary. — М : married ; meal ; L : lost. — URL : <https://www.etymonline.com/> (accessed 22.04.2024).

References

1. Akimov E. B. *The Tempest & The captain's daughter* comparative essay. *Krymskij Akademicheskij vestnik* [Crimean Academic Bulletin]. 2018, no. 5, pp. 167–176. (In Russian).
2. Asoyan A. A. Semiotics of the myth about Orpheus and Eurydice. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2002, no. 1, pp. 4–25. (In Russian).
3. Ayupova S. B. *Kategorii prostranstva i vremeni v azykovoy Khudozhestvennoy Kartine Mira (na materiale khudozhestvennoy prozy I. S. Turgeneva)* [Categories of space and time in the linguistic artistic

worldview (based on the prose of I. S. Turgenev)]. Dr. phil. sci. abstracts diss.: 10.02.01. Ufa, 2012, 49 p. (In Russian).

4. Bahtin M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, pp. 9–193. (In Russian).

5. Bolnova E. V. The semantics of the myth of Orpheus and Eurydice in the works of V. I. Ivanov. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod]. 2016, no. 4 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-mifa-ob-orfee-i-evridike-v-tvorchestve-v-i-ivanova> (accessed 27.03.2024). (In Russian).

6. Vekovishcheva S. N., Kozhevnikov G. Associative euphemisms in texts with religious semantics and their interlingual interpretation. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2022, no. 3 (62), pp. 18–25. (In Russian).

7. Vekovishcheva S. N., Svyatova M. I. Motivational relations of non-standard items in comparative aspect (based on material of English and Russian). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [MRSU Bulletin]. 2014, no. 3, 12 p. (In Russian).

8. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, LENAND Publ., 2020, 144 p. (in Russian).

9. Novikov L. A. Sema. *Bolshaya rossijskaya enciklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. 2017. Available at: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3546926> (accessed 13.04.2024). (In Russian).

10. Soteriology. *Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: nauch.-obrazovat. portal* [The Great Russian Encyclopedia: a scientific and educational portal]. 2022. Available at: <https://bigenc.ru/c/soteriologiya-0079a1/?v=3419971> (accessed 06.06.2024). (In Russian).

11. Sukhanova S. Yu. Interpretation of the orphic plot in E. Schwartz's poetry. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. 2019, no. 35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-orficheskogo-syuzheta-v-tvorchestve-eleny-shvarts> (accessed 27.03.2024). (In Russian).

12. Filippova I. N. Euphemisms-borrowings in Russian and German. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Theory of language and intercultural communication]. 2020, no. 3 (38), pp. 185–197. Available at: https://apimag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3760/ (accessed 17.03.2024). (In Russian).

13. Shekspir V. *The Tempest. Polnoe sobranie sochinenij: v 8 t.* [Complete works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1949, vol. 8, pp. 311–417. (In Russian).

14. Shakespeare W. *Burya* [The Tempest]. G. Kruzhkov (transl.) Moscow, FTM Publ., 2013, 88 p. (In Russian).

15. Shirokova E. N. Text chronotope, discourse chronotope (discussing the differentiation of text and discursive categories). *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktualnykh problem sovremennogo yazykoznanija: (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.N. Golovina): sb. st. po materialam mezhdunar. nauch. konf.* [Scientific heritage of B. N. Golovin in the light of topical problems of modern linguistics: (to the 100th anniversary of the birth of B. N. Golovin): collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, Decom Publ., 2016, pp. 179–184. (In Russian).

16. Shakespeare W. *The Tempest*. 1st ed. NY, 2004. 416 p. Available at: <https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/the-tempest/read/> (accessed 01.12.2023).

17. Harper Douglas. *Online Etymology Dictionary*. M : married ; meal ; L : lost. Available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed 22.04.2024).

Информация об авторах

Вековищева Светлана Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, декан лингвистического факультета Государственного университета просвещения; почетный работник сферы образования.

Демин Михаил Сергеевич — аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения.

Information about the authors

Vekovishcheva, Svetlana — candidate of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, Dean of the Linguistic Faculty of the State University of Education; honorary worker of Sphere of Education.

Demin, Mikhail — postgraduate student of the Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics of the State University of Education.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024;
одобрена после рецензирования 19.06.2024;
принята к публикации 28.06.2024.

Submitted 24.04.2024;
approved after reviewing 19.06.2024;
accepted for publication 28.06.2024.

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 39–45.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):39–45.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.005

**Проксемная сравнительно-сопоставительная модель
арабского мира в публицистических текстах
(на материале статей об архитектуре в журналах «Вокруг света»
и *National Geographic*)**

Антон Валерьевич Колядин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
kav3105@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проксеммы как лексические компоненты дискурсивного информативного кода, интерпретируемого в качестве совокупности лексико-грамматических и синтаксических информативов в публицистическом дискурсе. Лингвистический анализ разноязычных публицистических форматов — статей А. Егорина «Ворота Востока» и С. Талреджа *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary* — позволил рассмотреть дискурсивную проекцию пространственного культурного кода в его англоязычной и русскоязычной формах, что способствовало созданию авторской классификации проксемических единиц, которая представляет собой совокупность пяти типов проксем: 1) проксеммы, характеризующие расстояние между объектами; 2) проксеммы, характеризующие направление движения; 3) проксеммы, описывающие пространственную трансформацию объектов; 4) проксеммы, определяющие размеры объектов (высота, ширина); 5) проксеммы, характеризующие расположение объектов относительно друг друга.

Ключевые слова: маркеры невербального культурного кода, проксемические единицы, архитектурный текст, топонимы, статичные проксеммы, динамические проксеммы, статично-динамические проксеммы.

Для цитирования: Колядин А. В. Проксемная сравнительно-сопоставительная модель арабского мира в публицистических текстах (на материале статей об архитектуре в журналах «Вокруг света» и *National Geographic*) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 39–45. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.005.

Original article

**Proxemian comparative model of the Arab world in journalistic texts
(a case-study about architecture in the magazines
Around the World and *National Geographic*)**

Anton V. Koliadin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
kav3105@yandex.ru

Abstract. The article deals with proxemes as the lexical components of a discursive informative code, interpreted as a set of lexico-grammatical and syntactic informatives in the journalistic discourse. The linguistic analysis of multilingual journalistic formats as well as of the journalistic articles *Gate of the East* by A. Egorin and *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary* by S. Talrej made it possible to consider the discursive projection of the spatial cultural code in its English and Russian forms, which contributed to the creation of the author's classification of proxemes. This set includes 5 types of proxemes: proxemes characterizing the distance between objects, proxemes that characterize the direction of movement — 4 units, proxemes that describe the spatial transformation of objects, proxemes that determine the dimensions of objects (height, width), proxemes that characterize the location of objects relative to each other.

Keywords: markers of non-verbal cultural code, proxemes, architectural text, place names, static proxemes, dynamic proxemes, static-dynamic proxemes.

For citation: Koliadin A. V. Proxemian comparative model of the Arab world in journalistic texts (a case-study about architecture in the magazines *Around the World* and *National Geographic*). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 39–45. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.005.

Введение

Проксемика, которую основал американский ученый Э. Холл, определяется как компонент невербальной коммуникации, поскольку дистанция, расстояние между объектами имеет большое значение для анализа эффективности и актуальности того или иного коммуникативного акта (см.: [Hall, 1963, p. 1003]). Проксемика исследует пространственные параметры текста и дискурса, номинируемые проксемами. Под проксемой в научной литературе понимается маркер некоего пространственного фона для каких-либо событий или процессов (см.: [Лю, 2015, с. 231]). Проксеммы представляют собой один из компонентов текстового информативного кода, который сопряжен с дискурсивным информативным кодом.

Каждой культуре присущ проксемический код, который репрезентируется в том числе в публицистических текстах (см.: [Трофимова, 2022, с. 239]) в качестве совокупности проксем, функционирующих в публицистическом дискурсе.

Пространственные отношения ощутимо регулируются культурой, что проявляется, например, в допустимости того или иного расстояния между коммуникантами в зависимости от их статуса и степени родства (см.: [Алефиренко, 2022, с. 106]).

В настоящее время разработана классификация проксем в художественном тексте:

- 1) лексические единицы и конструкции, которые осуществляют семантическую маркировку художественного пространства;
- 2) глагольные лексические единицы, которые характеризуют движение;
- 3) топонимические единицы;
- 4) лексические единицы, которые связаны с пейзажными описаниями (см.: [Огнева, 2021, с. 54]).

Кроме того, выделенные Е. А. Огневой типы проксем объединены по принципам интенсивности функционирования в пространстве:

- 1) статичные проксемы — топонимы, а также лексические единицы и конструкции, которые осуществляют семантическую маркировку художественного пространства;
- 2) динамические проксемы — глагольные лексические единицы, которые характеризуют движение;
- 3) статично-динамические проксемы — лексические единицы, которые связаны с пейзажными описаниями (см.: [Огнева, 2012, с. 88]).

Сущность значения проксем тесно связана с существованием неких невербальных характеристик культурного кода, которые описывает в своей работе А. П. Садохин. Исследователь утверждает, что каждая языковая культура через вербальные и невербальные средства отражает определенные национальные привычки, стиль поведения, свойственный представителям конкретного этноса, особенности организации пространства и т. д. В частности, А. П. Садохин выделяет следующие невербальные характеристики культурного кода:

- те особенности поведения человека, которые обусловлены определенными физиологическими реакциями на раздражители;
- самоадапторы, свойственные представителям конкретного этноса, существование которых объясняется целым рядом факторов, имеющих социально-культурный характер;
- некие знаки невербальной коммуникации, которые применяются человеком намеренно для донесения важной информации до других (см.: [Садохин, 2014, с. 197, 198]).

Культурный код активно функционирует в дискурсе. Под дискурсом понимается система понятий, сформированная в каждом публицистическом тексте и включающая в себя ряд концептов, отражающих различные стороны жизни (см.: [Аймагамбетова, Жакупова, 2020, с. 55]).

Публицистический текст сопряжен с определенным тематическим дискурсом, который концептуально сформирован и может иметь концепт-доминанту и субдоминанту: в данном исследовании, например, УРБАНИСТИКА будет представлять собой концепт-доминанту, а АРХИТЕКТУРА — концепт-субдоминанту (см.: [Даниленко, 2022]).

Существующие в публицистике тексты об архитектуре городов арабского мира подразумевают наличие нескольких номинативных полей концептов, которые включают в себя номинации положения архитектурного объекта в пространстве, номинации размера архитектурного объекта, номинации типа архитектурного объекта и т. д. (см.: [Гальперин, 1981, с. 69]). Вследствие этого урбанистическое пространство исследуется как культурная составляющая (см.: [Kushneruk, Kurochkina, 2022]).

Организация городского пространства, или урбанистика, в состав которой входят лексические характеристики типов объектов архитектуры, их горизонтальное или вертикальное расположение в пространстве и их величины, с высокой частотностью представляет собой концепт-доминанту в публицистических текстах, посвященных архитектурному дискурсу (см.: [Лотман, 1970, с. 206]).

Для анализа публицистического дискурса используется модель, которая характеризуется как исследовательский инструмент для изучения «сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях» [Карасик, 2013, с. 6]. В дискурсивной модели, состоящей из трех компонентов (дискурсивной концептосферы, концептосфер языковых личностей коммуникантов, коммуникативной ситуации), дискурсивная концептосфера выстраивается как совокупность концептов (см.: [Ogneva, Stepanova, Chikovani, 2022]), номинанты которых составляют дискурсивный информативный код; концептосферы языковых личностей журналистов выстраиваются по степени критичности их мышления, рассматриваемого в качестве способности журналиста к логическим умозаключениям по теме публицистической статьи (см.: [Котюрова, Баженова, 2020, с. 63]).

Основная часть

В практической части исследования проведен анализ двух статей об архитектуре стран арабского мира: статьи А. Егорина «Ворота Востока», опубликованной в журнале «Вокруг света» (см.: [Егорин, 2006]), а также статьи С. Талреджа *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary*, опубликованной в журнале *National Geographic* (см.: [Talrej, 2019]).

Обоснованность выбора статей «Ворота Востока» и *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary* заключается в том, что именно Каир является одним из самых больших городов во всем арабском мире. Следовательно, Каир можно считать некой смесью культур, которую важно рассмотреть с точки зрения интерпретации описания городского пространства посредством применения проксем в публицистических текстах на русском и английском языках. В представленной научной работе применена совокупность следующих методов: лингвистический анализ, контент-анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

А. Сергеев в статье «Проксемика как средство обоснования архитектурных решений» обосновывает важность проксемики для анализа архитектурных текстов (см.: [Сергеев, 2020]). Суть предложенного исследовательского подхода состоит в следующем. При анализе текста об архитектуре, на материале которого формируется публицистический дискурс, необходимо учитывать, что строительство и обустройство городов в разные исторические периоды напрямую зависело от социально-культурных факторов, в частности от того, на каком расстоянии друг от друга (близком или далеком) предпочитали селиться люди. Как считает данный исследователь, именно в соответствии с этим принципом развивались многие города в различные эпохи. Следовательно, интерпретацию урбанистического пространства, представленного в публицистическом дискурсе, важно осуществлять с учетом исторического и национально-культурного аспектов.

Так, анализ статьи «Ворота Востока» 2006 года позволил обозначить следующие особенности употребления проксем. Было выявлено 16 лексических единиц и конструкций, которые семантически маркируют урбанистическое пространство, и 4 глагольные лексические единицы, характеризующие движение в пространстве.

Отметим, что проведенный анализ позволил предложить авторскую классификацию проксем в публицистическом дискурсе, расширяющую теоретико-методологическую базу дискурсологии наряду с вышеизложенной классификацией проксем в художественном дискурсе Е. А. Огневой (см.: [Огнева, 2019, с. 92]), поскольку все выявленные в рассматриваемой статье 20 проксемических единиц в комплексе составляют единое образное урбанистическое описание в публицистическом дискурсе. По этой причине лексические единицы, которые связаны с урбанистическими описаниями, целесообразно интерпретировать в публицистическом дискурсе в соответствии со следующей классификацией, изложение которой сопровождается результатами количественного анализа выявленных в исследуемой статье проксем:

- 1) проксеммы, характеризующие расстояние между объектами — 9 единиц;
- 2) проксеммы, характеризующие направление движения — 2 единицы;
- 3) проксеммы, описывающие пространственную трансформацию объектов — 1 единица;
- 4) проксеммы, определяющие размеры объектов (высота, ширина и т. д.) — 3 единицы;
- 5) проксеммы, характеризующие расположение объектов относительно друг друга — 5 единиц.

Нужно отметить, что в ходе анализа проксем в тексте статьи «Ворота Востока» было обнаружено, что большинство единиц представлено сложными синтаксическими конструкциями, которые зачастую имеют переносное значение, необходимое для обеспечения образности публицистического текста.

Самой большой группой проксемических единиц являются проксемические единицы, характеризующие расстояние между объектами, которых выявлено 9 единиц: «рассвет рядом, где-то за горизонтом», «дальний минарет», «на соседней мечети», «зеленщик у лавки», «у обочины дороги — люди...», «почти касаясь лбом коврика», «из отеля, что почти в центре Каира», «он начинается сразу за центральными кварталами», «тянувшихся на сотни метров». Как видно из примеров, общее значение данных проксем может характеризоваться как «близко» или «далеко», автор статьи не конкретизирует расстояний, а просто создает понятный читателю образ.

Вторая крупная группа проксем — это проксеммы, описывающие расположение объектов относительно друг друга, которых в данной статье выявлено 5: «поперек улицы», «дорога идет чуть вверх», «направо от входа», «внизу — еще мечети», «в центре Каира». В данной группе в основном применяются наречия, которые обозначают расположение объектов, а также предлоги и союзы с существительными.

Как показало исследование, проксемические единицы, определяющие размеры объектов, встречаются в тексте статьи А. Егорова 3 раза: «высоченная арка», «узкие улочки», «скупенные кварталы». В данном случае можно наблюдать применение стилистических средств выразительности, в частности гиперболы, литоты и олицетворения, которые являются видами проксемических единиц и хорошо отражают образы города.

Проксеммы, передающие направление движения, встречаются в тексте статьи 2 раза: «...стал на колени. Руки к небу. Руки к земле», «почти касаясь лбом коврика». В данном случае в роли проксемических единиц используются глаголы, что позволяет наиболее эффективно изобразить направления движения объектов.

Наконец, самой низкочастотной группой проксем являются проксеммы, описывающие пространственную трансформацию объектов: «сжали площадь до предела». Здесь применяется целая конструкция, которая имеет переносное значение и создает художественный образ пространства, легко понимаемый читателем.

Таким образом, можно сделать вывод, что в тексте статьи А. Егорова «Ворота Востока» встречается достаточно преобладающее количество проксем, характеризующих расстояние между объектами, а также расположение объектов относительно друг друга. При этом укажем, что многие из выявленных проксем применяются в переносном значении, что создает высокий уровень образности данного публицистического текста.

Вторая статья, которая была выбрана для проведения анализа использования проксем, — это *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary* С. Талреджа 2019 года (см.: [Talrej, 2019]).

Читатель очень образно может представить себе восточный город: планировку, описание архитектурных объектов. В статье обнаруживается большое количество лексических единиц и конструкций, которые указывают на урбанистическое пространство. При этом также нужно обратить внимание и на такие проксеммы, как глагольные лексические единицы, которые передают движение.

В анализируемой публицистической статье все 26 проксем в комплексе составляют единое образное урбанистическое описание. Применение авторской классификации проксем в сочетании с квантитативным анализом проксем статьи *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary* показало следующие типы:

- 1) проксеммы, характеризующие расстояние между объектами — 9 единиц;
- 2) проксеммы, характеризующие направление движения — 4 единицы;
- 3) проксеммы, описывающие пространственную трансформацию объектов — 6 единиц;
- 4) проксеммы, определяющие размеры объектов (высота, ширина и т. д.) — 2 единицы;
- 5) проксеммы, характеризующие расположение объектов относительно друг друга — 5 единиц.

Доминирующей группой проксем, которые встречаются в тексте рассматриваемой статьи, являются проксеммы, характеризующие расстояние между объектами — сюда относится 9 единиц, в частности: “right under the terrace” ‘прямо под террасой’, “under a high vaulted roof” ‘под высокой сводчатой крышей’, “inside, on the large ground floor” ‘внутри, на большом первом этаже’, “see the city from a bird’s

eye view” ‘увидеть город с высоты птичьего полета’, “at the fountains” ‘у фонтанов’, “along the banks of the Nile” ‘вдоль берегов реки Нил’, “cafe on the river bank” ‘кафе на берегу реки’, “against the backdrop of the Nile” ‘на фоне Нила’, “in that place” ‘на том месте’.

Вторая по частотности группа проксем — это проксеммы, описывающие пространственную трансформацию объектов, которых в данной статье выявлено 6: “was reconstructed” ‘было реконструировано’, “will be moved” ‘будут перенесены’, “paths dividing the space” ‘дорожками, разделяющими пространство’, “was a dump, converted into a park” ‘был свалкой, преобразован в парк’, “the hall is divided into four levels” ‘зал разделен на четыре уровня’.

Проксеммы, изображающие расположение объектов относительно друг друга, встречаются 5 раз: “walled” ‘окруженные стеной’, “are south” ‘находятся южнее’, “against the backdrop of the Nile” ‘на фоне Нила’, “on the river bank” ‘на берегу реки’, “northern part of the island” ‘северной части острова’.

Проксеммы, передающие направление движения, насчитывают 4 единицы: “the streets are marching” ‘улицы маршируют’, “skyscrapers rise” ‘небоскребы возвышаются’, “right above the terrace” ‘прямо над террасой’, “at sunset” ‘с заходом солнца’.

Наконец, самая малочисленная группа проксем — проксеммы, определяющие размеры объектов, которые включают 2 примера: “on the high terrace” ‘на высокой террасе’, “the highest point of the mosque is the minaret” ‘самой высокой точкой мечети является минарет’.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в тексте статьи С. Талреджа *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary* встречается достаточно значимое количество проксем, представленных в своем большинстве проксеммами, характеризующими расстояние между объектами, а также пространственную трансформацию объектов.

Часть из рассмотренных проксем имеет образное значение и используется для создания особой образности, которая важна для эффективного восприятия публицистического материала.

Заключение

Проведенное исследование позволило определить, что под проксеммой в научной литературе понимается некий пространственный фон для каких-либо событий или процессов, который может быть вербализован в художественных и публицистических текстах различными лексическими единицами.

Анализ публицистических статей А. Егорина «Ворота Востока» и С. Талреджа *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary* проведен посредством авторской классификации публицистических проксем, которая представляет собой совокупность пяти типов проксем: 1) проксеммы, характеризующие расстояние между объектами, 2) проксеммы, передающие направление движения, 3) проксеммы, описывающие пространственную трансформацию объектов, 4) проксеммы, определяющие размеры объектов (высота, ширина и т. д.), 5) проксеммы, изображающие расположение объектов относительно друг друга.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что в тексте статьи А. Егорина большинство исследуемых единиц представлено теми проксеммами, которые отражают расстояние между объектами. Также выявлено достаточно большое количество проксем, которые связаны с тем, как объекты расположены по отношению друг к другу. Отметим, что применение проксем в данном тексте не всегда имеет прямое значение: в тексте много символических описаний, что определяет яркость художественного мира статьи, несмотря на публицистический стиль.

Несколько иная ситуация наблюдается в тексте статьи С. Талреджа *Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary*, где также много проксем, характеризующих расстояние между объектами, однако на втором месте по частотности тут оказались те проксеммические единицы, которые связаны с трансформацией объектов в пространстве. Ситуация с символическостью проксем в данном случае сходна с той, что была выявлена в первой статье.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ типов и частотности проксем в разноязычных публицистических статьях позволяет построить таксономическую проксемную сравнительно-сопоставительную модель арабского мира, где первый уровень по частотности занимают идентичные проксеммы, отражающие расстояние между объектами; второй уровень составляют различные проксеммы: в русскоязычной статье — это проксеммы, репрезентирующие расположение объектов в городском пространстве по отношению друг к другу, в англоязычной статье — это проксеммы, связанные с трансформацией объектов в пространстве; третий уровень занимают низкочастотные проксеммы, характеризующие направление движения, проксеммы, определяющие размеры объектов.

Перспективы исследования видятся в возможности экстраполяции авторской классификации хронем и установления их частотности в другом публицистическом материале с целью построения проксеммической сравнительно-сопоставительной модели.

Список источников

1. Аймагамбетова М. М., Жакупова Г. Т. Информативно-коммуникативная природа культурного кода в медиадискурсе (на примере казахстанской прессы) // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Сер. «Филология». — 2020. — № 4 (133). — С. 55–69.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2022. — 288 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : Наука, 1981. — 138 с.
4. Даниленко И. А. Выявление концептов-доминант в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. — 2022. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-kontseptov-dominant-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 04.05.2023).
5. Егорин А. Ворота Востока // Вокруг света. — 2006. — URL : <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/696/> (дата обращения: 20.04.2023).
6. Карасик В. И. Языковая матрица культуры : моногр. — М. : Гнозис, 2013. — 320 с.
7. Котюрова М. П., Баженова Е. А. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 64. — С. 63–75.
8. Ло Ш. Вербализация проксем в художественной прозе К. Д. Воробьева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 107. — С. 231–242.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М. : Искусство, 1970. — 387 с.
10. Огнева Е. А. Когнитивно-дискурсивное пространство текста при переводе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2012. — № 1. — С. 88–95.
11. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. — М. : Эдитус, 2019. — 186 с.
12. Огнева Е. А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. — 2021. — № 2 (78). — С. 54–58.
13. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие. — М. : Кнорус, 2014. — 256 с.
14. Сергеев А. Проксемика как средство обоснования архитектурных решений // Архитектурные идеи. — 2020. — URL : <https://architecturalidea.com/architecture-history/proksemika-kak-sredstvo-obosnovaniija-arhitekturnyh/> (дата обращения: 20.04.2023).
15. Трофимова Н. А. Проксеммы как маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе журналистов *The New York Times* // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». — 2022. — № 2 (73). — С. 238–244.
16. Kushneruk S. L., Kurochkina M. A. Urban identity through the prism of media framing // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». — 2022. — Т. 13, № 4. — С. 1005–1019.
17. Ogneva E. A., Stepanova L. I., Chikovani T. V. Modeling of text and discourse worlds // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2022. — Т. 8, № 1. — С. 79–92.
18. Hall E. T. A System for the Notation of Proxemic Behavior // *American Anthropologist*. — 1963. — Vol. 65, № 5. — Pp. 1003–1026.
19. Talrej S. Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary // *National Geographic*. — 2019. — URL : <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/the-ultimate-weekend-itinerary> (дата обращения: 22.04.2023).

References

1. Aimagambetova M. M., Zhakupova G. T. Informatively communicative nature of the cultural code in the media discourse (on the example of the Kazakh press). *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Ser. "Filologiya"* [Bulletin of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. Ser. "Philology"]. 2020, no. 4 (133), pp. 55–69. (In Russian).
2. Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: ucheb. posobie* [Linguoculturology. Value-semantic space of language: textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2022, 288 p. (In Russian).
3. Galperin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 138 p. (In Russian).
4. Danilenko I. A. Identification of dominant concepts in a literary text. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2022. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-kontseptov-dominant-v-hudozhestvennom-tekste> (accessed 20.04.2023). (In Russian).

5. Egorin A. Gates of the East. *Vokrug sveta* [Around the world]. 2006. Available at: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/696/> (accessed 20.04.2023). (In Russian).
6. Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kul'tury: monogr.* [Language matrix of culture: monograph]. Moscow, Gnozis Publ., 2013, 320 p. (In Russian).
7. Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. Discursive Particles in the Context of the Journalist's Critical Thinking. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tambov state university. Philology]. 2020, no. 64, pp. 63–75. (In Russian).
8. Lo Sh. Verbalization of Proxemics in K. D. Vorobieva. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University]. 2015, no. 107, pp. 231–242. (In Russian).
9. Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow, Iskustvo Publ., 1970, 387 p. (In Russian).
10. Ogneva E. A. Cognitive-discursive text space in translation. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. "Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. "Russian and foreign languages and methods of their teaching"]. 2012, no. 1, pp. 88–95. (In Russian).
11. Ogneva E. A. *Kontsepty-dominanty kak informativnye konstruktivy tekstovyykh mirov* [Dominant concepts as informative constructs of text worlds]. Moscow, Editus Publ., 2019, 186 p. (In Russian).
12. Ogneva E. A. Typology of textual proxemics in the light of Romano-Germanic translation. *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanitarian research]. 2021, no. 2 (78), pp. 54–58. (In Russian).
13. Sadokhin A. P. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii: ucheb. posobie* [Introduction to the theory of intercultural communication: textbook]. Moscow, Knorus Publ., 2014, 256 p. (In Russian).
14. Sergeev A. Proxemics as a means of justifying architectural solutions. *Arkhitekturnye idei* [Architectural ideas]. 2020. Available at: <https://architecturalidea.com/architecture-history/proksemika-kak-sredstvo-obosnovaniya-arhitekturnykh/> (accessed 20.04.2023). (In Russian).
15. Trofimova N. A. Proxemics as markers of a non-verbal code in the journalistic discourse of *The New York Times* journalists. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Filologiya"* [Bulletin of the Tver State University. Ser. "Philology"]. 2022, no. 2 (73), pp. 238–244. (In Russian).
16. Kushneruk S. L., Kurochkina M. A. Urban identity through the prism of media framing. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. "Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika"* [RUDN Journal of Languages Studies. Semiotics and Semantics]. 2022, vol. 13, no. 4, pp. 1005–1019.
17. Ogneva E. A., Stepanova L. I., Chikovani T. V. Modeling of text and discourse worlds. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics]. 2022, vol. 8, no. 1, pp. 79–92.
18. Hall E. T. A System for the Notation of Proxemic Behavior. *American Anthropologist*. 1963, vol. 65, no. 5, pp. 1003–1026.
19. Talrej S. Cairo beyond the pyramids: The ultimate itinerary. *National Geographic*. 2019. Available at: <https://www.nationalgeographic.com/travel/article/the-ultimate-weekend-itinerary> (accessed 22.04.2023).

Информация об авторе

Колядин Антон Валерьевич — ассистент подготовительного отделения для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Information about the author

Koliadin, Anton — assistant of the preparatory department for foreign students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024;
принята к публикации 19.04.2024.*

*Submitted 05.03.2024;
approved after reviewing 18.04.2024;
accepted for publication 19.04.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 46–54.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):46–54.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.006

Поликодовость образовательного интернет-дискурса (на материале переписки преподавателей и студентов в социальных сетях)

Ольга Михайловна Силкина

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия
silkinaom@susu.ru

Дарья Сергеевна Гудкова

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия
gudkovads@susu.ru

Аннотация. На сегодняшний день коммуникация в образовательной среде нередко осуществляется посредством сети Интернет, однако образовательный интернет-дискурс до сих пор остается изученным не до конца. Целью данной статьи является исследование проявлений поликодовости образовательного интернет-дискурса в зависимости от статуса коммуникантов. В работе уточняется понятие поликодовости и рассматриваются ее формы. Приводятся результаты группового научно-исследовательского студенческого проекта на базе кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета). Изучаются формы поликодовости и частота их использования студентами и преподавателями в переписке в социальных сетях в рамках образовательного дискурса. Анализируется использование аудиального (голосовые сообщения) и визуального (эмодиконы, макросы, стикеры) каналов передачи данных, при этом делается вывод о значительном преобладании визуального канала вне зависимости от статуса коммуниканта. Полученные статистические данные позволяют предположить, что собеседники, имеющие одинаковые социальные роли, чаще и вариативнее обращаются к невербальным средствам в интернет-коммуникации по учебным вопросам. При общении собеседников разного статуса подход к выбору невербальных средств оказывается более обдуманым, отмечается использование графических изображений с целью проявления вежливости.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-дискурс, образовательный дискурс, поликодовость, мультимодальность, канал передачи информации, смайл, эмодикон, макрос, голосовое сообщение.

Для цитирования: Силкина О. М., Гудкова Д. С. Поликодовость образовательного интернет-дискурса (на материале переписки преподавателей и студентов в социальных сетях) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 46–54. DOI: 10.37724/RSU.2024.69.2.006.

Original article

Multimodal nature of educational Internet discourse (based on correspondence between teachers and students on social networks)

Olga M. Silkina

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
silkinaom@susu.ru

Daria S. Gudkova

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
gudkovads@susu.ru

Abstract. Nowadays communication in the educational environment is often carried out via the Internet, but an educational Internet discourse has not yet been fully studied. The purpose of this article is to study the manifestations of multimodal nature of educational Internet discourse depending on the status of the communicants. The work clarifies the concept of multimodality and examines its forms. The results of the students' research project held at the Department of Linguistics and Translation of the South Ural State University (National Research University) are presented. The forms of multimodality and the frequency of their usage both by students and teachers in their communication for educational purposes have been studied. The use of auditory (voice

messages) and visual (emoticons, macros, stickers) multimodal elements is analyzed, and a conclusion is made about the significant predominance of the visual forms regardless the communicant's status. The obtained statistics suggests that the interlocutors who have the same social roles use nonverbal means more often and more variably in the Internet communication on educational issues. When the communication takes place between the interlocutors of different statuses, the approach to the choice of non-verbal means turns out to be more deliberate and the usage of graphic images is noted mainly for the purpose of showing politeness.

Keywords: Internet communication, Internet discourse, educational discourse, polycode, multi-modality, information transmission channel, smiley, emoticon, macro, voice message.

For citation: Silkina O. M., Gudkova D. S. Multimodal nature of educational Internet discourse (based on correspondence between teachers and students on social networks). *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 46–54. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.006.

Введение

Цифровизация современного общества и жизни людей привела к переходу коммуникации в цифровое пространство. Сегодня коммуникация в интернет-среде осуществляется как на бытовые, так и на деловые темы. Большая часть делового общения реализуется посредством сети Интернет, будь то переписка деловых партнеров, общение клиента с исполнителем или преподавателя и студента в образовательной среде. В связи с широким распространением интернет-дискурса в различных сферах он становится одним из наиболее популярных объектов исследования современной лингвистики.

Под интернет-коммуникацией, вслед за Е. И. Горошко, мы понимаем «особую коммуникативно-информационную среду или коммуникативное пространство, опосредованное электронным коммуникативным каналом» [Горошко, 2009, с. 4]. При этом стоит отметить, что термин «интернет-коммуникация» применяется в большинстве исследований при изучении особенностей интернета как канала передачи данных, в то время как при описании процессуальной стороны такого типа общения используется термин «интернет-дискурс» (см.: [Силкина, Гудкова, 2023]). Под интернет-дискурсом мы будем понимать обмен информацией и общение между участниками коммуникации посредством компьютера и других средств связи (см.: [Лутовинова, 2009]). На наш взгляд, оба эти термина являются наиболее универсальными и могут быть применены при изучении особенностей общения людей в сети Интернет. Следует отметить, что параллельно с терминами «интернет-коммуникация» и «интернет-дискурс» применяется еще термин «компьютерно-опосредованная коммуникация» (КОК). Данный термин используется тогда, когда требуется подчеркнуть «влияние канала передачи информации и роль медийной среды в составе речевой деятельности» [Горошко, 2009, с. 4].

Среда общения обуславливает и ряд особенностей такого дискурса. Особенности интернет-дискурса могут быть связаны с поведением коммуникантов (анонимность, атипичность поведения, отсутствие эмоционального компонента, добровольность (см.: [Виноградова, 2004])), с самим процессом коммуникации (диалогичность, совмещение категорий читатель — автор, отсутствие ограничений времени и пространства (см.: [Асмус, 2005])), с языковыми особенностями такого вида коммуникации ((см.: [Масликова, 2019])). С точки зрения социолингвистики Е. Н. Галичкина выделяет ряд конститутивных признаков интернет-дискурса: бимодальность (существование двух форматов взаимодействия — актуального и сетевого), презентационность (самопрезентация сети Интернет), поликодовость (возможность обмениваться, помимо письменных текстов, и другими кодами, такими как изображения, видео, речь), лингвокреативность (создание вербальных новообразований и нетривиальных текстов) (см.: [Галичкина, 2021]).

В поле зрения исследователей попадают различные аспекты интернет-дискурса: структура, формы, признаки, участники и мн. др. Одной из характеристик общения в интернет-среде, представляющей особый интерес ученых, является поликодовость. Несмотря на большое количество работ, эта особенность все еще остается изученной не до конца, вызывая массу вопросов и противоречий. Именно поэтому поликодовость стала объектом исследования в данной статье.

Основная часть

Литературный обзор

Наряду с термином «поликодовость» по отношению к тексту используют термины «видеовербальный» (О. В. Пойманова), «лингвовизуальный» (Л. М. Большинова), «креолизованный» (Ю. А. Сорокин). В зарубежной литературе широкое распространение получил термин «мультимодальный текст» (Е. В. Сидорова). Под лингвовизуальным и креолизованным текстами часто понимается использование в тестах изображений, схем и рисунков, тогда как понятие мультимодального теста сконцентрировано

больше на каналах воздействия на реципиента, таких как слух и зрение. Мы, вслед за Е. Н. Галичкиной, будем придерживаться термина «поликодовый», так как он является наиболее автономным и не сужает понятие лишь к использованию в письменной речи изображений. Так, поликодовость — это «сочетание нескольких семиотических кодов передачи информации в сети Интернет; взаимодействие визуального и аудиального канала, возможность обмениваться письменными текстами, изображениями, видео, речью» [Галичкина, 2021].

В современной лингвистике явление поликодовости рассматривается в работах Е. Е. Анисимовой, Д. С. Мичурина, А. Г. Сониной, Е. А. Нежура. Особый интерес для изучения представляют формы реализации поликодовости. К невербальным элементам поликодовости чаще всего относят наличие различных схем, гиперссылок, аудио- и видеофайлов, а также изображений. Как правило, наиболее распространенными являются визуальные элементы поликодовости: аски-арт (буквопись), эмодзи (смайлы), макросы, демотиваторы, веб-комиксы и инфографика (см.: [Мичурин, 2014]). Под *аски-артом* понимают использование рисунков, созданных из букв, цифр и знаков пунктуации (напр.: розочка — ()}--; ангелочек — O:-)). *Эмодзи (смайлы)* получили название от сочетания слов «эмоция» и «икона» (emotion + icon) и представляют собой маленькое изображение лица, выражающее определенную эмоцию. Первоначально для выражения эмоции использовались только графические символы (двоеточие и скобки), сейчас встречаются изображения и людей, и животных, и различных предметов. Для пользователей социальной сети «ВКонтакте» доступны так называемые наборы *стикеров*, объединенных определенной тематикой (см.: [Силкина, Гудкова, 2022]). *Макрос* — стереотипная комбинация вербального текста и изображения, при этом задает специфическую эмоцию, известную реципиенту. Последнее время у пользователей интернета появилась возможность создавать макросы самостоятельно, дополняя изображение своей надписью. К наиболее частотным макросам относятся филосораптор, жаба-холостяк, не разбирающаяся в технике утка, голубь-религиовед и т. п. *Демотиватор* представляет собой плакат с изображением чаще всего на черном фоне и саркастический комментарий-слоган. *Веб-комикс* состоит уже из двух-четырех кадров, расположенных последовательно; на кадрах обязательно присутствуют изображение и текст, которые сменяют друг друга и складываются в определенный сюжет. Под *инфографикой* понимают передачу информации через изображение, при этом существенное отличие от иллюстрации заключается в том, что инфографика выступает самостоятельным средством передачи информации и не требует пояснений (см.: [Мичурин, 2014]).

Методы и результаты исследования

В данной статье исследуется поликодовость интернет-дискурса образовательной сферы. Целью статьи является изучение проявлений поликодовости образовательного интернет-дискурса в зависимости от статуса коммуникантов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: уточнение понятия поликодовости; классификация форм реализации поликодовости в рамках интернет-дискурса; анализ корпуса диалогов между участниками образовательного процесса; сравнительный анализ использования форм поликодовости в зависимости от статуса коммуникантов.

Изучение особенностей интернет-дискурса образовательной сферы на кафедре лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национально-исследовательского университета) происходило в рамках группового научно-исследовательского студенческого проекта. В процессе работы над проектом было собрано два корпуса диалогов на материале переписки в социальной сети «ВКонтакте»: корпус диалогов «преподаватель — студент» и корпус «студент — студент». Оба корпуса включают в себя по 100 диалогов, разбитых на реплики. Корпус «преподаватель — студент» насчитывает 452 реплики, корпус «студент — студент» — 585 реплик. Диалоги были собраны методом сплошной выборки. Основным критерием отбора диалогов являлась общая тема — «учебные вопросы». Участниками диалогов были студенты 1–4-го курсов и преподаватели кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета. Таким образом, тема, ситуация и цель общения, статусные роли участников коммуникации, а также то, что диалоги были организованы в рамках определенного социального института (учебного заведения), позволяет классифицировать их как образовательный дискурс. Было принято решение о раздельном изучении диалогов между студентами и преподавателями, а также между студентами друг с другом, поскольку цель исследования заключалась в выявлении зависимости проявлений поликодовости от статусной роли собеседников.

На рисунках 1 и 2 приведены фрагменты корпусов диалогов «преподаватель — студент» и «студент — студент».

№	В	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	R	S	T	U	V	W	
																						тип текста/ цель
1	диалог (по репликам)	дата	время	ПИС (предполагаемый студент)	характеристики студента	пол	курс	приветств. не (да/нет) в (да/нет)	обращени	тем	тип текста/ цель	повесть побужд. опис. ование эмб. нив	изве. ценн. е	вопрос. спор. сба	прос. формулы (комментарий)	эллиптические конструкции (комментарий)	графические символы (комментарий)	профессионал. иза (комментарий)				
2	Здравствуйте, можете ли вы открыть тест по 4 юниты ещё раз, просто я и Ксюша не успели выполнить его.			С	Чирсов Илья	М	2	да	нет	учебные вопросы		☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒				
3	Здравствуйте, Илья. К сожалению, на этой неделе тест пишет 233 группа. Могу открыть, но позже, 1 когда они напишут.			П				да	да		☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒					
4	1 Хорошо, спасибо			С								☒	☒	☒	☒	☒	☒					
5	Напомните мне, пожалуйста, на следующей неделе в среду.			П								☒	☒	☒	☒	☒	☒					
6	1 Хорошо			С								☒	☒	☒	☒	☒	☒					
7	Ирина Вячеславовна, здравствуйте. вы завтра во сколько и где будете в университете? У нас просто с вами пара в 11:30, в это время будет защита НИР, вдруг мы не успеем до 13:00 закончить. Хочу сдать усную часть по 6 юниту.	20.12.22	13:21	С	Батраева Елизавета	Ж	3	да	да	Учебные вопросы	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒				
8	Здравствуйте! 13.35 ауд.459 и 15.20 ауд.349. Раз у вас НИР я, в 2. 11.30 не приду			П				да	нет		☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒					
9	2 Спасибо!			С								☒	☒	☒	☒	☒	☒					
10	Здравствуйте, у нашей группы будет консультация и экзамен по вашему предмету 30 июня, 1 июля. К сожалению, меня не будет в городе в эти даты. Могу ли я подойти к вам 27 или 28 июля, чтобы выставить оценку в зачетку? Если это возможно, 3 то в какой аудитории вы будете?	26.06.23	19:15	С	Батраева Елизавета	Ж	3	да	нет		☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒				
11	С уважением,			С								☒	☒	☒	☒	☒	☒					
12	Батраева Елизавета, студентка группы ЛМ-333.			С								☒	☒	☒	☒	☒	☒					
13	Здравствуйте. Можете передать зачетку кому-нибудь из 3 группы, и я проставлю.			С								☒	☒	☒	☒	☒	☒					
14	Здравствуйте. Вы не знаете, могу ли я заказать справку об обучении дистанционно, а потом забрать её очно?			П				да	нет		☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒					
15	Здравствуйте! Не знаю, но надо попробовать. В рабочее время позвоните в учебный отдел	21.01.2023	19:01	С	Легаев Константин Владиславович	М	3	да	нет	Учебные вопросы	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒				
16	Хорошо, спасибо.			П				да	нет			☒	☒	☒	☒	☒	☒					
17	Ирина Вячеславовна, здравствуйте! У вас сегодня консультация в 9:45 жг?			С				нет	нет			☒	☒	☒	☒	☒	☒					
18	Здравствуйте! К сожалению, нет, все поменялось. Буду завтра в 9:45 аудитории 478а	07.06.2023	9:52	С	Ким Денис	М	3	да	да	Учебные вопросы	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒				
19				П				да	нет			☒	☒	☒	☒	☒	☒	☒				

Рис. 1. Фрагменты корпусов диалогов «преподаватель — студент»

Корпус диалогов "Студент-Студент"										Настройки Доступа										
Файл Правка Вид Вставка Формат Данные Инструменты Расширения Справка																				
100% 100% р. % .0 123 По ум... + В Z ⏏ A										Pv										
A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	U
№	Диалог (по репликам)	Дата	время	характеристики студента		курс	приветствие (данет)	обращение (данет)	тема	тип текста/ цель повествования			объяснение	вопрос	спор	просьба	формулы вежливости (комментарий)	эллиптические конструкции (комментарий)	графические символы (комментарий)	U
				ФИО	пол					год	знание	описание								
3	Привет! Подскажи, пожалуйста, что шефер и Снегарева 1 задали "смайл".	28.10.23		Семенова Дана	ж	4	да	нет	Домашнее задание	☐	☐	☐	☐	☒	☐	☐	пожалуйста		смайл в конце предложения	
4	Привет, по Шефер только топонины до 121			Беграева Екатерина	ж	4	да	нет		☒	☐	☒	☐	☐	☐	☐				
5	По Снегаревой упражнения стр.50-51						нет	нет		☒	☐	☒	☐	☐	☐	☐				
6	1 Спасибо большое!						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐	спасибо		смайл в конце предложения	стикер
7	1 "стикер"						нет	нет	Навигация на сайте университета	☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
8	2 Аня		04.06.23	Беграева Екатерина	ж	3	нет	да		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
9	2 привет						да	нет		☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
10	2 как найти						нет	нет		☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
11	2 лип онлайн						нет	нет		☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
12	2 Привет			Анна Чалых	ж	3	да	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
13	2 Ща						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
14	2 Бон он						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
15	2 аааа						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
16	2 виху						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
17	2 спасибо						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				
18	2 "стикер"						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				стикер
19	2 "стикер"						нет	нет		☒	☐	☐	☐	☐	☐	☐				стикер

Рис. 2. Фрагменты корпусов диалогов «студент — студент»

В соответствии с общей темой проекта «Изучение особенностей интернет-дискурса образовательной сферы» диалоги были проанализированы по ряду параметров. Изучение поликодовости являлось лишь одним из аспектов основной темы и охватывало только некоторые параметры, а именно: статус коммуниканта в образовательном процессе (студент/преподаватель) и использование аудиальных и визуальных элементов в коммуникации. Статус коммуникантов, на наш взгляд, может влиять на степень проявления поликодовости и ее формы в переписке преподавателя и студента. Что касается форм поликодовости, то голосовые сообщения и графические изображения оказались наиболее распространенными в переписке преподавателя и студента, поэтому и стали объектом нашего исследования.

При выполнении практического исследования применялись методы дискурса-анализа и количественных подсчетов.

Как показал анализ переписки, аудиосообщения не слишком часто используются при обсуждении учебных вопросов как студентами, так и преподавателями. В корпусе диалогов «преподаватель — студент» голосовые сообщения встретились всего лишь 4 раза в трех диалогах (3 %), причем их авторами всегда являлись студенты. В корпусе «студент — студент» подобные сообщения встречались чаще: 19 аудиосообщений в 12 диалогах (12 %). В обоих корпусах процент реплик, содержащих аудиосообщения, очень мал: 0,88 % в корпусе «преподаватель — студент», 3,25 % в корпусе «студент — студент». Предположительно, к голосовым сообщениям прибегают реже при более формальном стиле общения. В социальных сетях официальная коммуникация считается более приемлемой в письменном виде, так как прослушивание аудиосообщений может быть не всегда удобно для собеседника. По этой причине при разговоре с преподавателем студенты крайне редко прибегают к записи своей речи. В то же время при общении студентов между собой, когда статусные роли коммуникантов равны, аудиосообщения встречаются чаще. Кроме того, более молодой возраст собеседников и свободное владение техническими средствами, вероятно, способны определять предпочтение аудиального канала передачи информации. Впрочем, данное суждение требует дополнительных исследований.

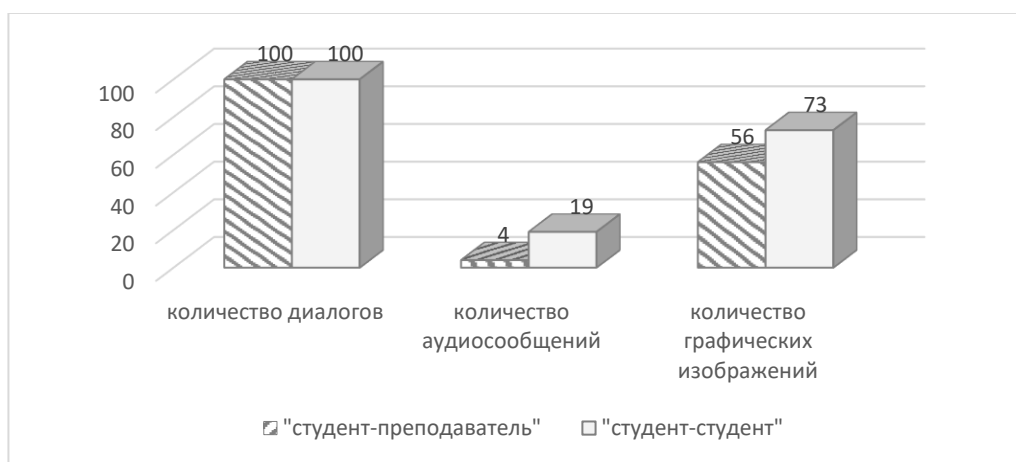
Другой характеристикой поликодового дискурса является выбор в пользу визуальных невербальных элементов в общении. Когда речь идет об интернет-дискурсе, имеются в виду, как было упомянуто выше, эмодзи, макросы, стикеры, демотиваторы и другие графические изображения. Оба корпуса диалогов были проанализированы с точки зрения обращения к визуальным средствам передачи информации. Наиболее часто встречающимися элементами оказались эмодзи, макросы и стикеры. Прежде всего отметим, что, согласно нашим наблюдениям, их применение в общении уже нельзя считать чем-то неуважительным или грубым даже в отношении коммуникантов различного статуса и возраста, чему способствует активное распространение визуальных невербальных элементов в жизни людей. Это мнение подтверждается результатами опроса, проведенного ранее среди преподавателей и студентов кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (см.: [Силкина, Гудкова, 2023]).

В результате анализа корпуса диалогов «преподаватель — студент» было выявлено, что визуальные невербальные средства применялись 56 раз в 27 диалогах (27 %). 30 раз графические изображения были использованы преподавателями, 26 раз — студентами. При общении студентов друг с другом эмодзи, макросы и стикеры встречались чаще: 73 раза в 53 коммуникативных ситуациях (53 %). Однако при анализе по репликам выяснилось, что в обоих корпусах процент реплик с графическими символами примерно одинаков: 12,4 % в корпусе «преподаватель — студент» и 12,5 % в корпусе «студент — студент». Таким образом, нам удалось выяснить, что в коммуникации преподавателей со студентами визуальные невербальные средства используются собеседниками одинаково часто вне зависимости от статусной роли. При этом если преподаватель применяет эмодзи, макросы или стикеры, то студенты, как правило, отвечают на реплику аналогичным образом. В общении друг с другом студенты чувствуют себя свободнее в отношении использования графических символов, однако реже отвечают «смайлами на смайл». Можно предположить, что в некоторых случаях в диалогах с преподавателями студенты используют невербальные визуальные средства для демонстрации вежливости и уважения. Применение графических символов в интернет-коммуникации для выражения вежливости подтверждается результатами исследования, ранее выполненного авторами статьи (см.: [Силкина, Гудкова, 2022]). Результаты проведенного анализа обобщены в таблице.

Соотношение использования аудиального и визуального каналов передачи информации в образовательном интернет-дискурсе на материале переписки преподавателей и студентов отображено на рисунке 3.

Аудиальный и визуальный каналы передачи информации
в образовательном интернет-дискурсе

Название корпуса диалогов	Кол-во диалогов	Кол-во реплик	Кол-во аудиосообщений	Диалоги с аудиосообщениями (%)	Реплики с аудиосообщениями (%)	Кол-во графических изображений	Диалоги с графическими изображениями (%)	Реплики с графическими изображениями (%)
Преподаватель — студент	100	452	4	3	0,88	56	27	12,40
Студент — студент	100	585	19	12	3,25	73	53	12,50

Рис. 3. Количественное соотношение аудиосообщений
и графических изображений в образовательном интернет-дискурсе

Заключение

Поликодовость — одна из характеристик образовательного интернет-дискурса, которая проявляется в использовании коммуникантами не только письменного текста, но и аудиального и визуального каналов передачи информации. Аудиосообщения остаются непопулярными в рамках официального общения, особенно когда собеседники имеют разные статусы (преподаватель и студент). В то же время визуальный канал связи на сегодняшний день довольно широко используется даже в образовательном дискурсе. Эмотиконы, макросы и стикеры применяются в интернет-переписке как студентами, так и преподавателями. Однако студенты в ситуациях общения с собеседником, имеющим другую социальную роль, обращаются к графическим средствам более обдуманно и аккуратно, чем в коммуникации друг с другом, в том числе стремясь проявить вежливость по отношению к преподавателю.

Список источников

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Челябинск, 2005. — 25 с.
2. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. — Казань, 2004. — С. 63–67.
3. Галичкина Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 7 (160). — С. 94–101. — URL : <https://e.lanbook.com/journal/issue/341213> (дата обращения: 21.04.2024).

4. Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи*. — 2009. — Вып. 6 : Жанр и язык. — С. 111–127.
5. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2009. — 39 с.
6. Масликова О. С. Языковые особенности общения в интернет-пространстве // *Инновационная наука*. — 2019. — № 9. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-obscheniya-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 17.04.2022).
7. Мичурин Д. С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Тверь, 2014. — 162 с.
8. Силкина О. М., Гудкова Д. С. Использование смайлов, эмодзи и эмодзи в официальном общении (на материале интернет-переписки преподавателя и студента) // *Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации* : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2022. — С. 14–21.
9. Силкина О. М., Гудкова Д. С. Смайллы, эмодзи и эмодзи как средство коммуникации (на материале интернет-переписки преподавателя и студента) // *Когнитивные исследования языка*. — 2023. — № 4 (55). — С. 339–342.

References

1. Asmus N. G. *Lingvisticheskie osobennosti virtualnogo kommunikativnogo prostranstva* [Linguistic features of virtual communicative space]. Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences: 10.02.19. Chelyabinsk, 2005, 25 p. (In Russian).
2. Vinogradova T. Yu. Specifics of communication on the Internet. *Russkaya i sopostavitelnaya filologiya: Lingvokulturologicheskij aspekt* [Russian and comparative philology: Linguistic and cultural aspect]. Kazan, 2004, pp. 63–67. (In Russian).
3. Galichkina E. N. Internet discourse: main directions of study and development trends. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University]. 2021, no. 7 (160), pp. 94–101. Available at: <https://e.lanbook.com/journal/issue/341213> (accessed 21.04.2024). (In Russian).
4. Goroshko E. I. Internet genre and the functioning of language on the Internet: an attempt at reflection. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. 2009, no. 6: Genre and language, pp. 111–127. (In Russian).
5. Lutovinova O. V. *Lingvokulturologicheskie harakteristiki virtualnogo diskursa* [Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse]. Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences: 10.02.19. Volgograd, 2009, 39 p. (In Russian).
6. Maslikova O. S. Language features of communication in the Internet space. *Innovacionnaya nauka* [Innovative science]. 2019, vol. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-obscheniya-v-internet-prostranstve> (accessed 17.04.2022). (In Russian).
7. Michurin D. S. *Precedentnyj polikodovyyj tekst v verbalno-izobrazitelnoj kommunikacii internet-soobshestv (na materiale russkojazychnyh imidzh-forumov)* [Precedent multimodal text in verbal-visual communication of Internet communities (based on Russian-language image forums)]. Tver, 2014, 162 p. (In Russian).
8. Silkina O. M., Gudkova D. S. Use of smileys, emoticons and emoji in official communication (based on Internet correspondence between a teacher and a student). *Ekologiya yazyka: yuzhnorossijskij opyt mezhkulturnoj kommunikacii: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf.* [Papers of the All-Russian scientific and practical conference “Ecology of language: South Russian experience of intercultural communication”]. Krasnodar, 2022, pp. 14–21. (In Russian).
9. Silkina O. M., Gudkova D. S. Smileys, emoticons and emoji as a means of communication (based on the Internet correspondence between a teacher and a student). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies]. 2023, no. 4 (55), pp. 339–342. (In Russian).

Информация об авторах

Силкина Ольга Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Гудкова Дарья Сергеевна — старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Information about the authors

Silkina, Olga — candidate of philology, associate professor of the Linguistics and Translation Department, South Ural State University (National Research University).

Gudkova, Daria — senior lecturer of the Linguistics and Translation Department, South Ural State University (National Research University).

*Статья поступила в редакцию 03.05.2024;
одобрена после рецензирования 12.05.2024;
принята к публикации 15.05.2024.*

*Submitted 03.05.2024;
approved after reviewing 12.05.2024;
accepted for publication 15.05.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 54–62.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):54–62.

Научная статья
УДК 81.22
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.007

**Функционирование демонстративной тональности
в медицинском дискурсе**

Ирина Александровна Тисленкова

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
tislenkova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям коммуникативной демонстративности в медицинском дискурсе. Цель статьи состоит в выявлении и описании разновидностей, функций и способов выражения коммуникативной демонстративности в речи врача и пациента. Методы исследования включают междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. В результате анализа устанавливается, что в устном медицинском дискурсе представлены явная нарративная и манипулятивная положительная и отрицательная разновидности демонстративной тональности. Письменные жанры являются регламентированными и не содержат личностных проявлений коммуникантов. Отмечается, что в высказываниях пациента демонстративная тональность объективирует его психотип, индивидуальные особенности, уровень адаптации к имеющемуся заболеванию, телесные переживания того или иного соматического или психического заболевания. Отрицательная нарративная демонстративность актуализируется просодическими демонстративами, конструкциями эмоционального синтаксиса, гиперболическими эпитетами, отрицательными ассертивами (обвинениями и угрозами), отрицательными декларативами, тревожными демонстративными действиями, агрессивными демонстративными действиями, лексическим повтором, гиперболой и лексическими единицами с негативной коннотацией. Определяется, что положительная нарративная коммуникативная демонстративность реализуется положительными констативами и гиперболической метафорой. Манипулятивная коммуникативная демонстративность выражена парадоксальными демонстративными действиями, частотным употреблением местоимения «я», чередованием положительных и отрицательных эпитетов, гиперболическим сравнением. В высказываниях врача демонстративная тональность используется с целью подтверждения его профессионализма, опыта, утверждения авторитета, поддержания иерархии взаимоотношений, установления доверительных отношений с больным, положительной эмоциональной связи и оказания воздействия. Положительные разновидности коммуникативной демонстративности выражаются кинесическими демонстративами, положительными гиперболическими эпитетами, антитезой и положительными ассертивами.

Ключевые слова: медицинский дискурс, коммуникативная демонстративность, коммуникативный демонстратив, языковая личность.

Для цитирования: Тисленкова И. А. Функционирование демонстративной тональности в медицинском дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 54–62. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.007.

Original article

The functioning of demonstrative tonality in medical discourse

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
tislenkova@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of communicative demonstrativeness in medical discourse. The purpose of the article is to identify and describe the varieties, functions and ways of expressing communicative demonstrativeness in the speech of a doctor and a patient. The research methods include the interdisciplinary approach and the method of psycholinguistic analysis of the communicants' speech output. As a result of the analysis, it is established that the oral medical discourse presents explicit narrative and manipulative positive and negative varieties of demonstrative tonality. Written genres are regulated and do not contain personal manifestations of communicants. It is noted that in the statements of the patient, demonstrative tonality objectifies his psychotype, individual characteristics, the level of adaptation to the existing disease, bodily experiences of a particular somatic or mental illness. Negative narrative demonstrativeness is actualized by prosodic demonstratives, constructions of emotional syntax, hyperbolic epithets, negative assertives-accusations and threats, negative declaratives, disturbing demonstrative actions, aggressive demonstrative actions, reiteration, hyperbole and lexical units with negative connotation. It is determined that the positive narrative communicative demonstrativeness is realized by positive constatives and hyperbolic metaphor. Manipulative communicative demonstrativeness is expressed by paradoxical demonstrative actions, frequent use of the pronoun "I", alternation of positive and negative epithets, hyperbolic comparison. In the doctor's statements, demonstrative tonality is used to confirm his professionalism, experience, assert authority, maintain a hierarchy of relationships, establish trusting relationships with the patient, positive emotional connection and influence. Positive varieties of communicative demonstrativeness are expressed by kinesic demonstratives, positive hyperbolic epithets, antithesis and positive assertives.

Keywords: medical discourse, communicative demonstrativeness, communicative demonstrative, linguistic personality.

For citation: Tislenkova I. A. The functioning of demonstrative tonality in medical discourse. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 54–62. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.007.

Введение

Медицинская профессия является коммуникативной формой деятельности. В своей работе врачу необходимо подбирать правильные слова и преподносить их больному таким образом, чтобы он почувствовал в себе силы стремиться к выздоровлению, следуя авторитетным рекомендациям специалиста. Пациент, в свою очередь, получает помощь от врача после того, как представит все факты и обстоятельства своего заболевания посредством коммуникативной демонстративности.

Демонстративная тональность оказывает значительное влияние на эмоциональное состояние пациента и его готовность к лечению. Когда врач выражает свою заинтересованность, эмпатию и понимание, это создает благоприятную атмосферу для лечения. Пациент начинает чувствовать, что его проблема действительно важна для врача. Это способствует развитию доверительных отношений между пациентом и врачом, эффективной работе в коллективе и обмену опытом.

Научная новизна исследования определяется неизученностью феномена коммуникативной демонстративности и средств ее реализации в медицинском дискурсе. Цель статьи — выявить и описать основные разновидности, функции и способы выражения коммуникативной демонстративности в речи врача и пациента.

В процессе работы используется междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. Материалом статьи служат высказывания пациентов и врачей из интервью видеоархивов Сеченовского университета 2016–2018 годов, Symptom Media 2020 года, произведений М. Булгакова, Ю. Крелина, личной картотеки записей устной речи 2023 года автора статьи, художественного фильма по произведению А. Чехова, видеороликов социальной сети Rutube и видео сервиса «Яндекс.Видео» 2016 и 2023 годов, содержащие коммуникативную демонстративность.

Основная часть

Демонстративная коммуникативная тональность

Основываясь на определениях коммуникативной категории, представленных в научной литературе, демонстративность дефинируется как структурно-образующая коммуникативная категория

спектрального типа — тональность, определяющая процесс речевой интеракции и реализующая функции самопрезентации и воздействия на эмоции и чувства адресата.

Человек предъявляет свои специфические личностные черты через знаково-символические механизмы коммуникативной демонстративности, единицей которой выступает демонстратив — декларативно-репрезентативная единица коммуникативного акта демонстративной тональности, выражаемая средствами семиотической полимодальности, отражающая индивидуальность продуцента и используемая для управления впечатлением о себе (см.: [Тисленкова, 2023]).

Коммуникативными демонстративами служат изображения, звуки, цвета, действия, явления, предметы, понятия, слова, тексты, обладающие символическим значением и использующиеся человеком для активного самопродвижения в отношениях с другими людьми, подчеркивания своего социального положения, акцентирования приверженности определенному мировоззрению или идеологии (см.: [Бабенко, Казарин, Кусова, 2017]).

Лингвопрагматические особенности медицинского дискурса

Исследователи рассматривают медицинский дискурс как институциональный дискурс, основанный на статусном неравенстве между врачом и пациентом, протекающий в определенных пространственных и временных условиях общения, нацеленный на защиту и улучшение здоровья и актуализируемый акцентированной демонстративной тональностью речи (см.: [Кулинич, 2022]).

Особенности данного дискурса включают: характерную цель общения (оказание квалифицированной медицинской помощи больному, состоящей в диагностике заболевания, назначении и проведении лечения и рекомендаций); обстановку общения (прием врача-специалиста, обход, консультация); место общения (поликлиника, больница, кабинет врача, карета скорой помощи); специфическую символику (медицинская форма, инструментарий, печать врача или лечебного учреждения, документация) и статусно-ролевые функции участников коммуникации.

Медицинский дискурс обладает полидискурсивными чертами в связи с тем, что он интегрирует в себе помимо ведущего врачебного дискурса и свойства фармацевтического, научного, академического, косметологического, юридического, рекламного, медиа- и коммерческого дискурсов (см.: [Косицкая, Матюхина, 2018, с. 43]).

Медицинский дискурс существует в письменной и устной разновидностях. Письменно-речевые жанры насчитывают около 300 видов, в которых присутствует последовательное раскрытие темы, четко ограниченный набор языковых шаблонов и средств, фиксированное графическое расположение на листе, логичность, обоснованность и отсутствие личностных проявлений коммуникантов (рецепт, протокол медицинской экспертизы, эпикриз, карта анамнеза и др.). Устные жанры подразумевают коммуникацию врача и пациента, лекции для студентов, официальное и неофициальное общение с коллегами-врачами и младшим медицинским персоналом, интеракцию с родственниками больных в форме монолога и диалога, выполняющего контактоустанавливающую, воздействующую и формирующую функции (см.: [Шарапа, Гладышева, Людчик, 2021, с. 397]). Устные жанры содержат разные виды коммуникативной демонстративности, так как не являются жестко регламентированными и реализуют определенные коммуникативные намерения интерактантов (см.: [Зайцева, 2023, с. 156]).

Одним из самых важных в медицинском дискурсе является речевой жанр анамнеза, отражающий данные о причинах и условиях появления болезни до разговора с врачом, жалобы, особенности функционирования пораженных органов и информацию о первичном лечении (см.: [Стеблецова, Поселюгина, Коричкина, 2021]).

Исходя из цели врачебной деятельности, ведущими стратегиями медицинского дискурса выступают диагностирующая, суггестивная (с речевыми тактиками поощрения, преувеличения, обращения к опыту врача), персуазивная (с тактиками экспликации и инструктажа), регулирующая (с тактиками утешения, поддержки и похвалы), самопрезентации (с тактиками самоподачи и инициативы), рекомендательная и лечащая (см.: [Каменова, Морозова, 2023]).

В устном речевом взаимодействии врача и пациента функционируют такие формы дискурса, как дескриптив, нарратив, императив и соответствующие им виды демонстративности — дескриптивный, нарративный и директивный. Во время взаимодействия с пациентом врач придерживается таких коммуникативных паттернов, как информационный (пациент получает объективное мнение врача), объяснительный (врач убеждает пациента), консультативный (выражение взаимного согласия) и патерналистский (врач контролирует пациента) (см.: [Шуравина, 2013]).

Демонстративная тональность в медицинском дискурсе

Коммуникативная демонстративность (или демонстративная тональность) в области взаимодействия врача с больным обладает следующими особенностями: 1) направлена на оказание врачебной помощи в ситуации медицинского обслуживания пациентов, 2) имеет нарративную и манипулятивную разновидности, 3) выражается в символической (см.: [Кысмурадова, Ниедбайтеги, 2014]).

Предметом рассмотрения в данном исследовании выступает коммуникативная демонстративность речи врача в процессе выполнения профессиональной деятельности и речи пациента в коммуникативных ситуациях амбулаторного приема в поликлинике, получения консультативной помощи, медицинского осмотра, клинического осмотра в условиях стационара, сбора анамнестических данных во время беседы со специалистом, врачебного консилиума.

В устном медицинском дискурсе функционируют акцентированные нарративная и манипулятивная положительная и отрицательная разновидности демонстративной тональности.

От цели диалогического взаимодействия зависит тип демонстративной тональности речевого жанра, формирующий диалог и ее единицы-демонстративы: констатив — определение диагноза, квеситив — медицинский распрос, реквестив — просьба и инъюнктив — рекомендация.

1. Коммуникативная демонстративность на этапе диагностики заболевания

Посредством демонстративной тональности пациенты проявляют свой психотип, обозначают свое отношение к заболеванию и степень социальной адаптации, что позволяет врачу выбрать подход к их лечению.

Коммуникативная самоподача средствами демонстративной тональности пациента во время беседы с врачом свидетельствует о его принадлежности к адаптивному типу (реалистичный, эргопатический, анозогнозический) или дезадаптивному типу (сенситивный, истероидный, тревожный, дисфорический, неврастенический, апатический, ипохондрический, меланхолический, паранояльный), которые могут быть представлены в виде фреймов (см.: [Чернов, 2014]). Например:

(1) ВРАЧ. Что вас беспокоит?

ПАЦИЕНТ. У меня болит ухо! <...>

ВРАЧ. После чего?

ПАЦИЕНТ. Просто у меня болит ухо. Понимаете?

ВРАЧ. Давайте я посмотрю.

ПАЦИЕНТ (*вскакивает со стула, кричит*). Не трогайте меня! Знаю я ваши процедуры! (*Швыряет стул на пол*.) От них еще хуже! Это вы во всем виноваты! Вы! Это из-за вас я заболел!

ВРАЧ. Давайте мы успокоимся.

ПАЦИЕНТ. Вы вообще кто?!!

ВРАЧ. Я — заведующая отделением.

ПАЦИЕНТ (*стучит в такт словам по столу*). А мне нужен главврач!!! <...> Мне нужно особое внимание, а не вы! <...> Я вообще ухожу от вас! (здесь и далее курсив наш. — И. Т.) [12 психотипов пациентов, 2016].

В примере (1) отрицательная нарративная демонстративность образует речь дисфорического пациента и реализуется в использовании просодических демонстративов (крик), эмоционального синтаксиса (параллелизм, восклицательные предложения), гиперболических эпитетов («Мне нужно особое внимание»), отрицательных ассертивов-обвинений и угроз («Это из-за вас я заболел! Я вообще ухожу от вас!»), отрицательных декларативов («Не трогайте меня!»), агрессивных демонстративных действий («вскакивает со стула», «стучит в такт словам по столу», «швыряет стул на пол»).

(2) ПАЦИЕНТ (*шмыгает носом, напряженно дышит и раскачивается*). Доктор, я посмотрел в интернете, и знаете, у меня (*стучит пальцем в распечатанные из интернета листы, которые принес с собой*), у меня — паразиты!

ВРАЧ. Хорошо, давайте я вам назначу сейчас анализы. Пройдете общий анализ крови...

ПАЦИЕНТ (*с тревогой смотрит в лицо врачу, кусает губы, беспокойно заламывает кисти рук*). И мочу, мочу напишите, пожалуйста. И МРТ! <...> Побольше, побольше запишите. Я хочу везде обследоваться (*закрывает руками лицо*) [12 психотипов пациентов, 2016].

В примере (2) тревожный больной также употребляет отрицательный тип демонстративной тональности, выраженный тревожными демонстративными действиями, передающими состояние переживания («шмыгает носом, напряженно дышит и раскачивается», «с тревогой смотрит в лицо врачу, кусает губы, беспокойно заламывает кисти рук», «закрывает руками лицо»), демонстративным предметом («распечатанные из интернета листы, которые принес с собой») лексическим повтором как средством эмпазы («у меня, у меня — паразиты!») и гиперболой.

Демонстративность позволяет пациенту рассказать о своих опасениях и ожиданиях от визита в лечебное учреждение, а анализ предъявляемых им коммуникативных демонстративов дает возможность врачу узнать о медицинских проблемах пациента и понять его индивидуальные особенности.

Объективация телесного переживания пациента средствами коммуникативной демонстративности является маркером конкретных физических, психосоматических и психических заболеваний.

Акцентированная демонстративная тональность реализуется через нарративные жанры медицинского дискурса: рассказ-повествование, сжатый, информативный, интеракционный и фатический рассказы. По мнению В. В. Жура, нарратив в медицине дает пациенту возможность облечь в слова свои телесные ощущения (см.: [Жура, 2013, с. 73]). L.-C. Hyden пишет о том, что рассказ больного отражает патологические процессы системы органов тела в словах (см.: [Hyden, 1997, p. 48]).

Акцентированная демонстративная тональность передает врачу максимум информации о патологическом состоянии через серию иллюкутивных актов. В каждом иллюкутивном акте демонстративность входит в состав информационных единиц, соотносимых с набором симптомов того или иного диагноза (см.: [Пономаренко, 2015, с. 118]). Например, явная демонстративная тональность речи пациента в клинической психологии рассматривается как признак, частное проявление психического расстройства (см.: [Петрова, 2020]).

Стремление пребывать в центре внимания, вызывать одобрение окружающих часто определяет поведение людей и распространяется на все их высказывания. Явная манипулятивная демонстративная тональность как проявление психической патологии имеет различные варианты и степени интенсивности. В клинически ориентированных пособиях данное нарушение относят к психопатиям и акцентуациям характера, реализуемым одноименными разновидностями акцентированной демонстративной тональности (экстравертированной, неустойчивой, сенситивной, конформной, эмотивной, гипертимической, демонстративной, истероидной, дистимической, циклоидной, застревающей, аффективно-лабильной, аффективно-экзальтированной, возбудимой, эпилептоидной, интровертированной, шизоидной, педантичной, психастенической, тревожной, астено-невротической). Например:

(3) ПАЦИЕНТ. Я просто не знаю, почему он не хочет быть со мной. Что-то не так. Вот почему мне надо видеть вас.

ВРАЧ. В чем может быть проблема, по вашему мнению?

ПАЦИЕНТ. Во мне проблема!

ВРАЧ. Что не так с вами?

ПАЦИЕНТ. Я не знаю!.. *(Всхлипывает.)* Боже! Я так устала быть одна! Я искала... искала любви! Я хочу выйти замуж. А мне по-прежнему остается жевать холодную курицу на свидании, на которое никто ко мне не пришел... Я уверена, что я сексуальна! Я уверена, что я привлекательна! *(Умолляюще смотрит на врача.)* Почему жизнь такая сложная? Я как Офелия в «Гамлете» или Дева Мария. Я потеряна. Лучшее бы я родилась в 1800 году или 1400! Я вообще могла бы быть джазовой певицей. *(Весело напевает, танцует.)* Ха-ха-ха! Я бы покорила все радиостанции. Но... *(лицо становится грустным)* сейчас никто не слушает джаз (пер. наш. — И. Т.) [Histrionic Personality Disorder Role Play ... , 2020].

В примере (3) явная демонстративная тональность со всеми ее характеристиками — самопрезентацией, акцентированностью, преувеличением и эмфатичностью — оформляет речь больной истерической психопатией. Манипулятивная коммуникативная демонстративность обнаруживает себя в парадоксальных демонстративных действиях, свидетельствующих о быстрой смене аффекта: от пустой скорби до безосновательной экзальтации («всхлипывает», «весело напевает, танцует», «лицо становится грустным»), экспрессивах («Я так устала быть одна!»), лексическом повторе, синтаксическом параллелизме, я-валентности, чередовании положительных и отрицательных эпитетов («я привлекательна», «я потеряна»), гиперболе («Я бы покорила все радиостанции») и гиперболическом сравнении («Я как Офелия в “Гамлете” или Дева Мария»).

Страдая депрессией, больной сознательно и бессознательно проговаривает отвращение к жизни, негативные установки, свое безысходное страдание, заикленность на неадекватных иррациональных умозаключениях с помощью явной отрицательной демонстративной тональности, выраженной синтаксическим параллелизмом, отрицательной формой глаголов, отрицательными местоимениями, лексическими единицами с негативной коннотацией. Например:

(4) Я не хочу ни с кем разговаривать. Никого видеть. Я хочу быть одна. Не могу работать, не могу читать — все плохо. Мне трудно думать [Терапия психических заболеваний, 1971].

При шизофрении, маниакально-депрессивном психозе, параноидальных расстройствах и комплексе неполноценности коммуникант средствами явной положительной коммуникативной демонстративности транслирует в речи завышенную оценку себя, превосходство над всеми, сверхценные идеи в употреблении положительных констативов с гиперболической метафорой. Например:

(5) Я — бог, а моя родная сестра — смерть. Я бог и смерть в одном начале. Творец вселенной. Откуда жизнь зародилась. Ученые знали об этом и наблюдали за нами с момента рождения [Шизофрения. Фабула величия, 2018].

2. Коммуникативная демонстративность на этапе лечения

Положительная нарративная демонстративность используется врачом для подтверждения его профессионализма и опыта, установления авторитета и завоевания доверия пациента.

(6) – Вы — поэт?

– Поэт, — мрачно ответил Иван... <...>

– Вы — профессор?

На это Стравинский *предупредительно-вежливо наклонил голову*.

– И вы — здесь главный? — продолжал Иван.

Стравинский и на это поклонился [Булгаков].

В диалоге (6) профессор показывает свой авторитет посредством кинесических демонстративов («предупредительно-вежливо наклонил голову», «поклонился»).

Коммуникативная демонстративность может быть использована для создания положительного первого впечатления о враче, что важно для установления хороших отношений с пациентом и повышения эффективности лечения. Например:

(7) По двое суток, по трое суток ночевал в больнице. Ринопластики раньше не было в Казахстане. Я впервые открыл ее. Я самый лучший специалист, у меня самая лучшая техника [Вся правда операции Дианы Ивановой ... , 2023].

В высказывании (7) пластический хирург в процессе подготовки пациентки к 13 одномоментным операциям на лице прибегает к положительной демонстративности, выраженной положительными гиперболическими эпитетами («самый лучший специалист», «самая лучшая техника») и антитезой («раньше не было» — «я впервые открыл»). Так он убеждает больную довериться его профессиональным навыкам и опыту и согласиться на оперативное вмешательство.

(8) ПАЦИЕНТ. Нет, я боюсь принимать какие-либо гормональные препараты.

ВРАЧ. Не переживайте. Это же общераспространенная мировая практика. Все, кому я уже много лет выписывала эти таблетки, отлично себя чувствуют. И главное — они продлили свою молодость [КЗУР].

В диалоге (8) демонстративная тональность, актуализируемая положительным ассертивом, также используется с суггестивной целью для обеспечения эффективного лечения.

Взаимодействие пациента и врача включает коммуникативную демонстративность наряду со стратегической и норморегулирующей составляющими коммуникации, которые неравномерно представлены в разных ситуациях речевого поведения. В любом коммуникативном действии в рамках медицинского дискурса говорящие организуют некий спектакль, играя в нем нужную роль по правилам в соответствии с речевой ситуацией, тональностью общения, ожиданиями участников и своими целями.

(9) Это оригинально. Меня приятно поражает в вас склонность к обобщениям. А моя характеристика, которую вы изволили только что сделать — *просто блестящая*. Признаться, *беседа с вами доставляет мне громадное удовольствие* [Палата № 6, 2009].

В примере (9) положительная демонстративность, реализуемая гиперболическими эпитетами, обеспечивает эмоциональную связь с пациентом с целью расположить его к себе, когда он испытывает тревогу или недоверие.

Общение между участниками медицинского дискурса дистанцированное, но доброжелательное и открытое. Например:

(10) Яков Григорьевич уже сидел на краю кровати, *накрыв руку больного своей хоть и старой, но теплой, дружеской ладонью* [Крелин].

В примере (10) демонстративная тональность, выраженная демонстративным действием, подчеркивает эмпатию, толерантность врача или его способность слушать и слышать пациента.

Таким образом, в устном медицинском дискурсе представлены явная нарративная и манипулятивная положительная и отрицательная разновидности демонстративной тональности. Письменные жанры являются регламентированными и не содержат личностных проявлений коммуникантов.

В высказываниях пациента демонстративная тональность объективирует его психотип, индивидуальные особенности, уровень адаптации к имеющемуся заболеванию, телесные переживания того или иного соматического или психического заболевания. Отрицательная нарративная демонстративность актуализируется просодическими демонстративами, конструкциями эмоционального синтаксиса, гиперболическими эпитетами, отрицательными ассертивами (обвинениями и угрозами), отрицательными

декларативами, тревожными демонстративными действиями, агрессивными демонстративными действиями, лексическим повтором, гиперболой и лексическими единицами с негативной коннотацией. Положительная нарративная коммуникативная демонстративность реализуется положительными констативами и гиперболической метафорой. Манипулятивная коммуникативная демонстративность выражена парадоксальными демонстративными действиями, частотным употреблением местоимения «я», чередованием положительных и отрицательных эпитетов, гиперболическим сравнением.

В высказываниях врача демонстративная тональность используется с целью подтверждения его профессионализма, опыта, утверждения авторитета, поддержания иерархии взаимоотношений, установления доверительных отношений с больным, положительной эмоциональной связи и оказания воздействия. Положительные разновидности коммуникативной демонстративности выражаются кинесическими демонстративами, положительными гиперболическими эпитетами, антитезой и положительными ассертивами.

Список источников

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В., Кусова М. Л. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — М. : Азбуковник, 2017. — 1023 с.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита. — URL : <http://m-bulgakov.ru/sochineniya/master-i-margarita-okonchatelnaya-redaksiya> (дата обращения: 05.01.2024).
3. Вся правда операции Дианы Ивановой и пластической хирургии // Яндекс.Видео. — 2023. — URL : <https://yandex.ru/video/preview/4452880661098382120> (дата обращения: 05.01.2024).
4. Терапия психических заболеваний : док. фильм. — М. : Центрнауцфильм, 1971. — URL : https://vk.com/video-20507050_171630530 (дата обращения: 05.01.2024).
5. Жура В. В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // Международный журнал исследований культуры. — 2013. — № 1 (10). — С. 72–78.
6. Зайцева М. Н. Формирование коммуникативной компетенции в целях устного профессионального общения // Иностранные языки в контексте культуры : сб. ст. по материалам XX междунар. науч.-практ. конф. — Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2023. — С. 152.
7. Каменева В. А., Морозова И. С. Психолингвистические аспекты медицинской коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2023. — Т. 21, № 2. — С. 75–88.
8. Картоотека записи устной речи (КЗУР) // Личный архив И. А. Тисленковой. — 2023.
9. Косицкая Ф. Л., Матюхина М. В. К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 7 (196). — С. 43–47.
10. Крелин Ю. Суэта. — URL : <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/67774-yuliy-krelin-sueta.html> (дата обращения: 05.01.2024).
11. Кулинич О. С. Медицинский дискурс: его особенности и составляющие // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации : материалы 77-й науч. сессии сотрудников ун-та. — Витебск : Витеб. гос. мед. ун-т, 2022. — С. 252–252.
12. Кысмуратова Ж. Т., Ниедбайтеги К. А. Лингвистические особенности медицинского дискурса // Наука и образование: Новое время. — 2014. — № 1 (1). — С. 48–52.
13. Палата № 6 : худож. фильм / реж. К. Шахназаров, А. Горновский. — М. : Мосфильм : Курьер, 2009. — URL : <https://yandex.ru/video/preview/1526060307728110089> (дата обращения: 05.01.2024).
14. Петрова Н. Н. К вопросу о гетерогенности негативной симптоматики при шизофрении // Социальная и клиническая психиатрия. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 81–87.
15. Пономаренко Е. А. Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса (на материале произведений русских писателей-врачей) // Жанры речи. — 2015. — № 1 (11). — С. 117–121.
16. Стеблецова Н. И., Поселюгина О. Б., Коричкина Л. Н. Особенности медицинского дискурса в коммуникации врача-кардиолога и больного артериальной гипертензией // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики : сб. ст. по материалам 9-й междунар. науч.-практ. и образоват. конф. — Тверь : Твер. гос. мед. акад. Минздрава РФ, 2021. — С. 117–122.
17. Тисленкова И. А. Самопрезентация как ведущий признак коммуникативной демонстративности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2023. — Т. 42, № 3. — С. 576–584.
18. Чернов А. 12 пациентов и их психотипы // Катренстиль : журн. — 2014, 18 окт. — URL : https://www.katrenstyle.ru/ethics/12_patsientov_i_ih_psihotipyi (дата обращения: 05.01.2024).
19. Шарапа А. А., Гладышева М. К., Людчик Н. Н. Особенности формата медицинского дискурса // Язык, общество, медицина : сб. материалов XX респ. студенч. конф. и XVII респ. науч.-практ. семинара. — Гродно : Гродн. гос. мед. ун-т, 2021. — С. 395.

20. Шизофрения. Фабула величия. Парафренный синдром // Медфильм. — 2018. — URL : <https://rutube.ru/video/f0fbd86ba1346493fb7b5c56ebcd3403/> (дата обращения: 05.01.2024).
21. Шуравина Л. С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37 (328). — С. 65–67.
22. 12 психотипов пациентов // Elisabett Kim. — 2016. — URL : <https://yandex.ru/video/preview/3831886784462749029> (дата обращения: 05.01.2024).
23. Histrionic Personality Disorder Role Play LPN Mental Health CE Course. — 2020. — URL : <https://symptommedia.com/histrionic-personality-disorder-ce-course-preview/> (дата обращения: 05.01.2024).
24. Hyden L. C. Illness and Narrative // *Sociology of Health & Illness*. — 1997. — Vol. 19, № 1. — P. 48.

References

1. Babenko L. G., Kazarin Yu. V., Kusova M. L. *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [The conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representations in language and speech (based on the material of vocabulary, phraseology and paremiology)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017, 1023 p. (In Russian).
2. Bulgakov M. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Available at: <http://m-bulgakov.ru/sochineniya/master-i-margarita-okonchatelnaya-redakciya> (accessed 05.01.2024). (In Russian).
3. The whole truth of Diana Ivanova's surgery and plastic surgery. *Yandex.Video* [Yandex.Video]. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/4452880661098382120> (accessed 05.01.2024). (In Russian).
4. Therapy of mental illness. A documentary film. *Tsentrnauchfil'm* [Tsentrnauchfilm Film Studio]. 1971. Available at: https://vk.com/video-20507050_171630530 (accessed 05.01.2024). (In Russian).
5. Zhura V. V. Narratological studies of oral medical discourse. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. 2013, no. 1 (10), pp. 72–78. (In Russian).
6. Zaytseva M. N. Formation of communicative competence for the purpose of oral professional communication. *Inostrannyye yazyki v kontekste kul'tury: sb. st. po materialam XX mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Foreign languages in the context of culture: coll. of articles based on the materials of the XX international scientific and practical conference]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2023, p. 152. (In Russian).
7. Kameneva V. A., Morozova I. S. Psycholinguistic aspects of medical communication. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. "Linguistics and Intercultural Communication"]. 2023, vol. 21, no. 2, pp. 75–88. (In Russian).
8. Card file of oral speech recording (KZUR). *Lichnyy arkhiv I. A. Tislenkovoy* [I. A. Tislenkova's personal archive]. 2023. (In Russian).
9. Kositskaya F. L., Matyukhina M. V. On the issue of the genre palette of medical discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2018, no. 7 (196), pp. 43–47. (In Russian).
10. Krelin Yu. *Sueta* [Fuss]. Available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/67774-yuliy-krelin-sueta.html> (accessed 05.01.2024). (In Russian).
11. Kulinich O. S. Medical discourse: its features and components. *Dostizheniya fundamental'noy, klinicheskoy meditsiny i farmatsii: materialy 77-y nauch. sessii sotrudnikov un-ta* [Materials of the 77th scientific session of the University staff]. Vitebsk, Vitebsk State Medical University Publ., 2022, pp. 252–252. (In Russian).
12. Kysmuratova Zh. T., Nietbaytegi K. A. Linguistic features of medical discourse. *Nauka i obrazovanie: Novoe vremya* [Science and Education: A New Time]. 2014, no. 1 (1), pp. 48–52. (In Russian).
13. *Palata no. 6: khudozh. fil'm* [Ward no. 6: Feature film]. Dir. K. Shakhnazarov, A. Gornovsky. Moscow, The Mosfilm Film Studio, The Courier Film Studio, 2009. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/1526060307728110089> (accessed 05.01.2024). (In Russian).
14. Petrova N. N. On the issue of the heterogeneity of negative symptoms in schizophrenia. *Sotsial'naya i klinicheskaya psixiatriya* [Social and clinical psychiatry]. 2020, vol. 30, no. 1, pp. 81–87. (In Russian).
15. Ponomarenko E. A. Classification of speech genres of institutional (medical) discourse (based on the works of Russian medical writers). *Zhanry rechi* [Genres of speech]. 2015, no. 1 (11), pp. 117–121. (In Russian).
16. Stebletsova N. I., Poselyugina O. B., Korichkina L. N. Features of medical discourse in communication between a cardiologist and a patient with arterial hypertension. *Meditsinskiy diskurs: voprosy teorii i praktiki: sb. st. po materialam 9-y mezhdunar. nauch.-prakt. i obrazovat. konf.* [Questions of theory and practice: a collection of articles based on the materials of the 9th International Scientific, Practical and Educational Conference]. Tver, Tver State Medical Academy of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ., 2021, pp. 117–122. (In Russian).
17. Tislenkova I. A. Self-presentation as a leading sign of communicative demonstrativeness. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya* [Issues of journalism, pedagogy, linguistics]. 2023, vol. 42, no. 3, pp. 576–584. (In Russian).

18. Chernov A. 12 patients and their psychotypes. *Katrenstil': zhurnal* [Quatrain style: magazine]. 2014. Available at: https://www.katrenstyle.ru/ethics/12_patsientov_i_ih_psihotipyi (accessed 05.01.2024). (In Russian).
19. Sharapa A. A., Gladysheva M. K., Lyudchik N. N. Features of the format of medical discourse. *Yazyk, obshchestvo, meditsina: sb. materialov XX resp. studenich. konf. i XVII resp. nauch.-prakt. seminarov* [Language, society, medicine: coll. of materials of the XX Republican Student Conference and the XVII Republican scientific and practical seminar]. Grodno, Grodno State Medical University Publ., 2021, p. 395. (In Russian).
20. Schizophrenia. The plot of greatness. Paraphrenic syndrome. *Medfil'm* [Medfilm]. 2018. Available at: <https://rutube.ru/video/f0fbd86ba1346493fb7b5c56ebcd3403/> (accessed 05.01.2024). (In Russian).
21. Shuravina L. S. Medical discourse as a type of institutional discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2013, no. 37 (328), pp. 65–67. (In Russian).
22. 12 psychotypes of patients. *Elisabett Kim*. 2016. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/3831886784462749029> (accessed 05.01.2024). (In Russian).
23. *Histrionic Personality Disorder Role Play LPN Mental Health CE Course*. 2020. Available at: <https://symptommedia.com/histrionic-personality-disorder-ce-course-preview/> (accessed 05.01.2024).
24. Hyden L. C. Illness and Narrative. *Sociology of Health & Illness*. 1997, vol. 19, no. 1, p. 48.

Информация об авторе

Тисленкова Ирина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.

Information about the author

Tislenkova, Irina — candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages at Volgograd State Technical University.

*Статья поступила в редакцию 23.04.2024;
одобрена после рецензирования 03.07.2024;
принята к публикации 04.07.2024.*

*Submitted 23.04.2024;
approved after reviewing 03.07.2024;
accepted for publication 04.07.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 62–69.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):62–69.

Научная статья
УДК 81'42
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.008

Пространственно-темпоральное моделирование дискурса рубрики «Арт» в изданиях *Le monde* и «Российская газета»

Наталья Николаевна Шептун

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия
natalyasheptun@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается явление сопряжения публицистического дискурса и искусствоведческого дискурса в статьях рубрики «Арт», представленной на страницах двух разноязычных государственных газет — франкоязычной *Le monde* и русскоязычной «Российская газета». Выявлено наличие различного количества размещенных в рубрике «Арт» статей за идентичный период, что обусловлено актуальностью тематики статей рубрики для французского и российского общества. Определено, что в проксемно-темпоральном сегменте информативного кода статей двух газет преобладают хронемы, среди которых точечные хронемы, предельные хронемы, пролонгированные хронемы, обобщающие

хронемы. Проксемные маркеры менее частотны по сравнению с темпоральными маркерами. Установлено, что в таксономической сравнительно-сопоставительной модели дискурса проксемно-темпоральный сегмент информативного кода в материале на французском и русском языках обладает одинаковым свойством: этот сегмент сопряжен с лингвокультурным сегментом, выраженным лингвокультурами, что предопределяет синергию двух типов дискурса в статьях рассмотренной рубрики «Арт» в разноязычных газетах.

Ключевые слова: публицистический дискурс, искусствоведческий дискурс, моделирование, проксемный спектр, темпоральный спектр.

Для цитирования: Шептун Н. Н. Пространственно-темпоральное моделирование дискурса рубрики «Арт» в изданиях *Le monde* и «Российская газета» // *Иностранные языки в высшей школе*. 2024. № 3 (70). С. 62–69. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.008.

Original article

Spatial-temporal modeling of the discourse in the rubric “Art” in the editions *Le monde* and *Rossiyskaya gazeta*

Natalya N. Sheptun

Belgorod Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia
natalyasheptun@yandex.ru

Abstract. The article deals with the phenomenon of combining journalistic discourse and art historical discourse in articles in the “Art” section, presented on the pages of two multilingual state newspapers, the French newspaper *Le monde* and the Russian newspaper *Rossiyskaya gazeta*. The presence of a different number of articles presented in the “Art” section for an identical period was revealed, which is predetermined by the relevance of the topics of the articles in the section for French and Russian society. It has been determined that in the proxemic-temporal segment of the informative code of the articles of two newspapers, chronemes prevail, including point chronemes, limit chronemes, prolonged chronemes, and generalizing chronemes. Proxemic markers are less frequent than temporal markers. It has been established that in the taxonomic comparative model of discourse, the proxemic-temporal segment of the informative code in the material in French and in the material in Russian have the same property, namely this segment is associated with the linguocultural segment expressed by linguoculturemes, which predetermines the synergy of the two types of discourse in the articles reviewed “Art” columns in multilingual newspapers.

Keywords: journalistic discourse, art historical discourse, modeling, proxemic spectrum, temporal spectrum.

For citation: Sheptun N. N. Spatial-temporal modeling of the discourse in the rubric “Art” in the editions *Le monde* and *Rossiyskaya gazeta*. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 62–69. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.008.

Введение

Актуальные проблемы дискурсологии представляют собой значимое направление развития современного языкознания, поскольку дискурс отличается «мерой концептуальной сложности и проективности» (см.: [Кушнерук, 2019, с. 85]). Концептуальная сложность дискурса проецируется не только в различных типах дискурса (см.: [Gumperz, 1982 ; Howarth 2000]), но и в особенностях его функционирования, выявляемых в рамках дискурсивной «конструкции аналитика» (см.: [Седых, Бузинова, Пашковская, 2023, с. 8]).

Функционирование дискурса в качестве аналитической конструкции способствует созданию “discursive world is a dynamic, informative construct of knowledge” (см.: [Ogneva, Stepanova, Chikovani, 2022, p. 80]) — ‘дискурсивного мира как динамического информативного конструкта знания’, выступающего в виде информативного кода, под которым понимается «совокупность маркеров субъективности смысла в поле содержательной интерпретации текста» (см.: [Ogneva, 2023, с. 81]).

Специфика построения и функционирования информативного кода дискурса предопределена интенцией автора, обуславливающей когнитивно-сюжетную матрицу дискурсивного знания при условии, что язык как основная операционная единица дискурса обладает «уникальной конструктивной динамикой преобразования» (см.: [Седых, 2022, с. 12]). Темпорально и проксемно обусловленные преобразования оказывают в этом случае непосредственное влияние на такую составляющую дискурсивной модели, как «национально-культурная специфика дискурсивных миров» (см.: [Кушнерук, 2014, с. 210]).

Детальное рассмотрение темпорального спектра дискурсивного мира выявляет наличие дискурсивных темпоральных векторов и компонентов, представляющих совокупность хронем и лексических таймеров.

Исследование хронем, осуществляемое в течение последнего десятилетия, не вызывает дискуссионных вопросов о сути этого термина, в то время как термин «лексический таймер», введенный в научный тезаурус в 2019 году, требует дальнейшего обсуждения. В данный момент предложено под лексическим таймером понимать «слова или словосочетания, семантика которых косвенно репрезентирует темпоральный аспект» (см.: [Бузина, 2019, с. 177]). Временной вектор как значимая часть темпорального спектра дискурсивного мира интерпретируется как «реализация потока времени, имеющая... точку отсчета и последовательное изложение события» (см.: [Огнева, 2013, с. 145]).

В темпоральном спектре дискурсивного мира функционируют как маркеры «линейного времени» (см.: [Даниленко, 2015, с. 688]), так и маркеры циклического времени, представляя собой один из типов языковых единиц в публицистическом «профессиональном дискурсе» (см.: [Голованова, 2017, с. 112]).

Проксемный спектр публицистического дискурсивного мира взаимосвязан с темпоральным аспектом и также обусловлен интенцией журналиста и когнитивно-сюжетной матрицей публикуемых статей.

Основная часть

Цель работы заключается в выявлении особенностей функционирования пространственно-темпоральных моделей сопряжения публицистического и искусствоведческого дискурса в разноязычной современной прессе.

Достижению поставленной цели способствует выполнение следующих задач:

1) определить две современные разноязычные газеты, играющие в социумах двух стран схожую роль;

2) выделить рубрику «Арт», имеющуюся в каждой из выбранных газет — франкоязычной *Le monde* и русскоязычной «Российская газета», — в которой сопряжены два типа дискурса — публицистический и искусствоведческий;

3) проанализировать статьи в каждой из газет за аналогичный локальный период согласно авторскому алгоритму интерпретации газетного материала;

4) выявить маркеры проксемно-темпорального информативного кода каждой статьи, опубликованной за определенный в исследовании период;

5) построить таксономическую сравнительно-сопоставительную модель проксемно-темпорального информативного кода франкоязычной газеты *Le monde* и русскоязычной газеты «Российская газета», функционирующую за определенный отрезок времени в качестве сегмента обобщенной таксономической сравнительно-сопоставительной модели публицистико-искусствоведческого дискурса исследуемых разноязычных газет.

В работе применены следующие методы: лингвистического анализа статей разноязычных газет, семантического анализа проксемно-темпорального информативного кода каждой публицистической статьи, опубликованной в изучаемый период, сравнительно-сопоставительный метод функционирования проксемно-темпорального информативного кода каждой публицистической статьи, опубликованной в изучаемый период.

В качестве материала исследования использованы картотеки проксемных и темпоральных маркеров, выявленных в публицистических статьях франкоязычной газеты *Le monde* и русскоязычной газеты «Российская газета», опубликованных в рубрике «Арт».

Результаты исследования

Детальное исследование функционирования когнитивно-сюжетной матрицы дискурса выявляет сопряжение нескольких типов дискурса, например сопряжение публицистического и искусствоведческого типа дискурса. Это прослеживается при изучении журналистских статей, опубликованных в рубрике «Арт» в двух разноязычных современных газетах — франкоязычной *Le monde* и русскоязычной «Российская газета». В алгоритме проводимого исследования весь спектр рассматриваемых статей подразделяется на краткосрочные периоды продолжительностью не более пяти дней, что обусловлено темпоральным аспектом степени активного воздействия информации на читателя, поскольку через пять дней актуальность прочитанной информации практически полностью замещается актуальностью другой воспринятой информации. В данной статье представлены результаты исследования одного из многочисленных периодов, а именно периода с 1 по 5 ноября 2023 года.

1. Проксемно-темпоральная модель информативного кода газеты *Le monde* за период 1–5 ноября 2023 года

Рассмотрение публикаций, представленных в рубрике « Art » за период с 1 по 5 ноября 2023 года, выявило наличие четырех публикаций, а именно:

1) « Pourquoi Miyazaki est-il incontournable ? Comprendre en trois minutes » ‘Почему Миядзаки так важен? Разберемся за три минуты’ (2 ноября, авторы — Барбара Марти и Робин Гассер);

2) « Sélection galerie : Wilfrid Almendra chez Ceysson & Bénétière » ‘Выбор галереи: Уилфред Альмендра в Сейсон и Бенетьер’ (3 ноября, автор — Эммануэль Жардонет);

3) « A Turin, la foire Artissima privilégie les découvertes » ‘Ярмарка Артисима в Турине благоприятствует открытиям’ (3 ноября, автор — Гарри Беллет);

4) « La grève au Centre Pompidou révèle un malaise profond du personnel » ‘Забастовка с Центре Помпиду свидетельствует о глубоком беспокойстве сотрудников’ (5 ноября, автор — Роксана Азими).

Очевидно, что статьи разнотематические, поэтому для последующего изучения можно выбрать любую из них. Была рассмотрена статья « A Turin, la foire Artissima privilégie les découvertes », состоящая из 331 слова.

Анализ текста статьи выявил следующую специфику построения:

1) наличие темпоральных маркеров: хронема « chaque année », предельная хронема « jusqu’au 5 novembre », двудерная хронема « jeudi 2 novembre », пролонгированная хронема « depuis les années 1950 », точечная хронема « ce jour-là » и лексический таймер « trentième anniversaire »;

2) наличие проксем: « Turin », « la Galerie Francisco Fino »;

3) наличие сопряжения лексического таймера и проксемы: « A Artissima, la foire de Turin », где « A Artissima » — это периодически проводимая ярмарка искусства, упоминание о которой указывает на определенную точку на темпоральной оси.

Выявленные хронемы относятся к линейному времени, репрезентированному в данной статье. К лингвокультуремам в данной статье относится номинант, указывающий на то, что 39 молодых галерей впервые представлены на мероприятии современного итальянского искусства.

Следовательно, рассмотрение данной публицистической статьи показывает сопряжение проксемных и темпоральных номинантов информативного кода и их сочетание с лингвокультуремой, придающей тексту статьи параметр искусствоведческого дискурса.

2. Проксемно-темпоральная модель информативного кода газеты «Российская газета» за период 1–5 ноября 2023 года

Рассмотрение публикаций, представленных в рубрике «Арт» за период с 1 ноября по 5 ноября 2023 года, выявило наличие 30 публикаций, которые распределяются тематически на следующие группы: «Музеи и выставки» (9 статей), «События культурной жизни» (8 статей), «Изобретения» (2 статьи), «Традиции» (3 статьи), «Исторические события» (6 статей), «Религиозные события» (2 статьи).

Самой многочисленной по количеству статей оказалась рубрика «Музеи и выставки», в которой выявлено 9 публикаций (табл.).

Далее была детально исследована одна из перечисленных статей, а именно статья «Музей Победы собрал около 1,5 тысячи биографий участников битвы за Днепр», опубликованная 5 ноября и состоящая из 190 слов. По результатам анализа текста статьи выявлены:

1) темпоральные маркеры, а именно: пролонгированная хронема «с ноября 1943 года шла 4 месяца», предельный лексический таймер «к 80-летию битвы за Днепр», лексический таймер-историзм «битва за Днепр», упомянутый дважды, обобщенный лексический таймер «Великая отечественная война»;

2) проксемные маркеры: проксеммы «Музей Победы», проксеммы-лингвокультуремы «музей Победы на Поклонной горе в Москве»;

3) обозначение пространства через упоминание о количестве участников события: «с обеих сторон в ней принимало участие около четырех миллионов человек»;

4) антропонимы-лингвокультуремы: «Георгий Жуков», «Николай Ватугин», «Александр Василевский»;

5) лингвокультуремы военного времени: «полководцы», «артиллеристы», «танкисты», «разведчики», «саперы», «связисты», «врачи», «санитарки», «электрики», «связистки», «бойцы Красной армии», «командиры Красной армии», «Красная армия»; также при упоминании о том, что 2 438 человек проявили массовый героизм, названа лингвокультурема «звание Героя Советского Союза».

Спектр публикаций в рубрике «Музеи выставки»

№	Дата	Автор	Название публикации
1	01.11.2023	Наталья Соколова	«В Москве открылась выставка Энди Уорхола»
2	01.11.2023	Наталья Соколова	«В Китае открывается выставка о Льве Толстом»
3	01.11.2023	Владислав Краев	«В Петербурге покажут образцы неизвестного оружия»
4	01.11.2023	Лариса Ионова	«В Мелитополе появится музей путешественника Федора Конюхова»
5	01.11.2023	Иван Владимиров	«В Пушкинском музее открылась выставка “Царство Урарту. Наследие древней Армении”»
6	03.11.2023	Жанна Васильевна	«С Кафкой по жизни. В Еврейском музее и центре толерантности открылся “Процесс”»
7	04.11.2023	Юлия Потапова	«В Кузбассе открылась выставка рассекреченных материалов о производительных силах»
8	05.11.2023	Владимир Емельяненко	«Музей Победы собрал около 1,5 тысячи биографий участников битвы за Днепр»
9	05.11.2023	Ирина Огилько	«На Красной площади открылся временный музей под открытым небом»

Рассмотрение материала показало, что статья делится на два темпоральных сегмента: первый сегмент обращается к событиям 1943 года, в то время как второй темпоральный сегмент указывает на события по созданию выставки в 2019 году. В первом темпоральном сегменте выявлены все вышеперечисленные компоненты информативного кода, во втором отмечены:

- 1) темпоральные маркеры: точечная хронема «в 2019 году», лексический таймер «разгром нацизма»;
- 2) сопряжение по формуле «лексический таймер + проксема»: «битва за Днепр», «вечное хранение в музее Победы»;
- 3) проксеменный маркер: «музей Победы».

Следовательно, статья, несмотря на объем в 190 слов, включает в себя значительное количество номинантов информативного кода и делится на два темпоральных сегмента.

**Обсуждение результатов исследования.
Таксономическая сравнительно-сопоставительная модель
проксеменно-темпорального информативного кода**

В результате исследования франкоязычной газеты *Le monde* и русскоязычной газеты «Российская газета» за локальный рассматриваемый период воздействия на читателей выявлена проксеменно-темпоральная локальная сравнительно-сопоставительная модель как один из сегментов целостной модели в рамках диссертационного исследования, в котором под проксеменно-темпоральной локальной сравнительно-сопоставительной моделью понимается исследовательский конструкт, информативность которого выстраивается на темпорально-ограниченном участке функционирования публицистико-искусствоведческого дискурса двух разноязычных газет.

Полученные результаты исследования показывают, что за произвольно выбранный период с 1 ноября по 5 ноября 2023 года в одноименной газетной рубрике «Арт» обнаружено различное количество статей, а именно 4 статьи во французской газете *Le monde* и 30 статей в русской газете «Российская газета». Различное количество статей указывает на неодинаковую степень актуальности тематик исследуемой рубрики «Арт» для французского и русского лингвосоциумов, поскольку газеты, исходя из финансовых условий развития, публикуют статьи на основе тематических предпочтений читателей. Выявление только 4 публикаций в рубрике «Арт» за локальный исследуемый период во франкоязычной газете говорит о низкой степени их востребованности французским лингвосоциумом, в то время как наличие 30 статей за идентичный публикационный период в русскоязычной газете свидетельствует о востребованности данной тематики русскоязычным социумом.

Определению степени актуальности тематических компонентов газетной рубрики способствует деление всего спектра опубликованных в двух газетах статей на темпорально-локальные отрезки, в данном случае на отрезки протяженностью пять дней в соответствии с авторским алгоритмом исследования.

Исследование проксемно-темпорального спектра информативного кода публицистического дискурса в сопряжении с искусствоведческим дискурсом позволяет представить таксономическую сравнительно-сопоставительную модель, в которой в информативном коде французской газеты *Le monde* установлено сопряжение темпоральных и проксемных номинантов информативного кода и их сочетание с лингвокультуремой, придающей тексту статьи параметр искусствоведческого дискурса, в то время как в русской газете «Российская газета» проксемно-темпоральный код делится на два темпоральных сегмента, каждый из которых состоит из различных маркеров.

Следовательно, согласно авторскому алгоритму, выстраивается следующая таксономическая сравнительно-сопоставительная уровневая модель: высший уровень — уровень идентичности рубрик; средний уровень — уровень идентичности темпорального отрезка, в котором формируются две темпорально-проксемных локальных сравнительно-сопоставительных модели разноязычных газет — франкоязычной *Le monde* и русскоязычной «Российская газета»; низший интерпретативный уровень (постатейный) — уровень исследования архитектуры отдельных статей, представляющих собой сегменты выстраиваемой темпорально-проксемной локальной сравнительно-сопоставительной модели двух разноязычных газет.

Заключение

Исследование публицистического дискурса в современных разноязычных СМИ показывает, что существуют газеты, в которых функционируют рубрики, сопрягающие черты публицистического и искусствоведческого дискурса. Это явление прослеживается во французской газете *Le monde* и в русской газете «Российская газета», в рубрике «Арт».

В результате рассмотрения в соответствии с авторским исследовательским алгоритмом статей, опубликованных за определенный краткий период в двух газетах, была выявлена специфика построения темпорально-проксемной локальной сравнительно-сопоставительной модели на основе локальных проксемно-темпоральных моделей каждой из газет, что способствовало осуществлению таксономического сравнительно-сопоставительного моделирования особенностей функционирования информативного кода одновременно в двух газетах на постатейном уровне.

Выявлено, что в рассмотренном материале во французской газете *Le monde* в информативном коде существует наличие следующих компонентов: 1) темпоральные маркеры, а именно хронемы и лексические таймеры; 2) проксемны; 3) сопряжение лексического таймера и проксемны. Данные хронемы относятся к линейному времени, сопряженному с лингвокультуремой, указывающей на выставку итальянского искусства.

Определено, что в материалах, опубликованных в русской газете «Российская газета», существует наличие следующих компонентов: 1) темпоральные маркеры; 2) проксемные маркеры; 3) обозначение пространства через упоминание о количестве участников события; 4) антропонимы-лингвокультуремы; 5) лингвокультуремы военного времени («полководцы»). Исследование показало, что статья делится на два темпоральных сегмента, указывающих на события 1943 года и на события по созданию выставки в 2019 году.

Перспектива исследования заключается в возможности применить авторский подход к интерпретации материала, сопрягающего черты публицистического и искусствоведческого дискурса, с последующим построением таксономической сравнительно-сопоставительной модели проксемно-темпорального спектра информативного кода дискурса для интерпретации материала других газет, написанных как на французском и русском языках, так и на других неблизкородственных языках.

Список источников

1. Бузина Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. — 2019. — № 44. — С. 174–178.
2. Даниленко И. А. К вопросу о линейном и циклическом художественном времени // Когнитивные исследования языка. — 2015. — № 21. — С. 688–690.
3. Голованова Е. И. Рекуррентные языковые единицы в профессиональном дискурсе // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы XVII междунар. науч. конф. — 2017. — С. 112–114.

4. Кушнерук С. Л. Национально-культурная специфика дискурсивных миров в коммерческой рекламе Великобритании и России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — Т. 1, № 1. — С. 210–220.
5. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации : моногр. — М. : Флинта, 2019. — 368 с.
6. Огнева Е. А. Темпоральная архитектура концептосферы художественного текста // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка : коллективная моногр. — Новосибирск, 2013. — С. 138–155.
7. Огнева Е. А. Синергия информативов текстового информативного кода (на материале произведения В. Скотта “Waverley; or ’Tis sixty years since”) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 4 (872). — С. 80–85.
8. Российская газета. — 2023, нояб. — URL : www.rg.ru (дата обращения: 08.11.2023).
9. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир : моногр. — Белгород : Эпицентр, 2022. — 152 с.
10. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсология, междисциплинарность, регионализация : моногр. — Белгород : Эпицентр, 2023. — 184 с.
11. Gumperz John J. *Discourse strategies*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — 242 p.
12. Howarth D. *Discourse*. — Oxford : Marston Book Service Limite, 2000. — 166 p.
13. *Le monde*. — 2023, Nov. — URL : www.lemonde.fr (дата обращения: 09.11.2023)
14. Ogneva E. A., Stepanova L. I., Chikovani T. V. Modeling of text and discourse worlds // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. — 2022. — Т. 8, № 1. — С. 79–92.

References

1. Buzina E. I. Determination of lexical timers in the temporal structure of literary text. *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty* [Foreign languages: linguistic and methodological aspects]. 2019, no. 44, pp. 174–178. (In Russian).
2. Danilenko I. A. About linear and cycling literary time. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of languages]. 2015, no. 21, pp. 688–690. (In Russian).
3. Golovanova E. I. Recurrent linguistic units in the professional discourse. *Yazyk i myshlenie: psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XVII mezhdunar. nauch. konf.* [Language and mind: psychological and linguistic aspects: Proceedings of the 17th international research conference]. 2017, pp. 112–114. (In Russian).
4. Kushneruk S. L. National-cultural specific features of discourse worlds in the business advertisement in the Great Britain and in Russia. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad state university named after A. S. Pushkin]. 2014, vol. 1, no. 1, pp. 210–220. (In Russian).
5. Kushneruk S. L. *Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: opyt sopostavitel'nogo issledovaniya reklamnoj kommunikacii: monogr.* [Cognitive-discursive modeling: experience of comparative research of advertisement communication: monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2019, 368 p. (In Russian).
6. Ogneva E. A. *Temporal'naya arhitektonika konceptosfery hudozhestvennogo teksta: kollektivnaya monogr.* [Temporal architectonics of literary text's conceptual domain: coll. monograph]. Novosibirsk, 2013, pp. 138–155. (In Russian).
7. Ogneva E. A. Synergy of informants in the text informative code in W. Scott's “Waverley; or ’Tis sixty years since”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow state linguistic university. Humanities sciences]. 2023, no. 4 (872), pp. 80–85. (In Russian).
8. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. 2023, Nov. Available at: www.rg.ru (accessed 08.11.2024). (In Russian).
9. Sedykh A. P. *Yazyk, kul'tura, kommunikaciya: francuzskij mir: monografiya* [Language, culture, communication: French world: monograph]. Belgorod, Epicentr Publ., 2022, 152 p. (In Russian).
10. Sedykh A. P., Buzinova L. M., Pashkovskaya N. D. *Diskursologiya, mezhdisciplinarnost', regionalizaciya: monografiya* [Discourse studies, interdisciplinarity, region studies: monograph]. Belgorod, Epicentr Publ., 2023, 184 p. (In Russian).
11. Gumperz John J. *Discourse strategies*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982, 242 p.
12. Howarth D. *Discourse*. Oxford, Marston Book Service Limited, 2000, 166 p.
13. *Le monde*. 2023, Nov. Available at: www.lemonde.fr (accessed 09.11.2024). (In French).
14. Ogneva E. A., Stepanova L. I., Chikovani T. V. Modeling of text and discourse worlds. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022, vol. 8, no. 1, pp. 79–92.

Информация об авторе

Шептун Наталья Николаевна — старший преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности Белгородского института искусств и культуры.

Information about the author

Sheptun, Natalya — senior lecturer of the Department of Library and Information Activities, Belgorod Institute of Arts and Culture.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2024;
одобрена после рецензирования 29.04.2024;
принята к публикации 02.05.2024.*

*Submitted 05.03.2024;
approved after reviewing 29.04.2024;
accepted for publication 02.05.2024.*

РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 70–76.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):70–76.

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.009

Полиализ перевода адвербиалий (на материале романа Э. Уортон «Эпоха невинности» на английском и русском языках)

Екатерина Владимировна Неваленая

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
chupilko@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье вводится новое понятие «полиализ перевода», обозначающее проведение сравнительно-сопоставительного исследования текстов оригинала и перевода художественного произведения в условиях множественности транскодирования на переводной язык. Выведенные формулы расчета симметрии/асимметрии планов содержания и выражения, возникающих при переводе адвербиалий с различными компонентами и модификаторами, позволяют определить степень сохранения или нарушения исходной структуры единиц перевода. Выявленные в ходе исследования цветообозначения с адвербиальным компонентом не только указывают на насыщенность и оттенок цвета, но и на качественную характеристику состояния объекта. Определено, что содержащие наречную характеристику прилагательные переводятся при помощи сложных, поликомпонентных прилагательных, существительных с предлогом и причастий, вследствие чего наблюдается симметрия плана содержания и асимметрия плана выражения при транскодировании адвербиалий с английского на русский язык по причине разноструктурности исходного и переводного языков.

Ключевые слова: адвербиалии, симметрия, асимметрия, план содержания, план выражения, художественный текст, полиализ перевода.

Для цитирования: Неваленая Е. В. Полиализ перевода адвербиалий (на материале романа Э. Уортон «Эпоха невинности» на английском и русском языках) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 70–76. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.009.

Original article

Polyalysis of the translation of English adverbials (based on the novel by E. Wharton *The Age of Innocence* in English and Russian)

Ekaterina V. Nevalenaya

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
chupilko@bsu.edu.ru

Abstract. The article defines a new direction of methodology for conducting research of the literary text's lexical units comparative basis through several variants of its translation into Russian. The concept of translation polyalysis is introduced, which defines the described method of studying translation features. The derived formulas for calculating the symmetry/asymmetry of the content and formal plans that arise when translating adverbials with various components and modifiers allow us to trace the tendency to preserve or violate the original structure of translation units in the translated text. The color designations identified during the study with an adverbial component not only indicate the saturation and the color shade, but also the qualitative characteristic of the state of the object. It is determined that adjectives with adverbial characteristic are translated using complex, multicomponent adjectives, nouns with a preposition and participles. As a result, there is a symmetry of the content plan and an asymmetry of the formal plan when transcoding adverbial from English into Russian due to the difference in the structure of the source and translated languages.

Keywords: adverbials, symmetry, asymmetry, content plan, formal plan, literary text, translation polyalysis.

© Неваленая Е. В., 2024

For citation: Nevalenaya E. V. Polyanalysis of the translation of English adverbials (based on the novel by E. Wharton *The Age of Innocence* in English and Russian). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 70–76. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.009.

Введение

Для определения механизмов функционирования смысла единиц перевода в ходе их передачи с иностранного языка на русский следует понимать, какая целевая аудитория будет взаимодействовать с текстом, то есть необходима ориентация на создание равного «по художественной ценности и по воздействию на реципиента произведения» (см.: [Епифанцева, Цепелева, 2022, с. 2265]) в аспекте межкультурной коммуникации. Называя перевод в некотором роде «филологическим декодированием», А. П. Седых отмечает, что языковой знак, «обладая и смыслом, и формальным воплощением... может ассоциироваться в том же тексте... и перекликаться с другими компонентами текста по фрагментам своей субстанциональной структуры» [Седых, 2019, с. 21].

В случае перевода художественного произведения на русский язык, как отмечает В. В. Сдобников, «речь идет о необходимости создания функционального аналога» [Сдобников, 2016, с. 124] исходного текста на языке перевода таким образом, чтобы переводное произведение соответствовало авторскому замыслу, стилю, но по организации было аналогично тексту переводного языка, как если бы он был исходным. В этом процессе задействован переводческий код, который понимается как совокупность изменений плана содержания и плана выражения, «основанных на словарных соответствиях, на особенностях грамматического строя и смысловой структуры ИТ и ПТ» (см.: [Огнева, 2004, с. 8]).

В этом контексте возникает парадокс: с одной стороны, целесообразно свести обе языковые системы (исходного языка (ИЯ) и переводного языка (ПЯ)) воедино, чтобы выявить соответствие и несоответствие оригинального текста с переводным, а с другой стороны, существуют структуры и единицы исходного языка, для которых нельзя подобрать прямой аналог в языке перевода.

Английский, являясь языком аналитическим, включает в свою структуру единицы, имеющие адвербиальную (то есть наречную) характеристику, но не относящиеся к грамматическому классу наречий. Следовательно, при переводе на русский, синтетический язык такие единицы будут выражены семантически приближенными к оригинальным структурами, но отличными в некоторых аспектах.

В данном исследовании предлагается рассмотреть варианты выбора способов передачи адвербиалий, выявленных в художественном произведении Э. Уортон «Эпоха невинности», на основе полиализа перевода. Под **полиализом перевода** понимается поливекторное сравнительно-сопоставительное исследование интерпретативного потенциала текста оригинала и нескольких текстов перевода на один язык. Слово «полиализ» образовано от префикса *поли-*, обозначающего множественность, разносторонний подход, а также суффикса *-ализ*, указывающего на процесс или состояние. Поливекторность понимается как разнонаправленность и всесторонность транскодирования несколькими переводчиками текста оригинала на один и тот же язык. При этом учитывается возможность наличия различных вариантов анализируемой единицы перевода, которые могут быть обусловлены полисемичностью или морфологической неоднозначностью. В этом случае два исследовательских подхода — *сравнительно-сопоставительный анализ* и *полиализ перевода* — соотносятся как общее и частное. Введение нового термина обусловлено необходимостью отграничить исследование закономерностей перевода одного произведения несколькими переводчиками на один и тот же язык от перевода как такового.

Учитывая, что перевод осуществляется разными переводчиками, то вероятность выявить алгоритмы и общие тенденции перекодировки определенных единиц с одного языка на другой возрастает. В качестве базовых используются такие понятия, как: *план содержания* — ядро лексической единицы, наполненное семантическими и контекстуально-обусловленными смыслами; *план выражения* — оболочка или определенная форма выражения смысла при помощи лексем; *симметрия/асимметрия* — показатель идентичности/разнородности между единицами исходного языка и переводного языка.

В статье материалом для анализа послужили *адвербиалии с компонентом цветообозначения*, представляющие собой словосочетание или фразу, содержащую компонент адвербиальной характеристики с номинацией цветообозначения, его насыщенности и качества.

Следует отметить, что такого рода исследование выполняется с целью определить симметрично/асимметрично планы содержания и выражения, возникающих при переводе адвербиалий с компонентом цветообозначения. Полная симметрия единицы перевода может быть рассчитана по следующей формуле:

$$\Rightarrow (CP_0 = CP_i) + (FP_0 = FP_i) = {}_A S,$$

где ${}_AS$ (absolute symmetry) — абсолютная симметрия; CP (content plan) — план содержания; FP (formal plan) — план выражения; o (original unit) — оригинальная единица; t (translated unit) — переводная единица. Соответственно, полученные в ходе комбинирования переменных обозначения имеют следующее значение: CP_o — план содержания оригинальной единицы; CP_t — план содержания переводной единицы; FP_o — план выражения оригинальной единицы; FP_t — план выражения переводной единицы.

Согласно представленной выше формуле, абсолютно симметричным является перевод, в котором в план содержания оригинальной единицы равен плану содержания переводной единицы одновременно с планом выражения оригинальной единицы, равным плану выражения переводной единицы.

Для расчета ${}_FA$ (full asymmetry) — полной асимметрии — следует учитывать, что план содержания оригинальной единицы не равен плану содержания переводной единицы, также как план выражения оригинальной единицы не соответствует плану выражения переводной единицы, что выражено следующей формулой:

$$\Rightarrow (CP_o \neq CP_t) + (FP_o \neq FP_t) = {}_FA.$$

Примечательно, что асимметрия может иметь частичный характер. В таком случае расчет производится для ${}_pA^1$ и ${}_pA^2$ (partial asymmetry) по одной из формул:

$$\begin{aligned} \Rightarrow (CP_o \neq CP_t) + (FP_o = FP_t) &= {}_pA^1, \\ \Rightarrow (CP_o = CP_t) + (FP_o \neq FP_t) &= {}_pA^2. \end{aligned}$$

В соответствии с первой формулой для ${}_pA^1$ характерна симметрия плана содержания оригинальной и переводной единиц и асимметрия плана выражения; в соответствии со второй формулой для ${}_pA^2$ свойственна симметрия в плане выражения между оригинальной и переводной единицей и асимметрия плана содержания.

Чтобы определить качественный и количественный показатель симметрии/асимметрии, рассмотрим перевод адвербиалий с определенным модификатором на конкретных примерах из произведения. В проводимом исследовании адвербиальным модификатором считается прилагательное или наречие, являющееся индикатором интенсивности или манеры выполнения действия.

(1) "...the world of fashion was still content to reassemble every winter in *the shabby red and gold boxes* of the sociable old Academy" [Wharton, 2022, p. 3].

В рассматриваемом контексте цветопередача не ограничивается только лишь описанием оттенков цветовой палитры, их свойств на уровне колористики, но и предполагает качественную характеристику материала, на котором данный цвет представлен. Характеристика цветообозначений в структуре английских языковых единиц понимается как переход «от использования общеупотребительных слов, называющих как цвет, так и его оттенки» (см.: [Горн, 2013, с. 73]), к номинации цвета через семантически усложненные лексемы. Так, адвербиальное словосочетание *the shabby red and gold boxes* отражает в своей структуре не только номинацию цвета, но и характеристику номинации *потертый / состарившийся от времени*. Адвербиальность в данном случае заключается в видимом результате после проведения определенных манипуляций или взаимодействия со сторонними объектами в течение некоторого времени, при котором проявляется качественная характеристика и насыщенность цвета. Адвербиальное словосочетание переводится как 'потертые красные с золотом ложи'.

Проанализируем переводы отрывков из произведения (табл. 1).

Исходя из словарной записи прилагательного *shabby* 'старый, в плохом состоянии / низкого качества' (см.: [Macmillan Dictionary]), перевод адвербиального компонента словосочетания *shabby red and gold boxes*, где *shabby* приобретает адвербиальность, в рассматриваемых русскоязычных вариантах является адекватным и симметричным в плане содержания семантической составляющей, но в плане выражения проявляет асимметрию. Так, Л. П. Яркина прибегает к смысловому развитию при переводе адвербиалии *shabby* и использует фразеологизм 'видавших виды' (действительное причастие прошедшего времени с существительным). В свою очередь, М. И. Беккер и М. Гребенюк переводят адвербиалию страдательным причастием 'потертыми/ые', что в полной мере отражает состояние описываемого объекта. В. И. Святкина употребляет прилагательное 'обветшалые' при транскодировании *shabby*.

Проанализированные варианты перевода адвербиалии *shabby* представлены действительными и страдательными причастиями, а также прилагательным со значением 'утраты прежнего вида', что подчеркивает специфику номинации состояния объекта. Такой перевод симметричен в плане содержания, но асимметричен в плане выражения.

Таблица 1

Варианты художественного перевода адвербиалии с компонентом цветообозначения

Перевод М. И. Беккер	Перевод Л. П. Ярковой	Перевод В. И. Святкиной	Перевод М. Гребенюк
«...светское общество по-прежнему каждую зиму довольствовало потертыми красными с золотом ложами гостеприимной старой Академии» [Уортон, 2011а, с. 53].	«...старая добрая Академия по-прежнему радушно каждую зиму раскрывала высшему обществу объятия своих выдававших виды красных с позолотой лож» [Уортон, 2011б, с. 3].	«...“сливки общества” по-прежнему довольствовались тем, что собирались каждую зиму в обветшалых позолоченных и обитых красным бархатом ложах доброй, старой Академии» [Уортон, 2013, с. 3].	«...светское общество занимало потертые красно-золотые ложи старой доброй Академии» [Уортон, 2017, с. 3].

Что касается цветообозначения, то при переводе наблюдается наличие словосочетания на основе подчинительной связи (управление) ‘красными с золотом’ у переводчиков М. И. Беккер и Л. П. Ярковой, относительного прилагательного ‘красно-золотой’ в тексте М. Гребенюк, а также страдательного причастия ‘позолоченный’ в варианте перевода В. И. Святкиной.

Следующим рассмотрим пример перевода адвербиального модификатора с компонентом цветообозначения в контексте исследуемого произведения:

(2) “In the middle-distance symmetrical mounds of *woolly green moss* bounded by croquet hoops...” [Wharton, 2017, p. 4].

Словосочетание *woolly green moss* содержит не только характеристику цветовой гаммы лексемы *moss*, но и ее модификатор *woolly*, используемый для качественной характеристики материала — ‘мохнатый зеленый мох’. В данном случае адвербиальный модификатор *woolly* указывает на метафоричность представленной лексической единицы. Метафоризация лексической единицы *moss* при помощи адвербиального модификатора *woolly* способствует активизации чувственного восприятия образов, создаваемых автором.

Проанализируем варианты опубликованного перевода (табл. 2).

Таблица 2

Варианты перевода адвербиального модификатора с компонентом цветообозначения

Перевод М. И. Беккер	Перевод Л. П. Ярковой	Перевод В. И. Святкиной	Перевод М. Гребенюк
«Посередине, из симметричных холмиков <i>косматого зеленого мха</i> , огороженных воротцами для игры в крокет...» [Уортон, 2011, с. 25].	«Посреди сцены из симметричных холмиков <i>зеленого мха</i> , огороженных воротцами для игры в крикет...» [Уортон, 2011б, с. 5].	«В центральной части сцены были симметрично разложены <i>зеленые шерстяные подушки “мох”</i> , ограниченные обручами для игры в крокет» [Уортон, 2013, с. 5].	«Посреди располагались симметричные холмики <i>зеленого мха</i> , огороженные воротцами для игры в крокет...» [Уортон, 2017, с. 11].

В двух представленных переводах, авторами которых являются Л. П. Яркова и М. Гребенюк, адвербиальный модификатор опущен. Вариант перевода М. И. Беккер ‘косматого зеленого мха’ с точки зрения симметрии плана содержания и плана выражения является симметричным по отношению к исходной лексической единице. Напротив, В. И. Святкина, основываясь на метафоричности, подчеркивает стилистически окрашенное словосочетание и передает английский контекст как ‘зеленые шерстяные подушки «мох»’.

Третий пример демонстрирует вариант адвербиалии, функционирующей в предложении в качестве определения к поликомпонентному существительному:

(3) “...Newland Archer saw her *white-gloved finger-tips* touch the flowers softly” [Wharton, 2017, p. 5].

Образованное от относительного прилагательного *white-gloved* и сложного существительного *finger-tips* адвербиальное словосочетание содержит наречную характеристику способа представления внешнего вида объекта — ‘кончики пальцев в белых перчатках’. Примечательно, что цветообозначение имеет значение чистоты и непорочности, что подчеркивает другой адвербиальный модификатор *softly*, являющийся детерминантом интенсивности выполнения действия при глаголе *touch*.

Проанализируем примеры перевода (табл. 3).

Таблица 3

Варианты художественного перевода адвербиалии
с компонентом цветообозначения

Перевод М. И. Беккер	Перевод Л. П. Ярковой	Перевод В. И. Святкиной	Перевод М. Гребенюк
«...Ньюленд Арчер увидел, как <i>кончики пальцев в белых перчатках</i> легонько коснулись цветов» [Уортон, 2011, с. 57].	«...Ньюленд Арчер увидел, как <i>кончики ее пальцев в белых перчатках</i> мягко коснулись цветов» [Уортон, 2011б, с. 8].	«...Ньюленд Ачер заметил, как она нежно прикоснулась к цветам <i>кончиками пальцев рук в белых перчатках</i> » [Уортон, 2013, с. 8–9].	«...Ньюленд Арчер заметил, как <i>кончиками пальцев в белых перчатках</i> она нежно поглаживает цветы» [Уортон, 2017, с. 9].

В данном случае перевод с сохранением симметрии в плане выражения невозможен по причине разноструктурности исходного и переводного языков. Адвербиальность представленной лексемы *white-gloved* в русской версии подвергается незначительным видоизменениям, но корневым вариантом у М. И. Беккер, Л. П. Ярковой и М. Гребенюк является словосочетание ‘кончики пальцев в белых перчатках’, тогда как у В. И. Святкиной образ логизируется и конкретизируется в соответствии с правилами русского языка и выражается словосочетанием ‘рук в белых перчатках’. Таким образом, наблюдается симметрия плана содержания и асимметрия плана выражения представленной переводной единицы.

В результате проведенного полиализа перевода удалось установить, что 19 адвербиалий с компонентом цветообозначения оригинального текста имеют 76 вариантов перевода. Из них:

- 1) 25 адвербиалий цветообозначения обладают абсолютной симметрией и рассчитаны по формуле A_S , а именно, сохраняют симметрию обоих планов;
- 2) 37 вариантов перевода переданы частично симметрично по первой формуле асимметрии rA^1 , где симметричным сохраняется план содержания, а план выражения передается асимметрично;
- 3) 6 вариантов перевода переданы частично симметрично по второй формуле асимметрии rA^2 , где симметричным сохраняется план выражения, а план содержания передается асимметрично;
- 4) 8 адвербиалий цветообозначения имеют полную асимметрию rA , возникшую в результате опущения при переводе.

Анализ единиц перевода позволил установить сдвиг симметрии в плане содержания, необходимый для сохранения стиля и структуры исходного текста. Перевод адвербиальных компонентов осуществляется при помощи усложненных структур частей речи, входящих в состав словосочетаний и фраз: сложных прилагательных, существительных с предлогом, поликомпонентных существительных, действительных и страдательных причастий.

Подводя итог, следует отметить, что перевод — это способ трансфера *номинаций* одного языка *средствами* другого, одной культуры в другую культуру. Переводчик играет важную роль в создании «аналога» произведения на языке перевода. От него зависит, насколько «художественным» будет текст и как его воспримет реципиент.

Анализ адвербиалий с компонентом цветообозначения позволил установить сдвиг симметрии в плане содержания, необходимый для сохранения стиля и структуры исходного текста. Перевод адвербиальных компонентов осуществляется при помощи усложненных структур частей речи, входящих в состав словосочетаний и фраз: сложных прилагательных, существительных с предлогом, поликомпонентных существительных, страдательных причастий.

Проведенное путем применения нового подхода «полиализ перевода» исследование оригинального текста E. Wharton *The Age of Innocence* и четырех вариантов его перевода на русский язык позволило констатировать, что выбранные переводчиками единицы перевода не случайны. Алгоритмы, позволяющие определить симметрию/асимметрию в переводном тексте, эффективнее, чем при сравнительно-сопоставительном анализе единиц одного оригинального текста с единственным переводным текстом.

Таким образом, полученные результаты могут стать основой для исследования симметрии/асимметрии, возникающих при перекодировке текста исходного языка на переводной, изучаемой путем применения нового подхода «полиализ перевода» с целью рассмотрения не только адвербиалий с компонентом цветообозначений художественного произведения, но и других компонентов текста. Следовательно, описанный в данной статье метод исследования имеет широкую область применения.

Список источников

1. Горн Е. А. Семантические особенности прилагательных-цветообозначений в сопоставительном аспекте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2013. — № 162. — С. 72–81.
2. Епифанцева Н. Г., Цепелева А. Н. Сопоставительный анализ перевода социокультурного компонента английского художественного текста на русский язык (на примере романа Ch. P. Snow “Corridors of power”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, № 7. — С. 2364–2368.
3. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода : моногр. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. — 228 с.
4. Сдобников В. В. Стратегии художественного перевода: коммуникативно-функциональный подход // Язык, культура, перевод : материалы III междунар. очн.-заочн. науч. конф. — Красноярск, 2016. — С. 124–128.
5. Седых А. П. Интертекстовая синергия литературно-художественной текстокреации // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. — Мозырь, 2019. — С. 20–22.
6. Уортон Э. Век наивности / пер. с англ. М. И. Беккер. — М. : РИПОЛ Классик, 2011а. — 370 с.
7. Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Л. П. Яркина. — М. : Центрполиграф, 2011б. — 370 с.
8. Уортон Э. Век невинности / пер. с англ. В. И. Святкина. — М. : Седьмая кн., 2013. — 410 с.
9. Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. М. Гребенюк. — Барнаул : Фабула, 2017. — 400 с.
10. Macmillan Dictionary. — URL : <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 27.03.2023).
11. Wharton E. *The Age of Innocence*. — NY : W. W. Norton and Company, 2022. — 364 p.

References

1. Gorn E. A. Semantic features of adjectives-color meanings in a comparative aspect. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestiya of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen]. 2013, no. 162, pp. 72–81. (In Russian).
2. Epifantseva N. G., Tsepeleva A. N. Comparative analysis of the translation of the socio-cultural component of the English literary text into Russian (based on the novel by P. Snow “Corridors of power”). *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2022, vol. 15, no. 7, pp. 2364–2368. (In Russian).
3. Ogneva E. A. *Khudozhestvennyy perevod: problemy peredachi komponentov elektronnoy koda: monogr.* [Literary translation: problems of transfer of components of the translation code: monograph]. Belgorod, BelSU Publ. House, 2004, 228 p. (In Russian).
4. Sdobnikov V. V. Strategies of literary translation: a communicative and functional approach. *Yazyk, kul'tura, perevod: materialy III mezhdunar. ochn.-zaochn. nauch. konf.* [Language, culture, translation: materials of the III International intramural and extramural scientific Conference]. Krasnoyarsk, 2016, pp. 124–128. (In Russian).
5. Sedykh A. P. Intertext synergy of literary and artistic textocreation. *Tekst. Yazyk. Chelovek: sb. nauch. tr.* [Text. Language. Person: coll. of scientific works]. Mozyr, 2019, pp. 20–22. (In Russian).
6. Wharton E. *Vek naivnosti* [The Age of naivety]. Transl. from Engl. by M. I. Becker. Moscow, RIPOLL Classic Publ., 2011a, 370 p. (In Russian).
7. Wharton E. *Epokha nevinnosti* [The Age of Innocence]. Transl. from Engl. by L. P. Yarkin. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2011b, 370 p. (In Russian).
8. Wharton E. *Epokha nevinnosti* [The Age of Innocence]. Transl. from Engl. by V. I. Svyatkin. Moscow, Seventh Book Publ., 2013, 410 p. (In Russian).
9. Wharton E. *Epokha nevinnosti* [The Age of Innocence]. Transl. from Engl. by M. Grebenyuk. — Barnaul, Fabula Publ., 2017, 400 p. (In Russian).
10. *Macmillan Dictionary*. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed 27.03.2023).
11. Wharton E. *The Age of Innocence*. NY, W. W. Norton and Company, 2022, 364 p.

Информация об авторе

Неваленя Екатерина Владимировна — ассистент кафедры иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Information about the author

Nevalenaya, Ekaterina — teaching assistant of the Department of Foreign Languages, Belgorod National Research University.

*Статья поступила в редакцию 22.03.2024;
одобрена после рецензирования 28.04.2024;
принята к публикации 07.05.2024.*

*Submitted 22.03.2024;
approved after reviewing 28.04.2024;
accepted for publication 07.05.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 76–87.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):76–87.

Научная статья
УДК 821.111:81'255.2
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.010

**Вариативная передача
контаминированной речи персонажей-немцев
(на материале рассказов О. Генри *The purple dress* и *The last leaf*)**

Алексей Александрович Стрельцов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
al-astr@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется то, как переводчики двух рассказов О. Генри, опубликованных в начале XX века, учитывают в прямой речи особенности произношения немецкоязычных персонажей. Эти персонажи длительное время проживают в США и владеют английским языком на уровне, достаточном для осуществления успешного общения с другими персонажами, для которых этот язык родной. Цель исследования — выявление способов перевода реплик персонажей-немцев, содержащих искажения английской речи. Материалом послужили фрагменты, полученные методом сплошной выборки из семи переводов рассказа *The purple dress* и девяти *The last leaf*. Обозначены как общие черты, характерные для обоих рассказов и большинства их переводов, так и отличия, обусловленные характерами персонажей и индивидуальными особенностями переводчиков.

Ключевые слова: контаминированная речь, ломаная речь, инофон, художественный перевод, вариативность, прием перевода.

Для цитирования: Стрельцов А. А. Вариативная передача контаминированной речи персонажей-немцев (на материале рассказов О. Генри *The purple dress* и *The last leaf*) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 76–87. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.010.

Original article

**Variable transference
of German characters' contaminated English speech
(based on O. Henry's short stories *The purple dress* and *The last leaf*)**

Alexis A. Streltsov

Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia
al-astr@yandex.ru

Abstract. The article features the way translators of O. Henry's two short stories, written in the early XXth century, depict peculiarities of direct speech of German characters, who have lived in the U.S.A. long enough to be able to communicate effectively with other characters, for whom English is their mother tongue. The investigation shows how translators into Russian rendered the broken speech of Germans, who spoke English. With this aim in view, we have selected and analyzed such utterances, picked out from seven translations of *The purple dress* and nine translations of *The last leaf*. We have noted certain common features as well as individual peculiarities, that can be attributed to the personage's or translator's idiosyncrasies.

Keywords: contaminated speech, broken speech, non-native speaker, literary translation, variability, translation means.

For citation: Streltsov A. A. Variable transference of German characters' contaminated English speech (based on O. Henry's short stories *The purple dress* and *The last leaf*). *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 76–87. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.010.

Введение

Творчество американского писателя О. Генри, признанного мастера короткого рассказа, не раз становилось объектом изучения не только литературоведов, но и лингвистов и переводоведов. В частности, рассматривались лексические (см.: [Абросимова, 2005 ; Мухаметшина, 2016]), стилистические (см.: [Жук, 2008 ; Гаибова, Тарасова, 2018 ; Дмитриева, Андрианова, 2020 ; Федченко, 2023]) и другие (см.: [Абросимова, Аминова, 2005 ; Поляков, 2013 ; Малкова, 2016 ; Александрова, 2017]) аспекты перевода, трудности перевода реалий (см.: [Докторевич, 2015 ; Пиотровская, Кекеева, 2018 ; Пешкова, 2019]) и фразеологизмов (см.: [Абросимова, 2006 ; Михеева, Емцева, 2015 ; Иванова, 2018]). В этой статье мы изучим, как советские и российские переводчики передавали контаминированную речь двух персонажей-немцев: портного Шлегеля (*The purple dress*) и художника Бермана (*The last leaf*). Сразу следует отметить, что если название последнего рассказа все девять переводчиков перевели одинаково — калькированием: «Последний лист», то слово purple имеет варианты соответствия: «пурпурное» (В. Маянц, А. Федоров, Т. Иванова), «пурпуровое» (Э. Бродерсен) и даже «алое» (В. Азов, А. Горлин, Н. Собрати); к сожалению, мы не смогли ознакомиться с текстом перевода, выполненного Н. Собрати.

Материалом послужили фрагменты, полученные методом сплошной выборки из семи переводов рассказа *The purple dress* и девяти — *The last leaf*. Хронологически все переводы можно разделить на довоенные (В. Азов, Э. Бродерсен — 1924 год, А. Горлин, Ю. Савельева — 1930-е годы), послевоенные (Н. Дарузес — 1946 год, В. Маянц — 1954 год), современные (К. Михайлов, А. Федоров, Н. Собрати, Т. Иванова, А. Климов), выполненные с 1999 по 2013 год, и новейшие переводы Е. Петровой и А. Матвеевой (2023 год)¹.

Объектом нашего исследования является контаминированная речь персонажей художественных произведений, а предметом — особенности передачи прямой речи персонажей-немцев, содержащей искажения английской речи, на русский язык. Цель исследования состоит в выявлении всех возможных приемов перевода контаминированной речи немецкоязычных персонажей рассказов О. Генри и, прежде всего, регулярных искажений, с английского языка на русский.

Основная часть

Особенности перевода речи портного Шлегеля (The purple dress)

Высказывание Шлегеля составляет один абзац и начинается с междометия “Gott!”, которое Е. Петрова транслитерировала: ‘Готт!’; В. Маянц, А. Федоров и Т. Иванова использовали варианты словарного соответствия: ‘Боже!’ ‘Бог мой!’ и ‘Боже мой!’ соответственно; Э. Бродерсен перевела его как ‘Господи!’; В. Азов и А. Горлин заменили междометие на более экспрессивное ‘Donnerwetter!’. Использование транслитерации а, тем более, слова в иноязычной графике, делает текст менее понятным для не знакомого с немецким языком читателя, но может объясняться нежеланием, в случае В. Азова и А. Горлина, каким-либо образом упоминать Бога в тексте, ориентированном на советского читателя. С другой стороны, такой подход позволяет сохранить авторский замысел. Слова, вводящие прямую речь, “*cried Schlegel, angrily*” все переводчики передали по-разному — вариантами соответствиями, но с использованием перестановки, обусловленной нормами русского языка, а имя собственное передали транскрипцией: ‘сердито/раздраженно закричал/воскликнул/вскрикнул/вскричал Шлегель’.

¹ Переводы рассказа О. Генри *The purple dress* цит. по: [Генри, 1924в, 1925, 1938, 1954, 2000, 2012, 2023б]; рассказа *The last leaf* — по: [Генри, 1924а, б, 1932, 1936, 1999, 2012, 2013, 2023а, [б. г.]] с указанием фамилии переводчика.

Второе предложение содержит искажения: синтаксическое — перестановка вопросительных слов, и фонетическое — замена одной гласной (возможно, по причине отсутствия различия в немецком языке гласных по степени долготы) и опущение другой: “*For what do you look so glum?*”, которые В. Маянц и А. Федоров передали грамматической компенсацией — нарушением согласования (использование формы мужского рода при обращении к девушке): ‘Почему вы такой печальный/грустный?’, а остальные переводчики нейтрализовали: ‘Отчего это у вас такой унылый вид?’ (В. Азов и А. Горлин), ‘Почему вы так печальны?’ (пер. Э. Бродерсен); в последних по времени переводах использовалось целостное переосмысление: ‘Что за печаль?’ (Е. Петрова), ‘Что вы так переживаете?’ (Т. Иванова).

Затем портной допускает ошибку в речи, использовав местоимение мужского рода вместо среднего; это объясняется тем, что в немецком языке слово *платье* мужского рода: “*Take him away. He is ready*”. Большинство переводчиков передали эти два коротких предложения как ‘Берите/Возьмите/Забирайте его. Он(о) готов(о)’, тогда как В. Азов и А. Горлин заменили местоимение сочетанием местоимения и существительного: ‘Заберите ваше платье’, а А. Горлин сделал предложение восклицательным. Таким образом, они точно передают манеру речи персонажа, который старается высказываться кратко и по существу. Наиболее многословный перевод у Е. Петровой: ‘Получите уже ваш костюмчик’, что обусловлено употреблением усилительной частицы и использованием вместо слова *платье* обозначения другого предмета одежды — костюма, и добавлением уменьшительного суффикса. С другой стороны, такая замена сделала оправданным перевод ‘Он готов’, тогда как у Э. Бродерсен в этом же нераспространенном предложении сохраняется нарушение в речи о неодушевленном предмете: “*He*” — ‘Он’. А. Федоров тоже постарался передать искажение, но прибег к компенсации, поставив глагол следующего предложения, “*Pay me some time*”, в неличную форму вместо формы повелительного наклонения: ‘Платить когда-нибудь потом’. Это же предложение В. Азов и А. Горлин передали как ‘Когда-нибудь заплатите’, а В. Маянц — ‘Платите когда-нибудь’. Остальные переводчики в той или иной мере прибегли к добавлениям: ‘Вы заплатите, когда вам будет удобно’ (Э. Бродерсен), ‘Заплатите потом как-нибудь’ (Т. Иванова), а Е. Петрова — к смысловому развитию: ‘А деньги — в другой раз’.

Следующее предложение представляет собой риторический (эмоционально-отрицательный) вопрос: “*Haf I not seen you pass mine shop every day in two years?*”, и содержит два нарушения: оглушение конечного согласного в первом слове и использование абсолютной формы притяжательного местоимения (последнее объясняется ее созвучностью с притяжательным местоимением в немецком языке); также в этом предложении использовано сложное дополнение в сочетании с настоящим совершенным временем, хотя правильнее было бы использовать настоящее совершенное длительное время. Переводчики В. Маянц и А. Федоров использовали грамматическую компенсацию: ‘Разве не вы каждый день ходит мимо моя лавка... / Разве вы не ходите мимо мой лавка...’ — в одном случае нарушено согласование подлежащего (местоимение 2-го л. ед. ч.) и личной формы глагола (3-го л. ед. ч.) и согласование по падежу, а во втором использована неличная форма — инфинитив, и нарушено согласование по роду. Остальные переводчики не передали контаминацию: В. Азов и А. Горлин предложили следующий вариант: ‘Разве я не вижу, как/что вы проходите мимо моего магазина каждый день уже два года?’; перевод Э. Бродерсен отличается порядком слов: ‘Разве я не вижу уже целые два года, как вы ежедневно проходите мимо моей мастерской?’ Также Э. Бродерсен единственная использовала наречие ‘ежедневно’, добавила слово ‘целый’ для усиления и перевела слово *shop* как ‘мастерская’, что не представляется нам правильным: едва ли портной, который в одиночку (про наличие других работников в его заведении не упоминается) шил одежду, являлся хозяином магазина. В последних по времени переводах отказались от частицы *разве*: ‘Будто вы не ходите мимо моего магазина вот уже два года?’ (Т. Иванова), ‘Или я не вижу, как вы два года идете туда-сюда?’ (Е. Петрова); в последнем случае переводчик опустил указание места, мимо которого проходит героиня рассказа.

Затем портной задает еще один риторический вопрос, но на этот раз представленный не отрицательным, а условным предложением: “*If I make clothes is it that I do not know how to read peoples because?*” Только А. Федоров компенсировал фонетическую и морфологическую контаминацию грамматически, заменив глагол в личной форме на инфинитив: ‘Если я шить платья, разве не могу знать людей?’ Остальные переводчики нейтрализовали данную трудность, причем наиболее близки к вышеупомянутому переводы В. Маянц и Т. Ивановой: ‘Если я шью платья, то разве я не знаю людей?’, тогда как остальные в той или иной мере использовали добавления и варианты соответствия глагола *know*: ‘Вы думаете, если я шью платья, то я уже не умею различать людей?’ (Э. Бродерсен); ‘Оттого, что я шью платья, я не должен понимать людей?’ (В. Азов и А. Горлин). Почти все конкретизировали словосочетание *make clothes* — ‘шить платья’, и только Е. Петрова использовала смысловое развитие данного

словосочетания, одновременно заменив глагол *know* фразеологизмом: ‘Если мое дело — кройка и шитье, я что, не вижу заказчика насквозь, а?’

Следующее предложение, “*You will pay me some time when you can*”, не содержит искажений, но В. Маянц и А. Федоров посчитали необходимым использовать форму настоящего времени и инфинитив, соответственно: ‘Вы платите/платить мне, когда можете’. В. Азов и А. Горлин перевели предложение почти дословно: ‘Вы мне потом заплатите, когда сможете’, а Т. Иванова изменила порядок слов и опустила местоимения: ‘Заплатите как-нибудь потом, когда сможете’. Э. Бродерсен и Е. Петрова посчитали возможным его опустить.

Предложение “*Take him away*” является повтором третьего предложения в абзаце, и В. Маянц, А. Федоров и Т. Иванова перевели его точно так же. В. Азов и А. Горлин опустили местоимение, Э. Бродерсен заменила местоимение на существительное ‘костюм’; Е. Петрова представила вольный перевод: ‘Ну так вы будете забирать, или мне забыть вас навсегда’.

Следующее предложение является сложносочиненным, разделенным точкой с запятой, поэтому его перевод целесообразно проанализировать по частям. Первая, “*He is made goot*”, содержит то же грамматическое искажение, что и в четвертом предложении, — использование местоимения мужского рода вместо среднего, а также фонетическое — оглушение конечного согласного, из-за чего наречие должно звучать почти как немецкий аналог *gut*. Почти все переводчики нейтрализовали контаминацию: ‘Оно удачно сшито’ (В. Маянц, Т. Иванова); ‘Оно сшито хорошо’ (А. Федоров); ‘Оно мне очень удалось’ (В. Азов, А. Горлин); в последнем случае использовано добавление и замена широкозначного глагола с наречием одним глаголом с положительной коннотацией (стяжение). Е. Петрова использовала добавление, конкретизацию и замену наречия: ‘Вещь таки пошита на совесть’. Э. Бродерсен также предпочла замену наречия, но обратилась к словарному соответствию при передаче глагола и местоимения, в последнем случае постаравшись частично передать искажение: ‘Он сделан как следует’.

Во второй части, “*and if you look pretty in him all right*”, содержится фонетическое искажение: озвончение начального согласного перед сонорным согласным. Только В. Маянц и А. Федоров компенсировали ее грамматически — нарушением согласования в числе: ‘(и) если вы будет хорошенькая/миленькая в нем — (очень) хорошо’. В. Азов и А. Горлин опустили союз и наречие: ‘Вы будете в нем очень хорошенькой’, сделав предложение из условного утвердительным. Э. Бродерсен сохранила условность, но заменила прилагательное существительным, а наречие — отдельным предложением: ‘и если вы будете в нем красавицей, я буду очень рад’, прибегнув к смысловому развитию; Т. Иванова также заменила прилагательное *pretty* существительным, но, как В. Азов и А. Горлин, опустила союз и наречие: ‘и вы в нем будете красавицей’. Перевод Е. Петровой является вольным: ‘и вам подходит, как я не знаю что’.

Предпоследнее предложение состоит из одного слова “*So*”, которое перевели как частицу: В. Маянц и Т. Иванова — ‘Вот’, В. Азов и А. Горлин — ‘Да’, А. Федоров — ‘Всё’, и только Е. Петрова — ‘Держите’. Э. Бродерсен опустила это и последнее предложение, “*Pay me when you can*”; В. Азов, А. Горлин и Т. Иванова передали его как ‘Заплатите, когда сможете’; Е. Петрова добавила союз и использовала однокоренной глагол: ‘А расплатитесь, когда сможете’; перевод В. Маянц отличается отсутствием приставки, тогда как А. Федоров поставил глагол в неличную форму: ‘Платить когда можете’. Также следует отметить, что В. Азов, А. Горлин и Е. Петрова поставили в конце абзаца вместо точки многоточие, что предполагает незаконченность высказывания, хотя сам персонаж постарался высказаться как можно более определенно по вопросу оплаты.

Таким образом, только В. Маянц и А. Федорову удалось отчасти сохранить речевую специфику второстепенного персонажа рассказа, тогда как остальные, возможно, сочли саму фамилию (Шлегель) достаточным указанием на его национальность, а местами вольный перевод Е. Петровой скорее напоминает еврейский говор, запечатленный в «Одесских рассказах» И. Бабеля. Все переводчики использовали различные приемы перевода, но нам не удалось установить изменение репертуара переводческих решений за прошедшие сто лет на примере проанализированного фрагмента.

Особенности перевода речи художника Бермана (The last leaf)

Высказывание Бермана составляет два абзаца, первый из которых начинается с восклицания “*Vass!*”, что является искаженной формой немецкого “*Was!*”. Последнюю использовали в своих переводах В. Азов, А. Горлин и Ю. Савельева; А. Матвеева транслитерировала оригинальное высказывание: ‘Васс!'; Э. Бродерсен, Н. Дарузес и Т. Иванова перевели это слово как ‘Что!'; К. Михайлов использовал добавление: ‘Что такое!'; А. Климов заменил слово: ‘Как!'. Использование транслитерации, а тем более

слова в иноязычной графике, как мы уже отмечали выше, делает текст менее понятным для не знакомого с немецким языком читателя, но позволяет сохранить авторский замысел. Репарку *“he cried”* все передали дословно, с перестановкой: ‘кричал он’ (Ю. Савельева, Н. Дарузес, К. Михайлов, А. Матвеева), ‘закричал он’ (Э. Бродерсен), или с использованием вариантных соответствий: ‘воскликнул он’ (В. Азов и А. Горлин), ‘орал он’ (А. Климов), и только Т. Иванова предпочла окказиональное соответствие: ‘разорялся он’.

Следующее предложение представляет собой риторический вопрос с несколькими разноуровневыми нарушениями: фонетическим искажением — альвеолярный [d] вместо межзубного [ð] (отсутствующего в немецком языке), грамматическим — нарушение согласования в числе, и лексическим — иноязычное вкрапление: *“Is dere people in de world mit der foolishness to die because leafs dey drop off from a confounded vine?”* Только двое переводчиков постарались отчасти их передать, но лишь фонетически: ‘Неужели есть люди на свете, такие глупые, что хотят умирать, потому что падают листья с какого-то проклятого плюща?’ (Ю. Савельева) и ‘Неушели в мире есть люди, которые совершают такую глупость, как умирать из-за того, что листья опадают с проклятого плюща?’ (А. Матвеева) — в первом случае гласный [y] заменен на йотированный [ju], а во втором звонкий щелевой [ж] заменен глухим [ш]. Также Ю. Савельева осуществила частеречную замену *foolishness* — ‘глупые’, и добавила глагол ‘хотеть’, тогда как А. Матвеева добавила глагол ‘совершать’, что обусловлено требованиями русского языка для данного словосочетания. Есть еще один перевод, начинающийся с ‘неужели’: ‘Неужели на свете есть такие глупые люди, которые умирают из-за того, что падают листья с какого-нибудь дурацкого плюща?’ (Э. Бродерсен). Первая часть предложения отличается от перевода Ю. Савельевой порядком слов и отсутствием компенсации фонетического искажения, во второй части инфинитив *to die* передан определительным придаточным предложением, а слово *confounded* переведено как ‘дурацкий’, что не является соответствием. В. Азов и А. Горлин используют стяжение, переводя словосочетание *“people... mit der foolishness”* как ‘дураки’ и ‘дуры’ соответственно, что является единственным отличием, кроме порядка слов, в их переводах: ‘могут быть на свете такие дураки / На свете могут быть такие дуры, которые способны умереть из-за того, что падают с какого-то проклятого плюща / с какого-то проклятого плюща падают листья?’ Также они сделали первую и вторую часть предложения модальными: ‘могут быть... способны умереть’, что отсутствует в оригинале и не встречается в других переводах.

Все остальные перевели слово *foolishness* словарным соответствием ‘глупость’, опустив слово *люди*: ‘Возможна ли такая глупость’ (Н. Дарузес); ‘Что еще за глупость и бред’ (К. Михайлов); ‘Что за глупость’ (Т. Иванова); ‘Где это видана такая глупость’ (А. Климов); в некоторых случаях переводчики прибегли к добавлениям, иногда избыточным. Почти у всех переводчиков после этого стоит тире и глагол в неличной форме ‘умирать/помирать из-за/оттого’, и только Т. Иванова перевела первую часть предложения обстоятельством придаточным: ‘чтобы люди умирали от того’. Она и Н. Дарузес почти одинаково перевели вторую часть предложения: ‘что листья падают с (какого-то) проклятого/поганого плюща!’, только Т. Иванова передала артикль местоимением, как В. Азов, Э. Бродерсен, А. Горлин и Ю. Савельева, и использовала слово ‘поганый’, которое не является соответствием причастия *confounded*. К. Михайлов и А. Климов единственные, кто перевели глагол *fall* как ‘сыпаться’: ‘с этого чертова плюща сыплются листья! / плющ осыпается...’ К. Михайлов тоже не стал переводить слово *confounded* соответствием, тогда как А. Климов заменил причастие даже не прилагательным, а словосочетанием-проклятием: ‘будь он трижды проклят!’

Сам говорящий дает отрицательный ответ на свой вопрос, при этом допуская фонетическое искажение — оглушение конечного согласного: *“I haf not heard of such a thing”*, которое Ю. Савельева передала смягчением конечного согласного: ‘В жизни не слышала такого’. Трое использовали сочетание отрицательных наречий ‘никогда ничего’ с частицей ‘не’: ‘Я никогда ничего подобного не слышал!’ (В. Азов и А. Горлин), ‘Никогда ничего такого не слышал!’ (Т. Иванова); перевод А. Климова близок к варианту В. Азова и А. Горлина: ‘Сроду ничего подобного не слышал!’ Трое других прибегли к антонимическому переводу: ‘Я первый раз это слышу’ (Э. Бродерсен), ‘Первый раз слышу’ (Н. Дарузес), ‘Первый раз в жизни такое слышу!’ (К. Михайлов), причем Н. Дарузес использовала опущение, а К. Михайлов — наоборот, добавление ‘в жизни’, которое встречается и в переводе Ю. Савельевой. Перевод А. Матвеевой ближе всего к оригиналу: ‘Я никогда о таком не слышал’. На примере этих трех предложений можно предположить, что большинство переводчиков сочли более важным передать эмоциональную оставляющую речи персонажа в ущерб авторскому замыслу: в оригинальном произведении Берман допускает много фонетических искажений, которые указывают на его немецкоязычность и помогают косвенно раскрыть его характер, не соответствующий стереотипным представлениям о немецкой сдержанности.

Следующее предложение также является отрицательным, поскольку представляет собой отказ: “*No, I will not bosc as a model for your fool hermit-dunderhead*”. В нем содержится фонетическое искажение — озвончение начального согласного перед гласным, которое Ю. Савельева передала синкопой и нарушением согласования по падежу: ‘Нет, я не буду позировать для ваш дурацкий шахтер’. А. Матвеева использовала оглушение начального согласного и отрицание конечного: ‘Нет, не стану я позировать для фашего дурацкого отшельника-болвана’. Глагол *will* используется как для образования форм будущего времени, так и как модальный, для выражения решимости в совершении действия; поэтому В. Азов и А. Горлин перевели первую часть предложения как ‘Нет, я не буду позировать вам’, Э. Бродерсен — как ‘Нет, я не хочу позировать’, Н. Дарузес и Т. Иванова — ‘Нет, не желаю позировать’, а А. Климов и А. Матвеева — ‘Нет... не стану я позировать’; А. Климов, кроме того, добавил для усиления ‘даже не просите’. При этом все переводчики опустили *as a model* в связи с избыточностью.

Вторую часть предложения перевели так: ‘для вашего тупоголового олуха отшельника’ (В. Азов, А. Горлин); ‘для вашего идиота-отшельника’ (Н. Дарузес, Т. Иванова); ‘изображая вашего идиота-одиночку’ (К. Михайлов); ‘дурацкий отшельник-болван’ (А. Матвеева). Остальные не стали переводить слово *hermit* и конкретизировали род занятий модели: ‘нелепый рудокоп’ (Э. Бродерсен), ‘дурацкий шахтер’ (Ю. Савельева), ‘кретин-золотоискатель’ (А. Климов). С одной стороны, такой перевод нельзя признать точным, с другой — выше по тексту указывался род занятий модели: *hermit miner*, поэтому первые два варианта следует считать контекстуальными соответствиями; также нужно учитывать, что в шахте обычно работают группой, однако одинокий старатель — явление нередкое, и вариант А. Климова можно признать смысловым развитием.

Затем следует еще один риторический вопрос: “*Vy do you allow dot silly pusiness to come in der prain of her?*”, содержащий ранее встречавшиеся фонетические искажения: замену губно-губного полугласного [w] (отсутствующего в немецком языке) губно-зубным фрикативным [v] и межзубного [ð] альвеолярным [d], а также оглушение начального согласного [b]. Ю. Савельева и А. Матвеева передали их по-своему: в первом слове обе заменили аффрикату [ч'] щелевым [ш], но если А. Матвеева и дальше использовала тот же прием, на этот раз заменяя звонкий [в] парным глухим: ‘Пошему вы позволяете ей забифать сфою голову такой ерундой?’, то Ю. Савельева, хотя и вновь заменила гласный [y] на йотированный [ju], параллельно компенсирует перевод грамматическими средствами, используя форму повелительного наклонения и нарушение согласования по падежу: ‘Пошему вы позволяй ей приходить в голова такие глупые вещи?’ Остальные переводчики никак не передали искажения в речи, но по-разному отобрали другие трудности. Так, словосочетание “*dot silly pusiness*” почти все, кроме Ю. Савельевой, перевели опущением определяемого слова с частеречной заменой: ‘такие глупости / такая глупость’, ‘такая/подобная чепуха’ и ‘такая ерунда’; К. Михайлов опустил все, кроме указательного местоимения. Половина переводчиков сохранила настоящее время и передала инфинитивное словосочетание “*allow to come in der prain*” как ‘позволяете забирать в / забивать голову’: ‘Как вы позволяете ей забирать в голову такие глупости?’ (В. Азов, А. Горлин); ‘(Да) Как (же) вы позволяете ей (девчужке) забивать (себе) голову такой чепухой?’ (Н. Дарузес, добавления в скобках — А. Климов); Э. Бродерсен и К. Михайлов использовали прошедшее время и глагол ‘вбить’: ‘Как вы позволили ей / ей позволили вбить (это) себе в голову (такую глупость)?’; Т. Иванова сочетает оба варианта: ‘Как вы позволили, что у нее голова забита подобной чепухой?’

В следующем предложении отмечается замена гласной и межзубного [ð] альвеолярным [d]: “*Ach, dot poor lettle Miss Johnsy*”. Никто из переводчиков не стал передавать искажения, и большинство представило следующий, почти дословный (опущено местоимение) перевод: ‘Ах, бедная маленькая мисс Джонси’. А. Климов заменил междометие на ‘черт’, Ю. Савельева использовала частеречную замену ‘малютка’, К. Михайлов сделал и то, и другое, и опустил обращение: ‘О-о, бедная малышка Джонси!’

Следующий абзац начинается с восклицания: “*You are just like a woman!*”, которое большинство перевели как ‘Вы настоящая женщина!’, а двое заменили личное местоимение на указательное: ‘Вот (она) настоящая женщина!’ Два других перевели сочетание наречие + предлог другим прилагательным: ‘Вот истинная женщина!’ (К. Михайлов) и ‘Вы типичная женщина!’ (А. Матвеева). Эти два варианта перевода правильнее, поскольку говорящий вкладывает в реплику негативную коннотацию, а в большинстве переводов его слова звучат как комплимент. Вариантов перевода глагола *yelled* гораздо больше: ‘завопил’ (В. Азов, А. Горлин), ‘закричал’ (Н. Дарузес, А. Матвеева), а также ‘заорал, заревел, возопил, воскликнул’. К. Михайлов перенес реплику ‘вскричал Берман’ в конец следующего предложения: “*Who said I will not bosc?*”, в котором снова встречается фонетическое искажение — озвончение начального согласного перед гласным. Все переводчики его нейтрализовали, при этом почти все перевели его

как ‘Кто (вам) сказал, что я не хочу/буду позировать?’ (подробнее о двух способах перевода глагола *will* мы писали выше), и только А. Климов использовал прием антонимического перевода: ‘Да кто вам сказал, что я отказываюсь позировать?’

Дальше идут два предложения — повелительное и простое, содержащее вкрапление: “*Go on. I come mit you*”. Только Ю. Савельева и А. Матвеева передали лексическое искажение, но первая заменила форму глагола и заменила конечный согласный на мягкий: ‘Идите. Я пошел за вами’, а вторая оглушила начальный согласный: ‘Валяйте. Я иду с фаами’. При этом обе использовали форму императива, нейтральную и разговорную, тогда как остальные использовали гортатив: ‘Идем. Я иду с вами’ (Н. Дарузес, Т. Иванова), в том числе с добавлением и заменой времени: ‘Идите к себе! Я пойду с вами’ (В. Азов, А. Горлин). А. Климов опустил оба предложения, К. Михайлов — только второе, добавив в первом наречие: ‘Немедленно идем!’, тогда как в переводе Э. Бродерсен неверный выбор окказионального соответствия и замена предлога меняют смысл предложения: ‘Ступайте. Я приду к вам!’

В следующем, сложноподчиненном предложении имеется несколько фонетических искажений: оглушение и озвончение согласных, а также замена межзубного [ð] альвеолярным [d]: “*For half an hour I haf peen trying to say dot I am ready to bose*”. Ю. Савельева и Э. Бродерсен передали искажение только глагола *to bose* так же, как и выше по тексту. Поскольку главное предложение — в настоящем совершенном продолженном времени, в переводе его заменили настоящим, добавив слова ‘целый’ и (или) ‘уже’: ‘Я целых полчаса твержу вам, что я готов позировать’ (В. Азов, А. Горлин); вариант Э. Бродерсен отличается порядком слов и заменой прилагательного наречием: ‘Я вам полчаса уже твержу...’ Наиболее точно инфинитивное словосочетание передала А. Матвеева: ‘...я пытаюсь сказать...’, отчасти это сделала Ю. Савельева: ‘...стараюсь доказать’, использовав не свойственное глаголу *to say* значение; Т. Иванова и А. Климов поступили так же, выбрав глаголы ‘объяснять’ и ‘убеждать’ в личной форме; Н. Дарузес передала инфинитив основным соответствием: ‘...я говорю...’, а К. Михайлов — вариантным соответствием: ‘я толкую’, также с помощью личной формы. В придаточном предложении А. Матвеева добавила слово ‘идти’, тогда как Н. Дарузес, К. Михайлов и А. Климов передали *to be ready* как модальный: ‘что (я) хочу позировать’.

Дальше следует междометье “*Gott!*”, которое Ю. Савельева трансплантировала, В. Азов и А. Горлин заменили другим немецкоязычным междометием с противоположным смыслом — ‘Teufel!’; А. Матвеева использовала транслитерацию с добавлением ‘Майн готт!’, а остальные перевели, но также с добавлением местоимения: ‘Боже/Бог мой’. В данном случае сделанную В. Азовым и А. Горлиным замену едва ли можно объяснить атеистической идеологией советских времен, поскольку вместо Бога упоминается его столь же «не существующий» антагонист.

Следующее за ним предложение имеет несколько фонетических искажений: замена межзубного [ð] альвеолярным [d], озвончение начального и оглушение конечного согласного, замена смычно-щелевой аффрикаты [dʒ] (отсутствующей в немецком языке) среднеязычным сонорным согласным [j], кроме того, персонаж использует неопределенное местоимение вместо неопределенного артикля: “*dis is not any blace in which one so goot as Miss Yohnsy shall lie sick*”. А. Матвеева компенсирует их единственным случаем оглушения: ‘чтопы’, тогда как Ю. Савельева передает их грамматически — нарушением согласования по роду: ‘Такой хороший барышня, как мисс Джонси, не должен лежать больной’; также она опустила главное предложение. Подобным образом поступил А. Климов, преобразовавший придаточное предложение в риторический вопрос: ‘Разве можно позволить болеть такой славной девушке, как мисс Джонси?’ По-своему переосмыслил это предложение К. Михайлов: ‘ведь тут нельзя жить такой милой девушке, как мисс Джонси... Тут место неподходящее...’, разбив предложение на два и заменив инфинитивное словосочетание *to lie sick* на ‘жить’. Э. Бродерсен также прибегла к членению и заменам, и результат можно охарактеризовать как перевод на третьем уровне эквивалентности: ‘Какой паршивый этот Нью-Йорк! Только в таком гнусном городе мисс Джонси и могла захворать’. Вариант В. Азова и А. Горлина гораздо ближе к оригиналу: ‘Это совсем неподходящее место, чтобы в нем хворало такое прелестное существо, как мисс Джонси’; оба они ограничились заменой местоимений *any* и *one* именными частями речи. Еще более точным является перевод Н. Дарузес и Т. Ивановой: ‘Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси’. Словосочетание *one so good* не содержит указаний на внешность, поэтому его правильно было бы передать как ‘хорошая/славная/милая девушка/барышня’, а не ‘хорошенькая девушка’ (А. Матвеева) или ‘прелестное существо’.

В предпоследнем предложении содержатся ранее встречавшиеся фонетические искажения: замена губно-губного полугласного [w] губно-зубным фрикативным [v] и озвончение начального согласного перед гласным: “*Some day I vill baint a masterpiece, and ve shall all go away*”. Ю. Савельева передала

их нарушением согласования по роду: ‘Когда-нибудь я напишу великий произведение...’; следующее предложение только она перевела дословно: ‘и мы все уедем’, тогда как остальные переводчики добавили наречие ‘отсюда’. Перевод первой части сложносочиненного предложения Т. Ивановой — ‘Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда’ — можно считать основным; варианты В. Азова / А. Горлина и К. Михайлова отличаются добавлением местоимений ‘мой’ и ‘свой’ соответственно; А. Климов добавил частицы ‘нет’ и ‘все-таки’, а во второй части предложения — словосочетание ‘этой дыры’. А Матвеева заменила глагол ‘напишу’ на ‘создам’, что является генерализацией; а Э. Бродерсен конкретизировала слово ‘шедевр’: ‘напишу чудную картину’; также только она и А. Горлин добавили во второй части предложения наречие ‘тогда’.

Заключительную фразу “*Gott! yes!*” А. Горлин опустил, трое использовали смешанный перевод: ‘Teufel! Да!’ (В. Азов); ‘Да, Gott!’ (Ю. Савельева); ‘Майн готт! О да’ (А. Матвеева). Н. Дарузес и Т. Иванова использовали повтор полукальки: ‘Да, да’; Э. Бродерсен и К. Михайлов заменили сочетание междометия и частицы наречиями ‘непременно’ и ‘обязательно’ соответственно; А. Климов применил разговорное словосочетание ‘Истинная правда!’

Таким образом, только Ю. Савельевой и А. Матвеевой удалось отчасти сохранить речевую специфику персонажа рассказа, тогда как остальные, возможно, сочли достаточным передать экспрессивность речи персонажа, не отображая содержащиеся в ней искажения, указывающие на его национальную принадлежность. Это не соответствует авторскому замыслу, поскольку не показан контраст между ожидаемым поведением персонажа и его словами и, в дальнейшем, поступками. При всем разнообразии приемов перевода объем материала не позволяет выявить устойчивые хронологические тенденции переводческих решений, поскольку, например, отказ от упоминания Бога в некоторых изданиях советской эпохи может быть личным предпочтением переводчика.

Заключение

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ позволил нам сделать несколько общих и частных выводов:

Общим в обоих проанализированных фрагментах является следующее:

1. В обоих рассказах место действия — город Нью-Йорк, время действия — рубеж XIX и XX веков. Разговор происходит в помещении, участвуют в нем немолодой немец-эмигрант и американская девушка.

2. Инициатором в обоих рассказах выступает девушка, но ее начальная реплика передана косвенной речью, тогда как слова собеседника — прямой. Речь немцев-эмигрантов эмоциональна, содержит междометия-вкрапления и риторические, в частности экспрессивно-отрицательные, вопросы.

3. Прямая речь обоих немцев-персонажей контаминирована, но общими чертами у них является озвончение начального [p] до [b] и оглушение конечных [v] и [d] до [f] и [t] соответственно.

4. В. Азов, А. Горлин, Э. Бродерсен и Т. Иванова указаны переводчиками обоих проанализированных рассказов, но переводы первых двух настолько близки, что можно говорить о незначительной редакции А. Горлиным более раннего перевода В. Ашкенази (псевдоним — Азов).

5. Переводы обоих рассказов В. Азова и Э. Бродерсен являются самыми ранними по срокам публикации, но при этом существенно отличаются друг от друга: первый стремился, по возможности, переводить близко к тексту, тогда как вторая часто применяла опущения, добавления и грамматические замены.

6. Большинство переводчиков каждого анализируемого рассказа нейтрализовали искажения в речи персонажей-немцев. При этом почти все прибегали к опущениям и добавлениям, использовали, пусть и не всегда уместно, вариантные соответствия тех или иных слов, а также прием конкретизации; стяжение, генерализация, частичная замена, смысловое развитие, целостное переосмысление и антонимический перевод встречаются в переводах проанализированных фрагментов гораздо реже.

Имеют место и отличия:

1. Речь художника Бермана (*The last leaf*) больше по объему, вследствие чего в ней представлено большее количество фонетических искажений, а также она более эмоциональна. В ней отмечаются не свойственные речи портного Шлегеля искажения: замена губно-губного полугласного [w] губно-зубным фрикативным [v] и межзубного [ð] альвеолярным [d], оглушение начального согласного [b] до [p], а также использование иноязычного вкрапления — местоимения *mit*.

2. Замены гласных в речи Шлегеля и Бермана являются единичными.

3. Переводы рассказа *The purple dress* В. Маянца и А. Федорова относительно близки, что предполагает знакомство последнего с более ранним переводом. В свою очередь перевод рассказа *The last leaf* Т. Ивановой частично совпадает с более ранним переводом Н. Дарузес.

4. Только двое переводчиков каждого рассказа постарались передать искажения в речи немецкоязычных персонажей, говорящих по-английски: В. Маянец и А. Федоров (*The purple dress*) и Ю. Савельева и А. Матвеева (*The last leaf*), причем первые два переводчика пытались компенсировать фонетические и грамматические искажения только грамматическими средствами (нарушение согласования по роду, числу или падежу, использование инфинитива вместо личной формы глагола), тогда как вторые — сочетать их с фонетическими искажениями (преимущественно оглушением согласных).

5. Только А. Матвеева постаралась передать фонетические искажения в англоязычной речи художника Бермана симметричными русскоязычными искажениями: заменой [в], [б] и [ж] на [ф], [п] и [ш] соответственно, а также отвержением конечного согласного [т].

6. При передаче междометий разными переводчиками использовалась как трансплантация и замена междометия, так и транскрипция или транслитерация, а также семантический перевод.

7. Перевод фрагмента рассказа (*The purple dress*) Е. Петровой является наименее точным из всех проанализированных нами. К тому же в ее переводе немец Шлегель становится «десситом».

Список литературы

1. Абросимова Н. А. Проблема выбора синонимов при переводе на русский язык (на примере рассказов О. Генри и их переводов) // Сопоставительная филология и полилингвизм : материалы II всерос. науч.-практ. конф. — Казань : Каз. гос. ун-т, 2005. — С. 11–12.
2. Абросимова Н. А. Некоторые проблемы перевода фразеологизмов на русский язык (на примере рассказов О. Генри) // И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания : тр. и материалы III междунар. Бодуэновских чт. : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань : Каз. гос. ун-т, 2006. — С. 118–119.
3. Абросимова Н. А., Аминова А. А. Языковые особенности перевода комических текстов (на материале рассказов О. Генри) // Мост: язык и культура. — 2005. — № 16. — С. 47–50.
4. Александрова Е. С. Гендерная специфика перевода художественного текста (на материале переводов рассказов О. Генри) // Наука сегодня: теория, практика, инновации : материалы XXIII междунар. науч.-практ. конф. — Астрахань : Олимп, 2017. — С. 11.
5. Гаибова Л. С., Тарасова Ф. Х. Особенности перевода языковой игры на материале рассказов О. Генри // Актуальные проблемы филологии XXI века : материалы II всерос. науч.-практ. конф. — Набережные Челны, 2018. — С. 71–76.
6. Генри О. Последний лист // Шуми-городок над Подземкой / пер. В. Азова. — Л. ; М., 1924а.
7. Генри О. Собрание сочинений // Lib.Ru. — Последний лист (пер. Э. Бродерсен). — 1924б ; Пурпурное платье (пер. Э. Бродерсен). — 1924в ; Алое платье (пер. В. Азова). — 1925. — URL : <http://az.lib.ru/o/ogenri/> (дата обращения: 18.05.2024).
8. Генри О. Последний лист // Избранные новеллы / пер. А. Горлина. — М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932.
9. Генри О. Последний лист // Рассказы / пер. Ю. Савельевой. — М. : Худож. лит., 1936.
10. Генри О. Алое платье // Новеллы / пер. А. Горлина. — М. : Молодая гвардия, 1938. — URL : <https://skazki.rustih.ru/o-genri-aloe-plate/?ysclid=ln7ov52np5728798045> (дата обращения: 18.05.2024).
11. Генри О. Пурпурное платье / пер. В. Маянца. — 1954. — URL : <https://poesias.ru/proza/ogenri/ogenri10045.shtml?ysclid=ln7owmlryq839530262> (дата обращения: 18.05.2024).
12. Генри О. Последний лист // Избранное / пер. К. Михайлова. — Ростов н/Д. : Феникс, 1999.
13. Генри О. Пурпурное платье // Капуста и короли / пер. А. Федорова. — Ростов н/Д. : Феникс, 2000.
14. Генри О. Капуста и короли / пер. Т. Ивановой. — Харьков : Фолио, 2012.
15. Генри О. Последний лист // Вождь краснокожих / пер. А. Климова. — Харьков ; Белгород : Клуб семейного досуга, 2013.
16. Генри О. Последний лист // Дары волхвов / пер. А. Матвеевой. — М. : Эксмо, 2023а.
17. Генри О. Пурпурный наряд // Дороги, которые мы выбираем. 50 лучших рассказов / пер. Е. Петровой. — СПб. : Азбука ; М. : Азбука-Аттикус, 2023б.
18. Генри О. Последний лист / пер. Н. Дарузес. — [Б. г.]. — URL : <https://ilibrary.ru/text/4319/p.1/index.html?ysclid=lwv7ikzsvy300609471> (дата обращения: 18.05.2024).
19. Дмитриева В. А., Андрианова Е. В. К особенностям перевода некоторых стилистических средств в рассказах О. Генри // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. — Киров, 2020. — С. 55–60.

20. Докторович И. С. Некоторые языковые реалии в рассказах О. Генри и способы их перевода на русский язык // Университетские чтения — 2015 : материалы науч.-метод. чт. ПГЛУ. — Пятигорск, 2015. — С. 102–109.
21. Жук Е. Е. Комические каламбуры и их перевод (на материале рассказов О. Генри) // PR в России: образование, тенденции, международный опыт : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. — Краснодар : Юг, 2008. — С. 110–113.
22. Иванова Н. В. Особенности перевода фразеологических единиц в рассказе О. Генри «Вождь краснокожих» // Наука и культура в условиях глобализации : материалы II междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2018. — С. 164–168.
23. Малкова А. О. Особенности перевода на русский язык лингвокультурологических аспектов в рассказах О. Генри // Всероссийский студенческий конвент «Инновация» : сб. материалов. — Иваново, 2016. — С. 237–241.
24. Михеева С. В., Емцева Е. П. Способы перевода фразеологизмов в рассказах О. Генри // Современная филология : материалы IV междунар. науч. конф. — Уфа : Лето, 2015. — С. 111–114.
25. Мухаметшина А. С. Лексические особенности в переводах на русский язык в рассказах О. Генри // Язык: категории, функции, речевое действие : материалы IX науч. конф. с междунар. участием : в 3 ч. — М., 2016. — Ч. 2. — С. 182–185.
26. Пешкова Д. Ю. Особенности перевода английских этнографических слов-реалий на русский язык (на примере рассказов О. Генри) // Филологический аспект. — 2019. — № 4 (48). — С. 78–90.
27. Пиотровская В. Ю., Кекеева Т. М. Некоторые способы передачи реалий английского языка на русский (по рассказам О. Генри) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 2-2 (80). — С. 358–360.
28. Поляков С. М. Эквивалентность и вариативность в переводе (на материале рассказов О. Генри) // Городская культура и город в культуре : материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С. В. Соловьевой. — Самара, 2013. — С. 103–106.
29. Федченко Д. А. Лингвостилистические особенности ритмической организации рассказа О. Генри «Last leaf» и его переводов на русский и испанский языки // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и лингводидактики : материалы XXX междунар. науч.-практ. конф. — М., 2023. — С. 169–175.
30. Henry O. The last leaf. — URL : https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/the-last-leaf.pdf (дата обращения: 18.05.2024).
31. Henry O. The purple dress // The Trimmed Lamp and Other Stories. — URL : <https://www.gutenberg.org/files/3707/3707-h/3707-h.htm#c13> (дата обращения: 18.05.2024).

References

1. Abrosimova N. A. The problem of choosing synonyms when translating into Russian (using the example of O. Henry's stories and their translations). *Sopostavitel'naiia filologiia i polilingvizm: materialy II vseros. nauch.-prakt. konf.* [Comparative philology and polylingualism: materials of the IInd All-Russian Scientific and Practical Conference]. Kazan', Kazan state university Publ., 2005, pp. 11–12. (In Russian).
2. Abrosimova N. A. Some problems of translating phraseological units into Russian (using the example of O. Henry's stories). *I. A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo iazykoznaniiia: tr. i materialy III mezhdunar. Boduenovskikh ch.: v 2 t.* [I. A. Baudouin de Courtenay and modern problems of theoretical and applied linguistics: proceedings and materials of the III International Baudouin Readings: in 2 vols.]. Kazan', Kazan state university Publ., 2006, pp. 118–119. (In Russian).
3. Abrosimova N. A., Aminova A. A. Linguistic features of the translation of comic texts (based on the stories of O. Henry). *Most: iazyk i kul'tura* [Bridge: language and culture]. 2005, no. 16, pp. 47–50. (In Russian).
4. Aleksandrova E. S. The gender specificity of the translation of a literary text (based on the material of translations of O. Henry's short stories). *Nauka segodnia: teoriia, praktika, innovatsii: materialy XXIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science today: theory, practice, innovations: materials of the XXIII International Scientific and Practical conference]. Astrakhan', Olimp Publ., 2017, p. 11. (In Russian).
5. Gaibova L. S., Tarasova F. Kh. Features of translation of the language game based on the material of O. Henry's stories. *Aktual'nye problemy filologii XXI veka: materialy II vseros. nauch.-prakt. konf.* [Topical problems of philology of the XXI century: materials of the Second All-Russian scientific and practical conference]. Naberezhnye Chelny, 2018, pp. 71–76. (In Russian).
6. Henry O. The last leaf. *Shumi-gorodok nad Podzemkoy* [Make noise, town above the subway]. Transl. by V. Azov. Leningrad, Moscow, 1924a.
7. Henry O. Collected works. *Lib.Ru* [Lib.Ru]. The last leaf (transl. by E. Brodersen), 1924b; The purple dress (transl. by E. Brodersen), 1924v; The purple dress (transl. by V. Azov), 1925. Available at: <http://az.lib.ru/o/ogenri/> (accessed 18.05.2024).

8. Henry O. The last leaf. *Izbrannye novelly* [Selected stories]. Transl. by A. Gorlin. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1932.
9. Henry O. The last leaf. *Rasskazy* [Stories]. Transl. by Yu. Savel'yeva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1936.
10. Henry O. The purple dress. *Novelly* [Novels]. Transl. by A. Gorlin. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1938. Available at: <https://skazki.rustih.ru/o-genri-aloe-plate/?ysclid=ln7ov52np5728798045> (accessed 18.05.2024).
11. Henry O. *Purpurnoye plat'ye* [The purple dress]. Transl. by V. Mayants. 1954. Available at: <https://poesias.ru/proza/ogenri/ogenri10045.shtml?ysclid=ln7owmlryq839530262> (accessed 18.05.2024).
12. Henry O. The last leaf. *Izbrannoye* [Selected]. Transl. by K. Mikhaylov. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999.
13. Henry O. The purple dress. *Kapusta i koroli* [Cabbages and Kings]. Transl. by A. Fodorov. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2000.
14. Henry O. *Kapusta i koroli* [Cabbages and Kings]. Transl. by T. Ivanova. Khar'kov, Folio Publ., 2012.
15. Henry O. The last leaf. *Vozhd' krasnokozhikh* [The Ransom of Red Chief]. Transl. by A. Klimov. Khar'kov, Belgorod, Klub semeynogo dosuga Publ., 2013.
16. Henry O. The last leaf. *Dary volkhvov* [The Gift of the Magi]. Transl. by A. Matveyeva. Moscow, Eksmo Publ., 2023a.
17. Henry O. The purple dress. *Dorogi, kotoryye my vybirayem. 50 luchshikh rasskazov* [The roads we choose. 50 best stories]. Transl. by Ye. Petrova. St. Petersburg, Azbuka Publ., Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2023b.
18. Henry O. *Posledniy list* [The last leaf]. Transl. by N. Daruzes. [No year indicated]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/4319/p.1/index.html?ysclid=lww7ikzsvy300609471> (accessed 18.05.2024).
19. Dmitrieva V. A., Andrianova E. V. The peculiarities of the translation of some stylistic means in O. Henry's stories. *Pedagogicheskie masterskie: sb. nauch. tr.* [Pedagogical workshops: a coll. of scientific papers]. Kirov, 2020, pp. 55–60. (In Russian).
20. Doktorevich I. S. Some linguistic realities in O. Henry's stories and ways of translating them into Russian. *Universitetskie chteniia — 2015: materialy nauch.-metod. ch. PGLU* [University readings — 2015: materials of scientific and methodological readings of PSLU]. Pyatigorsk, 2015, pp. 102–109. (In Russian).
21. Zhuk E. E. Comic puns and their translation (based on the material of O. Henry's stories). *PR v Rossii: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyi opyt: materialy IV vseros. nauch.-prakt. konf.* [PR in Russia: education, trends, international experience: materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, Iug Publ., 2008, pp. 110–113. (In Russian).
22. Ivanova N. V. Peculiarities of the translation of phraseological units in O. Henry's story "The Ransom of the Red Chief". *Nauka i kul'tura v usloviakh globalizatsii: materialy II mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science and culture in the context of globalization: materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Cheliabinsk, 2018, pp. 164–168. (In Russian).
23. Malkova A. O. Peculiarities of the translation into Russian of linguistic and cultural aspects in O. Henry's stories. *Vserossiiskii studencheskii konvent "Innovatsiia": sb. materialov* [All-Russian Student Convention "Innovation": coll. of materials]. Ivanovo, 2016, pp. 237–241. (In Russian).
24. Mikheeva S. V., Emtseva E. P. Ways of translating phraseological units in O. Henry's stories. *Sovremennaiia filologiya: materialy IV mezhdunar. nauch. konf.* [Modern Philology: proceedings of the IV International Scientific Conference]. Ufa, Leto Publ., 2015, pp. 111–114. (In Russian).
25. Mukhametshina A. S. Lexical features in translations into Russian in O. Henry's stories. *Iazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deistvie: materialy IX nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem: v 3 c.* [Language: categories, functions, speech action: materials of the IX scientific conference with international participation: in 3 pts.]. Moscow, 2016, pt. 2, pp. 182–185. (In Russian).
26. Peshkova D. Iu. Some aspects of translating ethnographic words-realia from English into Russian (through the example of the short stories by O. Henry). *Filologicheskii aspekt* [Philological aspect]. 2019, no. 4 (48), pp. 78–90. (In Russian).
27. Piotrovskaya V. Iu., Kekeeva T. M. Some ways of translating the realias of the English language into Russian (by O. Henry's stories). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice]. 2018, no. 2-2 (80), pp. 358–360. (In Russian).
28. Poliakov S. M. Equivalence and variability in translation (based on the stories of O. Henry). *Gorodskaya kul'tura i gorod v kul'ture: materialy vseros. nauch.-prakt. konf.* [Urban culture and the city in culture: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Samara, 2013, pp. 103–106. (In Russian).
29. Fedchenko D. A. Linguistic and stylistic features of the rhythmic organization of O. Henry's story "Last leaf" and its translations into Russian and Spanish. *Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo iazykoznanii i lingvodidaktiki: materialy XXX mezhdunar. nauch.-prakt. konfe.* [Topical problems of comparative linguistics

and linguodidactics: proceedings of the XXX International Scientific and Practical conference]. Moscow, 2023, pp. 169–175. (In Russian).

30. Henry O. *The last leaf*. Available at: https://americanenglish.state.gov/files/ae/resource_files/the-last-leaf.pdf (accessed 18.05.2024).

31. Henry O. The purple dress. *The Trimmed Lamp and Other Stories*. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/3707/3707-h/3707-h.htm#c13> (accessed 18.05.2024).

Информация об авторе

Стрельцов Алексей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета.

Information about the author

Streltsov, Alexis — candidate of pedagogy, associate professor, chair of translation and IT in Linguistics of the Southern Federal University.

*Статья поступила в редакцию 07.07.2024;
одобрена после рецензирования 15.07.2024;
принята к публикации 17.07.2024.*

*Submitted 07.07.2024;
approved after reviewing 15.07.2024;
accepted for publication 17.07.2024.*

РАЗДЕЛ IV

ХЕДЖИРОВАНИЕ В ПИСЬМЕННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 88–93.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):88–93.

Научная статья
УДК 81'1
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.011

A cross-disciplinary analysis of hedging in postgraduate students' research proposals

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
olgaa_boginskaya@mail.ru

Abstract. The study explores the distribution of hedging devices in research proposals written by Russian postgraduate students majoring in engineering and humanities. In analyzing hedging from a cross-disciplinary perspective, this study adopted the methods of quantitative, contrastive and contextual analysis. Data were collected from 36 research proposals written by postgraduate students within the English language course. The results showed that research proposals written by humanities postgraduate students featured more hedges than those written by engineering ones, who did not tend to mitigate their claims. The low frequency of hedging markers in engineering research proposals was explained both by discipline-specific writing conventions and less developed language proficiency. The contrastive study of academic texts written by students majoring in two disciplines could complement the scarce body of research into non-native writers' academic discourse and contribute to the practice in English for Academic Purposes teaching to postgraduate students. The findings can be used by curriculum designers to create materials for Russian postgraduate students who study English for Academic Purposes.

Keywords: genre, research proposal, English for Academic Purposes (EAP), academic discourse, metadiscourse, hedging, postgraduate students, contrastive study.

For citation: Boginskaya O. A. A cross-disciplinary analysis of hedging in postgraduate students' research proposals. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 88–93. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.011.

Original article

Междисциплинарный анализ маркеров хеджирования в исследовательских проектах аспирантов

Ольга Александровна Богинская

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
olgaa_boginskaya@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является сопоставительный анализ маркеров хеджирования в научных текстах аспирантов, обучающихся по специальностям гуманитарного и технического направлений подготовки. В процессе исследования хеджей были использованы методы количественного, контекстуального и контрастивного анализа. Материалом для сравнительного анализа послужили 36 проектов научных исследований, написанных аспирантами в рамках курса английского языка. Анализ показал, что проекты аспирантов гуманитарных специальностей содержали значительно большее количество маркеров хеджирования, чем тексты аспирантов технических специальностей, которые избегали смягчения категоричных высказываний. Был сделан вывод о том, что низкая частотность хеджей, являющихся важными компонентами академического дискурса, связана как с дисциплинарными особенностями письма, так и с более низким уровнем владения английским языком. Результаты исследования могут быть использованы при разработке материалов для преподавания английского языка для академических целей в рамках подготовки к кандидатскому экзамену.

© Богинская О. А., 2024

Ключевые слова: проект научного исследования, английский язык для академических целей, академический дискурс, метадискурс, хеджирование.

Для цитирования: Богинская О. А. Междисциплинарный анализ маркеров хеджирования в исследовательских проектах аспирантов // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 88–93. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.011.

Introduction

A large number of studies have already explored the employment of metadiscourse strategies such as hedging, boosting, or engagement in different academic genres articles (e.g.: [Ji, 2015 ; Kozubíková Šandová, 2021 ; Boginskaya, 2022]). However, studies on metadiscourse features of research proposals as an emerging academic genre remain scarce and are dominated by investigations of rhetorical moves (see: [Flowerdew, 2016 ; Connor, 2020 ; Matzler, 2021]). The present comparative study of academic texts written by Russian postgraduate students majoring in humanities and engineering could complement the existing scarce body of research into this genre and contribute to the practice in EAP teaching to postgraduate students.

In order to obtain relevant information on hedging in research proposals written by postgraduate students, this study solves the following tasks:

- 1) identifies the frequency of occurrence of hedging devices in research proposals written by humanities and engineering students;
- 2) identifies reasons for the uneven distribution of hedging devices in the two disciplines;
- 3) provides pedagogical implications to improve academic writing skills in Russian postgraduate students.

In order to investigate hedging in research proposals written by postgraduate students thus solving the tasks set in the study, a combination of quantitative and qualitative methods was adopted. Specifically, frequencies were used to determine in which subcorpus hedging devices were used more often. Contextual analysis was adopted as the qualitative research method to elaborate on the results from the quantitative analysis. This study also employed a comparative qualitative approach as it sought to compare the realization of hedging in research proposals in two disciplines. The analysis process went through several steps. First, hedging markers were identified manually in 36 research proposals. Second, the markers found in the corpus were manually analyzed in context. It is worth mentioning that for the analysis the socio-pragmatic context in which hedges occur should be taken into account, as it is impossible to attribute the hedging function to an item without considering the context.

The genre of research proposal was selected for the present study as a valuable tool in assessing student's academic progress in both professional knowledge and EFL proficiency, which is important in the context of postgraduate studies. An analysis of research proposals written by postgraduates as an examination task will shed some light on the degree of their familiarity with the academic writing conventions.

The current study was conducted on a corpus of 36 research proposals written by humanities and engineering postgraduate students of a Russian university in 2017–2023. 36 research proposals were divided into two subcorpora. The number of tokens in each subcorpus was 46 086 and 49 425, which makes 95 511 tokens altogether. The examples quoted in this paper are coded by indicating the number of the subcorpus: S1 — for the humanities subcorpus and S2 — for the engineering subcorpus

Since the sizes of the two sub-corpora were not equal (most humanities proposals were longer than engineering ones), the raw frequencies of occurrence of hedging markers and normalized frequencies of the number of occurrences per 1 000 words were determined.

Theoretical framework

The methodological basis of the current study is Hyland's concept of metadiscourse (see: [Hyland, 2005]) — the term that was coined (see: [Harris, 1959]) and defined as the author's manifestation in the text to “bracket the discourse organisation and the expressive implications of what is being said” (see: [Schiffrin, 1980, p. 231]). As a product of social interaction, academic texts contain various metadiscourse features which have been described by Hyland as self-reflective expressions used to negotiate interactional meanings, express viewpoints and engage with readers (see: [Hyland, 2005]). These linguistic devices relate a text to its context by helping the reader to link, organize, and interpret the content in a way chosen by the author.

Hyland distinguished between two types of metadiscourse — interactive and interactional. While the interactive metadiscourse helps organize a text coherently by linking sentences to each other so that the reader can understand it better, interactional metadiscourse is employed to interact with the reader, explicitly convey

views and attitudes, and involve the audience by allowing them to respond to the unfolding text and anticipating their objections (see: [Hyland, 2005]). Interactional metadiscourse involves five elements — hedging, boosting, attitude stance, self-mention, and engagement — which help realize the rational, credible, and affective appeals contributing to the persuasiveness of a text (see: [Boginskaya, 2022]).

As far as the focus of the current study is hedging, consider this category more closely. The concept of hedging as a linguistic term was coined by Lakoff who was interested in the communicative value of hedging markers and dealt with the logical properties of words and phrases such as rather, largely, sort of, very which are used to make things fuzzier or less fuzzy (see: [Hyland, 1998]). Over the years, however, researchers have viewed hedging from different angles using Lakoff’s concept of fuzziness as a starting point. Brown and Levinson, for example, defined hedges as “elements that modify the degree of membership of predicate or a noun phrase in a set” and are used to achieve linguistic vagueness (see: [Brown, Levinson, 1987, p. 145]). Crismore and Vande Kopple adopted a different approach and defined hedges as elements that “signal a tentative or cautious assessment of the truth of referential information”, allowing authors to reduce their responsibility toward the information presented (see: [Crismore, Vande Kopple, 1998, p. 185]). Hyland also described hedging as tentative language commonly used to moderate the degree of authorial confidence or commitment in presenting claims, facts or opinions and invite the readers to get involved in open discussion about the nature of propositions (see: [Hyland, 2005]). The current study has adopted Hyland’s definition of hedging as a linguistic phenomenon contributing to the interactional function of language, employed to moderate the degree of author’s commitment to the proposition (see: [Ibid.]).

For the purpose of the present study, Hyland and Zou’s taxonomy of hedging markers was taken as the methodological basis (see: [Hyland, Zou, 2021]). Hyland and Zou distinguished between three types of hedging:

1) Plausibility markers are used to signal that a claim is based on assumptions rather than evidence (*may, could, suggest*). These markers show the writer’s commitment to the truth of the proposition and make claims less categorical in order to help the writer disclaim responsibility for the information conveyed in the utterance.

2) Downtoners are employed to mitigate claim intensity (*barely, quite, rather*).

3) Rounders or approximators of degree are used to indicate an approximation (*about, around, approximately, nearly*). This type of hedging modifies the propositional content presented in figures, statistics, and measurements and helps avoid providing precise information when it is of no importance to the writer.

Results

This section overviews hedging markers employed by the students from two groups. Table demonstrates that the raw and normalized frequencies of hedges used by humanities and engineering students were different.

Table

Raw and normalized frequencies
of metadiscourse markers in the corpus

Hedges	Group 1		Group 2	
	Raw frequency	Normalized frequency	Raw frequency	Normalized frequency
Plausibility markers	123	2,7	51	1,04
Downtoners	57	1,2	35	0,7
Rounders	8	0,2	19	0,4
Total	188	4,1	105	5

The normalized frequencies show that in the humanities subcorpus, the number of hedges is about twice more than in the engineering one, and the markers are unevenly distributed in three categories.

Even though engineering students tended to deploy the modal verbs for hedging effectively, they seemed to underuse other lexical units in comparison with their counterparts from humanities. This might be due to the fact that hedging might weaken the knowledge claim and reduce the degree of reliability for the authorial statement, which is typical of humanities, where authors need more space for their interpretation (see: [Kozubíková Šandová, 2021]), and their studies are less rooted in empirical research. As Takimoto put it, social

sciences are more interpretative and less abstract in producing knowledge, which requires more hedges and favors subjectivity. In humanities, results are provisional, they are not usually reliant on facts or measures (see: [Takimoto, 2015]). Consequently, authors tend to make their claims tentatively in order to convince readers who can approve or refuse them based on their judgments of the credibility of the research results presented by the author. In contrast, hard sciences, including engineering, are usually more fact-oriented and impersonal, which makes authors avoid hedging and produce objective statements.

Table 1 also shows that the subcorpora do not have a balance between all types of hedging. In both sub-corpora, the most frequent hedging devices are plausibility markers accounting for 2,7 and 1,04 in every 1 000 words, respectively. In engineering, rounders are more frequent than in the humanities sub-corpus (0,4 vs 0,2 in 1 000 words). The analysis also showed that there are more downtoners in the humanities proposals, while the engineering proposal writers seem to be less concerned with protecting themselves against inaccuracy of research results.

The results indicate that engineering students underuse hedging devices which make claims less categorical. The low employment of these interactional markers might be either to their compliance with discipline-specific writing norms or poorly developed academic writing skills. As Hyland suggested, non-native English speakers tend to use boosters, while native English speakers prefer to soften the illocutionary force of a proposition (see: [Hyland, 1998]). I can assume that the level of language proficiency has a primary impact on the choice of metadiscourse patterns. The ways of producing new knowledge in the engineering sciences influence the level of written language proficiency, including the academic style. Representatives of the hard sciences rely on the word to a lesser extent mainly exploiting quantitative indicators. Hedging is considered to be a sign of highly developed language proficiency. One more reason for the underuse of hedges is Russian academic writing style described as categorical. Mitigating tools are rarely used in Russian-language academic discourse being replaced by means of imperative modality, which adds a categorical tone to the statements (see: [Богинская, 2023]).

Consider the pragmatic functions of the three categories of hedging — plausibility markers, downtoners and rounders — and illustrate them with examples from the corpus.

1. Plausibility markers

As can be seen from Table 1, plausibility hedges prevail in both sub-corpora. They are used to recognize the limitations of claims and show authors' reservations of the accuracy of statements by moderating the way of expressing ideas. Here is an example of the plausibility hedges that indicate that the claims are based on assumptions rather than facts.

1) "Therefore, an analysis of this issue *seems* to be a worthwhile pursuit as it *might* provide policymakers with a practical approach to foreign policy in Europe." (G1)

2) "The models of thermal power plants presented in the work *can* be used for the analysis of energy safety and reliability of fuel supply and power supply." (G2)

In the examples, plausibility markers are used to protect the writers against inaccuracy of research results by mitigating the intensity of the claims.

2. Downtoners

The frequency of downtoners in the corpus was not significant compared to the plausibility markers. In the following examples, the downtoners *typically* and *usually* mitigate the intensity of the claims:

1) "Hiring decisions are *typically* made by committee members having different capacities to estimate the performance of candidates." (G1)

2) "However, these reagents *usually* require an additional synthetic stage." (G2)

In the examples, the downtoners convey a certain qualification with regard to the degree of accuracy of the claims, demonstrating that the statements might be inaccurate.

3. Rounders

One more category of hedging — rounders indicating an approximation — was rather scarce in the humanities texts as compared to other types of hedging. This low frequency can be explained by the fact that results of the numerical assessment are usually described in hard sciences. In humanities texts, rounders accompanied by figures occur less frequently due to the absence of statistics in this field of knowledge. In the engineering subcorpus, these devices were more frequent which is evident from the nature of engineering research. Here are examples of rounders which contribute to a compromise between the need for accuracy with numerical data and careful argumentation. The higher frequency of this type of hedging in the engineering sub-corpus seems to meet the discipline-specific nature of information with a large number of numerical data.

1) "The analysis revealed that the frequency of nouns was *about* twice more than that of verbs." (G1)

2) “It was shown that *about* 60 % of the total composition is formed by aluminum oxide and silicon oxide.” (G2)

By making the number a little fuzzy, the adverb *about* employed as a rounder expresses approximation, thereby making the claims less persuasive.

Conclusion

The increasing role of English in academic settings has brought some challenges to non-native speakers, who are forced to publish their research results in English, which requires knowledge of core features of academic writing, including metadiscourse patterns.

This study compared the employment of hedging resources in English research proposals written by Russian postgraduate students majoring in humanities and engineering, thus shedding light on how they follow academic writing conventions.

The corpus-based analysis revealed substantial disciplinary variation. Humanities students took far more explicitly involved positions than those from engineering sciences. The quantitative analysis showed that in the humanities sub-corpus, the number of hedges was about two times more than in the engineering one, which might be explained by discipline-specific carefulness of humanities writers in making claims, poorly developed language proficiency of engineering students or their desire to follow the Russian academic writing style described as categorical.

It should be admitted that the research results presented here are limited due to a small number of research proposals collected to build the corpus. Due to this limitation, the research results can be interpreted only as trends in the two disciplines which may be confirmed or rejected by comparative research based on a larger corpus. Through a study of interactional preferences of writers from a larger number of disciplines, we will learn more about rhetorical practices and values which would help novice writers learn academic style features typically used in a disciplinary community to produce knowledge in an accepted way. This analysis was limited to written academic discourse. It will be of interest to see if disciplinary differences in hedging can also be observed in oral presentations of research results.

The findings of the current study can be employed by curriculum designers to create materials for non-native writers and EAP instructors in their teaching practice. As far as the analysis serves to illustrate the hedging preferences of the two disciplinary communities, the findings may have value to academic writing, especially for humanities and engineering authors who should know rhetorical strategies and writing conventions in the field for best practices.

References

1. Boginskaya O. A. Metadiscourse analysis of New Year's addresses of the Russian President. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk* [Crede Experto: transport, society, education, language]. 2023, vol. 1 (36), pp. 166–181. (In Russian).
2. Boginskaya O. Cross-disciplinary variation in metadiscourse: A corpus-based analysis of Russian-authored research article abstracts. *Training, Language and Culture*. 2022, vol. 6 (3), pp. 55–66.
3. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge University, 1987, 345 p.
4. Connor U. Variation in rhetorical moves in grant proposals of U.S. humanists and scientists. *Text*. 2020, vol. 20, pp. 1–28.
5. Crismore A., Vande Kopple W. Reader's learning from prose. The effect of hedges. *Written communication*. 1998, vol. 5 (2), pp. 184–202.
6. Flowerdew L. A genre-inspired and lexico-grammatical approach for helping postgraduate students craft research grant proposals. *English for Specific Purposes*. 2016, vol. 42, pp. 1–12.
7. Harris Z. Computable syntactic analysis. *Transformations and Discourse Analysis Papers*. Philadelphia: University of Pennsylvania. 1959, vol. 15.
8. Hyland K. *Hedging in scientific research articles*. Amsterdam, John Benjamins, 1998, 248 p.
9. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. L., Continuum, 2005, 251 p.
10. Hyland K., Zou H. “I believe the findings are fascinating”: Stance in three-minute theses. *Journal of English for Academic Purposes*. 2021, vol. 50, p. 100973.
11. Ji X. Comparison of abstracts written by native speakers and second language learners. *Open Journal of Modern Linguistics*. 2015, vol. 5, pp. 470–474.

12. Kozubíková Šandová J. Interpersonality in research article abstracts: a diachronic case study. *Discourse and Interaction*. 2021, vol. 14 (1), pp. 77–99.
13. Matzler P. Grant proposal abstracts in science and Engineering: A prototypical move-structure pattern and its variations. *Journal of English for Academic Purposes*. 2021, vol. 49, p. 100938.
14. Schiffrin D. Metatalk: organizational and evaluative brackets in discourse. *Sociological Inquiry: Language and Social Interaction*. 1980, vol. 50, pp. 199–236.
15. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2015, vol. 5 (1), pp. 95–105.

Список источников

1. Богинская О. А. Опыт метадискурсивного анализа новогодних обращений президента России // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. — 2023. — № 1 (36). — С. 166–181.
2. Boginskaya O. Cross-disciplinary variation in metadiscourse: A corpus-based analysis of Russian-authored research article abstracts // *Training, Language and Culture*. — 2022. — Vol. 6 (3). — Pp. 55–66.
3. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. — Cambridge : Cambridge University. — 1987. — 345 p.
4. Connor U. Variation in rhetorical moves in grant proposals of U.S. humanists and scientists // *Text*. — 2020. — Vol. 20. — Pp. 1–28.
5. Crismore A., Vande Kopple W. Reader's learning from prose. The effect of hedges // *Written communication*. — 1998. — Vol. 5 (2). — Pp. 184–202.
6. Flowerdew L. A genre-inspired and lexico-grammatical approach for helping postgraduate students craft research grant proposals // *English for Specific Purposes*. — 2016. — Vol. 42. — Pp. 1–12.
7. Harris Z. *Computable syntactic analysis // Transformations and Discourse Analysis Papers*. — Philadelphia : University of Pennsylvania, 1959. — Vol. 15.
8. Hyland K. *Hedging in scientific research articles*. — Amsterdam : John Benjamins, 1998. — 248 p.
9. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. — L. : Continuum, 2005. — 251 p.
10. Hyland K., Zou H. "I believe the findings are fascinating": Stance in three-minute theses // *Journal of English for Academic Purposes*. — 2021. — Vol. 50. — P. 100973.
11. Ji X. Comparison of abstracts written by native speakers and second language learners // *Open Journal of Modern Linguistics*. — 2015. — Vol. 5. — Pp. 470–474.
12. Kozubíková Šandová J. Interpersonality in research article abstracts: a diachronic case study // *Discourse and Interaction*. — 2021. — Vol. 14 (1). — Pp. 77–99.
13. Matzler P. Grant proposal abstracts in science and Engineering: A prototypical move-structure pattern and its variations // *Journal of English for Academic Purposes*. — 2021. — Vol. 49. — P. 100938.
14. Schiffrin D. Metatalk: organizational and evaluative brackets in discourse // *Sociological Inquiry: Language and Social Interaction*. — 1980. — Vol. 50. — Pp. 199–236.
15. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. — 2015. — Vol. 5 (1). — Pp. 95–105.

Information about the author

Boginskaya, Olga — doctor of philology, professor at the Department of Foreign Languages, Irkutsk National Research Technical University.

Информация об авторе

Богинская Ольга Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2024;
одобрена после рецензирования 26.04.2024;
принята к публикации 28.04.2024.*

*Submitted 21.02.2024;
approved after reviewing 26.04.2024;
accepted for publication 28.04.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 94–98.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;3(70):94–98.

Научная статья
УДК 81'22
DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.012

Lexical verbs hedging in Chinese linguistic academic writing

Han Hao

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
School of Foreign Languages, Zhengzhou Business University, Gongyi, China
1042218192@rudn.ru

Abstract. The goal of this research is to investigate the challenges faced by Chinese master novices regarding hedging in academic writing. A comparative analysis was conducted on the usage of lexical verbs hedging in academic writings between novices and experts. The results indicate that novices demonstrate proficiency similar to experts in expressing viewpoints and quoting findings. However, they frequently exhibit reluctance in utilizing speculative verbs and encounter difficulties in grasping the negative evaluative nuances of quotative verbs, as well as lacking proficiency in the interpersonal function of sensorial verbs. This study contributes to a deeper understanding of the nuances involved in hedging strategies in academic writing, shedding light on areas where novices may require further support and guidance.

Keywords: academic writing, lexical verbs, hedging, Chinese master novices, linguistic experts, contrastive analysis, corpus-driven study, comparative analysis, collocational patterns, interpersonal function.

For citation: Han Hao. Lexical verbs hedging in Chinese linguistic academic writing. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 3(70); (In Russ.) Pp. 94–98. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.012.

Original article

Английские глаголы хеджирования, употребляемые в письменных лингвистических текстах

Хань Хао

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
Школа иностранных языков Чжэнчжоуского университета бизнеса, Гуньи, Китай
1042218192@rudn.ru

Аннотация. Целью данного исследования является описание затруднений, с которыми сталкиваются китайские студенты-магистранты в процессе хеджирования в научном письменном тексте. Проведен сравнительный анализ употребления глаголов хеджирования в научных трудах студентов-магистрантов и лингвистов-экспертов. Результаты показывают, что студенты-магистранты демонстрируют навыки, аналогичные лингвистам-экспертам, в выражении точек зрения, в цитировании, в выводах. Однако студенты часто проявляют нежелание использовать глаголы с семантикой предположения и сталкиваются с трудностями в понимании негативных оценочных коннотаций, выражаемых глаголами в цитированиях, а также не владеют глаголами сенсорного восприятия в межличностной коммуникации. Исследование способствует более глубокому пониманию оттенков смыслов, связанных со стратегиями хеджирования в научном письменном тексте, и определению аспектов, в которых магистрантам требуется консультативная помощь.

Ключевые слова: академический дискурс, хеджирование, китайцы-магистранты первого курса, контрастивный анализ, корпусное исследование.

Для цитирования: Хань Хао. Английские глаголы хеджирования, употребляемые в письменных лингвистических текстах // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 3 (70). С. 94–98. DOI: 10.37724/RSU.2024.70.3.012.

Introduction

The term “hedging” as introduced by G. Lakoff in the field of linguistics, delineates lexical elements that introduce varying degrees of uncertainty or ambiguity into discourse (see: [Lakoff, 1973]). Subsequently, this concept found resonance in sociological contexts, where it was appropriated to describe strategies aimed at mitigating potential face-threatening situations. In applied linguistics, scholars have scrutinized linguistic markers such as ‘suggest’, ‘seem’, ‘probable’ and ‘argue’, which subtly convey the speaker’s level of confidence in the validity of a proposition.

Within the realm of scientific writing, these emotive and propositional functions synergistically collaborate to rhetorically persuade readers to endorse assertions of knowledge. Hedging expressions serve to imbue communication with a sense of tentativeness and possibility, representing a critical yet often overlooked facet of scientific discourse. Besides, hedging, as a linguistic phenomenon, fulfills diverse pivotal roles in academic dialogue, serving as metadiscourse devices that afford authors the flexibility to present their claims with varying degrees of caution, articulate their stance on proposed assertions, and foster a dynamic engagement with readers (see: [Hyland, 1996]). Over time, there has been a notable accumulation of research exploring hedging within scientific and academic discourse, encompassing cross-disciplinary investigations (see: [Varttala, 2001 ; Takimoto, 2015]), cross-linguistic comparative analyses (see: [Kreutz, Harres, 1997 ; Vassileva, 2001 ; Cabanes, 2007 ; Hu, Cao, 2011]), among other approaches.

While there is a relative scarcity of comparative analyses focusing on English language learners, with the majority examining interactions between native speakers and English learners (see: [Hyland, Milton, 1997 ; Takimoto, 2015 ; Lee, Deakin, 2016]), studies specifically investigating the contrast between novice and advanced linguistic writers are notably sparse (see: [Aull, Lancaster, 2014 ; Haufiku, Kangira, 2018]).

It is worth noting the research of Russian linguists on the use of hedging techniques in works the object of which is a scientific text in English (see: [Темирбулатова, 2016 ; Михалева, Пушкинина, 2022 ; Шушарина, 2022]). This is a relevant direction for theoretical and practical research, since English has become widespread as the language of scientific communication.

This research endeavors to delve into and compare the collocational patterns of hedging lexical verbs in the academic writing of Chinese linguistic MA novices and expert linguists. Moreover, it aims to discern the contextual nuances associated with the use of hedging lexical verbs in academic writing.

The dataset under scrutiny comprises two electronic corpora: the Chinese linguistic MA theses corpus (CLMA_C) and the corpus derived from prominent international linguistic journals (ILJA_C).

Results of the Study

Novices demonstrate a comparable performance to experts in the categories and collocational patterns of lexical verbs used to express speculative viewpoints, quote academic authorities' findings, and convey objective perceptions. However, the frequency of individual lexical verbs hedged by novices differs from that of experts, indicating that novices still lack the ability to appropriately utilize hedging devices in academic discourse. We will elaborate their similarities and differences in the following section:

I. Chinese linguistic novices exhibit a similar pattern to experts in terms of utilizing a diverse range of speculative verbs, quotative verbs, and sensorial verbs, rather than relying on a limited set of verbs. For example,

1. Novices can use the pattern “results/findings suggest that” in the same way as experts when presenting the research results:

a) “The results suggested that Chinese English learners were inclined to construct incomplete ultimate representations during the comprehension of garden path sentences.” (CLMA_C).

b) “After analyses of N-2 collocates of the other 7 words, research findings suggest that the overwhelming majority of collocates are experiential words — words which only have referential functions.” (CLMA_C).

c) “Overall, then, the results suggest that an improvement in coherence can be brought about through manipulation of the miscues in semantic consistency and pragmatic relevance and that these miscues have psycholinguistic reality.” (ILJA_C).

d) “The findings suggest that German and Czech essays contain more tense and aspect repetition than L1 essays.” (ILJA_C).

2. Both novices and experts frequently utilize one of the linguistic manifestations of the quotative verb ‘claim’: “surname (year) + claim/claims/claimed + that”:

a) “Teubert (2004) claims that the internet is a virtual corpus and researchers can download all the texts and compile them into a special corpus.” (CLMA_C).

b) “Graetz (1985) claimed that the usual structure for an abstract is a four-part arrangement consisting of Problem-Method-Results-Conclusion.” (CLMA_C).

c) “Leech (1992) claims that the corpus is a more powerful methodology than introspection, as it is open to objective verification of results.” (ILJA_C).

d) “Coxhead and Nation (2001, p. 254) claim that a word should be included in a general academic vocabulary if it is common to a range of academic texts and accounts for a substantial number of words in an academic corpus.” (ILJA_C).

3. Novices demonstrate a certain degree of similarity with experts in grammatical collocation structures: “it seems/seemed + that-clause/to (be/v.) /adj.”:

a) “It seems that fewer words which are combined together tend to be more frequently than that of great number.” (CLMA_C).

b) “Thus it seemed to be true that human processors cease to process a sentence as long as they achieve an understanding subjectively to their satisfaction.” (CLMA_C).

c) “It seems impossible to determine to what extent differences in translation quality have an effect on the ‘linguistic’ reliability of the corpus material.” (ILJA_C).

d) “From post-task interviews, it seemed that participants noticed errors in the discourse, but chose not to discuss them.” (ILJA_C).

II. With regard to the differences, Chinese linguistic novices show their heterogenous collocational features compared with experts when hedging in academic writing. For example,

1. Speculative verbs: Novices in academic writing tend to overuse impersonal constructions such as “It is suggested that,” even though the more appropriate collocational pattern, “results/findings suggest that,” should be used when reporting their own research findings:

a) “It is suggested that a better understanding of ways of conveying authorial stance could be possible, if pragmatic theory of Relevance was added in the process of interpretation of differences in expressing these markers by different journalists of various languages and in diversified genres.” (CLMA_C).

b) “It is suggested that to address the problem of LI interference in students’ use of certain DMs, teachers need to pay close attention to the use of DMs and to reconsider the way of teaching DMs.” (CLMA_C).

c) “The results suggest that Spanish academics do criticise the work of others in order to create a space, allowing them to occupy a small territory that needs their attention.” (ILJA_C).

d) “The findings suggest that the participants, whatever their proficiency level, are aware of the functional differences between the yes/ no questions with and without an assertive item.” (ILJA_C).

2. Quotative verbs: Novices have not yet realized that in English culture, the word ‘claim’ is often associated with conjunctions or phrases such as ‘on the other hand’, ‘however’ and ‘actually’, which indicate contrast or different opinions:

a) “Brown and Levinson (1987) claim that the semantic operation of hedging can be achieved in indefinite numbers of surface forms.” (CLMA_C).

b) “Sinclair (1991) claims that the mechanism of language operation can be accounted for by two interpretative principles; the open-choice principle and the idiom principle.” (CLMA_C).

c) “However, Nation (2001) claims that ‘to read with minimal disturbance from unknown vocabulary, language users probably need a vocabulary of 15,000 to 20,000 word families.’” (ILJA_C).

d) “De Haan (2001), on the other hand, claims that English must is always epistemic, contrary to Dutch moeten, which can have both an epistemic and an evidential reading (which according to De Haan is completely absent in English).” (ILJA_C).

3. Sensorial verbs: Novices only rely on the structure “it seems/seemed + that-clause/to (be/v.) /adj.” but may not have fully acquired the hedging interpersonal function of the “it would seem to be/that-clause” structure:

a) “And it seems that their less successful job in the test could be well explained by their limited vocabulary and insufficient background information concerning hard news.” (CLMA_C).

b) “And it seems that they are welcoming the participation of the viewers, maybe the Shanghai citizens and the visitors of the expo.” (CLMA_C).

c) “For more advanced language learners, it would seem that a comprehensive approach might also be effective if they are able to attend to a range of linguistic foci.” (ILJA_C).

d) “Thus, it would seem that normative pressure from principles of equality and non-discrimination could have come from domestic society and/or international law.” (ILJA_C).

Conclusion

This study examined the use of lexical verbs hedging in Chinese linguistic MA theses and international journal articles. Novices show comparable performance to experts in categories and collocational patterns of lexical verbs. However, novices lack proficiency in specific hedging devices, relying heavily on others’ voices

and downplaying their own identities in speculative verbs. Novices also struggle with understanding the negative evaluative meanings of quotative verbs and certain collocational structures of sensorial verbs. These difficulties stem from unfamiliarity with English academic norms and cultural differences.

References

1. Mikhaleva E. I., Pushinina I. V. Pragmatic Use of Hedging in Academic Discourse. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie"* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistics. Education]. 2022, no. 1 (45), pp. 113–124. (In Russian).
2. Temirbulatova A. S. Scientific Text: Evaluation, Disciplinary Context, Hedging. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal]. 2016, no. 10-3 (52), pp. 92–95. (In Russian).
3. Shusharina V. A., Shusharina V. A. Propositional Hedging as a Means of Meaning Modification. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education]. 2022, no. 1 (92), pp. 392–395. (In Russian).
4. Aull L., Lancaster Z. Linguistic Markers of Stance in Early and Advanced Academic Writing: A Corpus-based Comparison. *Written Communication*. 2014, no. 31 (2), pp. 151–183.
5. Cabanes P. P. A contrastive analysis of hedging in English and Spanish architecture project descriptions. *RESLA*. 2007, no. 20, pp. 139–158.
6. Haufiku N., Kangira J. An exploration of hedging and boosting devices used in academic discourse focusing on English theses at the University of Namibia. *Studies in English Language Teaching*. 2018, no. 6 (1), pp. 1–11.
7. Hu G., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics*. 2011, no. 43 (11), pp. 2795–2809.
8. Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles. *Applied Linguistics*. 1996, no. 2, pp. 433–454.
9. Hyland K., Milton J. Qualification and certainty in L1 and L2 students' writing. *Journal of Second Language Writing*. 1997, no. 6, pp. 183–205.
10. Kreutz H., Harres A. Some observations on the distribution and function of hedging in German and English. Culture and styles of academic discourse. Ed. A. Duszak. Berlin, Mouton de Gruyter, 1997, pp. 181–201.
11. Lee J. J., Deakin L. Interactions in I1 and I2 undergraduate student writing: interactional metadiscourse in successful and less-successful argumentative essays. *Journal of Second Language Writing*. 2016, no. 33, pp. 21–34.
12. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973, no. 2 (4), pp. 458–508.
13. Takimoto M. A corpus-based analysis of hedges and boosters in English academic articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2015, no. 5 (1), pp. 95–105.
14. Varttala T. *Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio*. Tampere, University of Tampere, 2001, 322 p.
15. Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing. *English for Specific Purposes*. 2001, no. 20, pp. 83–102.

Список источников

1. Михалева Е. И., Пушнина И. В. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2022. — № 1 (45). — С. 113–124.
2. Темирбулатова А. С. Научный текст: оценка, дисциплинарный контекст, хеджирование // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 10-3 (52). — С. 92–95.
3. Шушарина В. А. Пропозициональное хеджирование как средство модификации смысла // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 1 (92). — С. 392–395.
4. Aull L., Lancaster Z. Linguistic Markers of Stance in Early and Advanced Academic Writing: A Corpus-based Comparison // *Written Communication*. — 2014. — № 31 (2). — Pp. 151–183.
5. Cabanes P. P. A contrastive analysis of hedging in English and Spanish architecture project descriptions // *RESLA*. — 2007. — № 20. — Pp. 139–158.
6. Haufiku N., Kangira J. An exploration of hedging and boosting devices used in academic discourse focusing on English theses at the University of Namibia // *Studies in English Language Teaching*. — 2018. — № 6 (1). — Pp. 1–11.
7. Hu G., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English and Chinese-medium journals // *Journal of Pragmatics*. — 2011. — № 43 (11). — Pp. 2795–2809.
8. Hyland K. Writing without conviction? Hedging in scientific research articles // *Applied Linguistics*. — 1996. — № 2. — Pp. 433–454.

9. Hyland K., Milton J. Qualification and certainty in L1 and L2 students' writing // Journal of Second Language Writing. — 1997. — № 6. — Pp. 183–205.
10. Kreutz H., Harres A. Some observations on the distribution and function of hedging in German and English // Culture and styles of academic discourse / ed. A. Duszak. — Berlin : Mouton de Gruyter, 1997. — Pp. 181–201.
11. Lee J. J., Deakin L. Interactions in 11 and 12 undergraduate student writing: interactional metadiscourse in successful and less-successful argumentative essays // Journal of Second Language Writing. — 2016. — № 33. — Pp. 21–34.
12. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of philosophical logic. — 1973. — № 2 (4). — Pp. 458–508.
13. Takimoto M. A corpus-based analysis of hedges and boosters in English academic articles // Indonesian Journal of Applied Linguistics. — 2015. — № 5 (1). — Pp. 95–105.
14. Varttala T. Hedging in Scientifically Oriented Discourse: Exploring Variatio. — Tampere : University of Tampere, 2001. — 322 p.
15. Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing // English for Specific Purposes. — 2001. — № 20. — Pp. 83–102.

Information about the author

Han Hao — postgraduate student at the Foreign languages department, Peoples' Friendship University of Russia; Lecturer at School of Foreign Languages, Zhengzhou Business University.

Информация об авторе

Хань Хао — аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; преподаватель школы иностранных языков Чжэнчжоуского университета бизнеса.

*Статья поступила в редакцию 27.03.2024;
одобрена после рецензирования 12.04.2024;
принята к публикации 15.04.2024.*

*Submitted 27.03.2024;
approved after reviewing 12.04.2024;
accepted for publication 15.04.2024.*

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/>)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. **Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.**

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года **входит в перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылаются электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желающие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если исследование содержит лингвистическую составляющую, напр.: 5.9.8. Исследование языковых и речевых нарушений. Язык в контексте культуры. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (германские языки, романские языки, китайский язык).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).

3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru, с копиями на адреса: e.ustinova.rsu@yandex.ru и e.ustinova.rsu@gmail.com. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК.* Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.

2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.

3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100–300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.

4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются запятой. Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи.* Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см² площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется отдельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Рекомендуется в списке источников не превышать 10 % ссылок на свои работы.

8.2. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.3. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.4. Ссылки на Википедию и Youtube недопустимы.

9. References.

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список источников	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Yu. D., Petrov P. K. <i>Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte</i> [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи журналов, сборника научных трудов, материалов конференции)

Список источников	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. — DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. <i>Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"</i> [Tambov University Review. Ser. "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.
Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Шчекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. <i>Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii"</i> [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Ignatovich Yu. (ed.) Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список источников	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).	Rybakov S. Yu. The problem of spirituality in the context of education. <i>Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya</i> [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016). (In Russian).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:

e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru; e.ustinova.rsu@gmail.com
(4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 3 (70)

2024

Главный редактор
Логинова Елена Георгиевна

Редакторы иностранного текста:
Е. С. Устинова (английский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Н. К. Костина (французский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 24.09.2024. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84¹/₈.
Усл. печ. л. 11,86. Уч.-изд. л. 10,4. Заказ № 144. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а